

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ВОСЬМОЙ

ХАРЬКОВ

1957

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

КАФЕДРЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА,
ТРУДОВОГО, КОЛХОЗНОГО И ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ВОСЬМОЙ

ХАРЬКОВ
1957

Печатается
по постановлению Ученого Совета
Харьковского юридического института
от 4 июля 1956 г.

Редакционная коллегия:

Доктор юридических наук, профессор *С. И. Вильнянский* (отв. редактор).
Доктор юридических наук, профессор *М. В. Гордон*.
Кандидат юридических наук, доцент *М. И. Бару*,
Кандидат юридических наук, доцент *А. А. Пушкин*.

А. А. ПУШКИН

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

На базе непрерывного роста и совершенствования социалистического производства в нашей стране неуклонно возрастает товарооборот, повышается значение советской торговли.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, определивший пути дальнейшего развития народного хозяйства СССР, поставил перед советской торговлей важные и ответственные задачи. Назначение советской торговли состоит в том, указывается в Директивах XX съезда по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы, чтобы бесперебойно удовлетворять растущие материальные и культурные потребности советских граждан. Советская торговля в то же время должна оказывать мощное обратное влияние на процесс производства, стимулируя его рост, повышение производительности труда и улучшение качества товарной продукции.

Само собой разумеется при этом, что развитие советской торговли возможно только под руководством социалистического государства и требует соответствующих организационных форм.

Во исполнение указанных задач¹ было признано необходимым сосредоточить в Министерстве торговли СССР оптовую торговлю подавляющей частью промышленных и продовольственных товаров. В большинстве своем торговые оптовые организации и предприятия из ведения промышленных министерств были переданы Министерству торговли. На основе решений январского Пленума ЦК КПСС (1955 г.), в целях лучшего снабжения торговой сети, местным органам управления советской торговлей предоставлено право самостоятельно распоряжаться значительной частью товаров, распределяемых ранее только в централизованном порядке.

¹ См. Л. Гатовский, Роль советской торговли в социалистическом воспроизводстве, Коммунист, № 9, 1955 г., стр. 44.

Намечен ряд и других мер. Проводятся мероприятия по дальнейшему организационно-хозяйственному укреплению розничной торговой сети (увеличен размер собственных оборотных средств торгов и магазинов, установлен особый режим их кредитования, изменены структура и характер договорных отношений предприятий торговли с предприятиями промышленности, произведено укрупнение магазинов и т. п.). Претворение в жизнь установок партии и правительства в свою очередь сопровождалось тем, что как планово-регулирующие торговые органы (в центре и на местах), так и оперативные органы розничной торговой сети подверглись определенной реорганизации.

В действовавшей до недавнего времени системе органов розничной торговли Министерства торговли СССР произошли существенные изменения. Почти все розничные предприятия и организации из союзного подчинения перешли в республиканское и местное подчинение. В системе Министерства торговли СССР были ликвидированы «Главгастроном» и «Главунивермаг», а розничные магазины «Гастроном», «Бакалея» и «Универмаг» были переданы Министерством торговли союзных республик. Специализированные розничные магазины и торги, находившиеся в ведении оптовых главторгов Министерства торговли СССР¹, также перешли либо в непосредственное подчинение министерств торговли союзных республик, либо в местное подчинение. Наконец, подверглись ликвидации и такие главки, как «Главкурортторг» и «Главсеверторг», а находившиеся в их подчинении розничные предприятия перешли в ведение министерств союзных республик.

«Для коренного улучшения торговли и общественного питания,— говорил в своей речи на XX съезде КПСС А. И. Микоян,— надо завершить децентрализацию управления торговыми предприятиями, передачу их местным Советам депутатов трудящихся...»². Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 3 июня 1956 года «О передаче предприятий ряда отраслей народного хозяйства в ведение союзных республик и проведении связанных с этим организационных мероприятий», изданное в развитие решений XX съезда КПСС, завершило процесс передачи розничной торговой сети в ведение союзных республик³.

В настоящее время лишь незначительное число розничных предприятий и организаций являются предприятиями и организациями союзного подчинения: военторги Главвоенторга Министерства торговли СССР с входящими в их состав розничными магазинами, розничные склады Главлесстройторга Министерства торговли СССР, управляемые на местах территориальными органами главка — оптовыми базами и конторами, розничные мага-

¹ В ведении главных управлений по оптовой торговле Министерства торговли СССР остались только предприятия и организации оптовой торговли.

² А. И. Микоян, Речь на XX съезде КПСС, Госполитиздат, 1956 г., стр. 10.

³ «Правда» от 3 июня 1956 года.

зины по продаже ювелирных изделий и часов Главювелирторга Министерства торговли СССР, которые вместе с ювелирными фабриками, скупочными пунктами и различного рода оптовыми базами входят на местах в состав подчиненных главку республиканских, областных и межобластных контор по производству и торговле ювелирными изделиями.

В системе министерств торговли союзных республик возникли новые структурные звенья розничной торговли. В РСФСР, например, сейчас на Министерство торговли возложено руководство образцово-показательными магазинами «Универмаг» по торговле промышленными товарами, непосредственно подчиненными «Главунивермагу» РСФСР, образцово-показательными гастрономическими и бакалейными магазинами, подчиненными «Главгастроному» РСФСР через посредство особых промежуточных звеньев-отделений. В ведении Главспортторга Министерства торговли РСФСР сосредоточены розничные торги и магазины по торговле спорттоварами. Главное управление по торговле в курортных местностях—Главкурортторг РСФСР — осуществляет через посредство подчиненных ему специальных контор руководство розничными предприятиями, расположенными в курортных местностях и морских портах. Руководство находящимися в районах Крайнего Севера и Сахалина розничными предприятиями, которые в свою очередь объединены в местные торги, возложено на Главсеверторг Министерства торговли РСФСР¹.

В УССР Министерство торговли осуществляет руководство розничной торговой сетью не через систему главных управлений, как это имеет место в РСФСР, а через систему специально созданных при Министерстве торговли УССР республиканских торгов и контор. Республиканская контора по торговле гастрономическими товарами — «Укргастроном» через систему особых промежуточных звеньев — отделений объединяет в своем составе розничные магазины «Гастроном» и «Бакалея» (четырёхзвенная система управления). Магазины типа «Универмаг» объединены в составе республиканской конторы универсальных магазинов по торговле промышленными товарами — «Укрунивермаг» (трехзвенная система управления). По трехзвенной системе управления построено и руководство специализированными розничными магазинами по продаже текстиля и одежды, которые объединены в составе республиканской конторы специализированных магазинов по торговле текстилем и одеждой — «Укртекстильшвейторг». Розничные предприятия, расположенные в курортных местностях (по продаже как продовольственных, так и промышленных товаров), входят в состав подчиненной Министерству торговли УССР Республиканской конторы по торговле в курортных местностях —

¹ Подробно о структуре аппарата Министерства торговли РСФСР см. Приложение № 1 к Приказу Министерства торговли РСФСР от 17 декабря 1954 г., № 563.

«Укркурортторг». В состав Республиканского торгога («Укрспортторга») входят розничные магазины по продаже спортивных товаров, руководство которыми торг и осуществляет либо непосредственно, либо через конторы, создаваемые в тех областях республики, где находится особенно большое число розничных магазинов¹.

Аналогичным структуре Министерства торговли УССР является и структурное построение оперативных органов розничной торговой сети других союзных республик.

Подавляющее число розничных предприятий и организаций в настоящее время сосредоточено в местном подчинении. Можно сказать, что основное место сейчас в розничной торговле занимают местные торговые предприятия и организации. Именно в связи с тем, что местные торговые предприятия и организации заняли основное место в розничной торговле, произошло преобразование край, обл., горторготделов исполкомов Советов депутатов трудящихся в областные и городские управления при исполкомах Советов депутатов трудящихся, которые переведены на хозяйственный расчет.

Все розничные магазины местного значения независимо от профиля их хозяйственной деятельности объединены в торги. Все местные торги, в свою очередь, классифицируются по определенным группам. Так, на основе административно-территориального деления, местные торги подразделяются на областные торги (краевые торги), осуществляющие розничную торговлю в пределах целой области, на межрайонные торги, обслуживающие ряд смежных районов одной области, на городские торги, осуществляющие торговую деятельность на территории города, на городские межрайонные торги, обслуживающие несколько районов одного города, городские районные торги, организующие торговлю в границах одного района имеющего районное деление города. На основе признака специализации местные торги делятся на смешанные, пищевые, промтоварные и специализированные торги. Смешанные торги, производящие торговлю как продовольственными, так и промышленными товарами и, следовательно, объединяющие в своем составе соответствующие этому розничные магазины, созданы преимущественно в небольших городах, где нецелесообразно делить торговлю между двумя и более торговыми. В крупных городах (обычно в республиканских и областных центрах) отдельно созданы торги по торговле продовольственными товарами — пищеторги и по торговле промышленными товарами — промторги. Розничные магазины с узким ассортиментом, состоящим из одной или нескольких товарных групп, объединены в так называемые специализированные торги, какими, например, в городах областного, а чаще всего республиканского значения являются хлеб-

¹ Подробно о структуре Министерства торговли УССР см. Приложение № 1 к Приказу по Министерству торговли УССР от 4 февраля 1955 года, № 4.

торги, плодоовощторги, молокоторги, маслоторги, нефтеторги, обувторги и т. д.¹

Соответственно структурному построению оперативных органов государственной розничной торговой сети определяется в настоящее время и правовое положение каждого ее звена. При этом правовое положение иногда одних и тех же по названию оперативных звеньев определяется различно в зависимости от того, каково их место, функции и задачи в общей системе органов розничной торговли СССР.

Широко известным в юридической литературе нормативным актом, которым наиболее полно определяется правовое положение оперативных органов розничной торговли общесоюзного и республиканского значения, является утвержденное ЦИК и СНК СССР 17 августа 1927 года Положение о государственных торговых предприятиях (торгах)². Правовое положение органов розничной торговли местного значения в значительной мере было определено Постановлением СНК СССР от 5 января 1936 года «Об управлении городской торговой сетью системы Наркомвнутторга»³. Однако, указанные нормативные акты значительно устарели и являются в настоящее время далеко не исчерпывающими в вопросах правового положения торговых предприятий и организаций.

Решая вопрос о правовом положении торговых предприятий, необходимо, прежде всего, выяснить какие из оперативно-хозяйственных госорганов розничной торговли согласно действующему законодательству относятся к числу «торговых предприятий» и какие из них являются «торговыми организациями». В юридической литературе, как известно, делению государственных органов, осуществляющих оперативно-хозяйственные функции, на хозяйственные организации и предприятия придается большое практическое значение, так как в этом делении находят отражение существующие между госорганами внутренние различия в структурном их построении, связанные с хозрасчетом и определяющие характер выступления госорганов в имущественном обороте в качестве юридических лиц гражданского права⁴.

Положение о государственных торговых предприятиях от 17 августа 1927 года называет торговым предприятием только самый торг, именуя входящие в его состав магазины, конторы, отделения, склады и т. п. оперативными единицами.

Государственным торгом, говорится в Положении от 17-го августа 1927 года, признается государственное торговое предприятие, организованное на основе особого устава, в виде самостоя-

¹ См В. И. Виноградов, Я. А. Каминский, Организация и техника советской торговли, 1954 г., стр. 15—17.

² СЗ 1927 г., № 49, ст. 502.

³ СЗ 1927 г., № 49, стр. 502.

⁴ См. С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, 1950 г., стр. 275; С. Н. Ландкоф, Основы гражданского права, 1948 г., стр. 97; А. В. Карасс, Право государственной социалистической собственности, 1954 г., стр. 62.

тельной хозяйственной единицы с правами юридического лица, состоящее в ведении одного, указанного в уставе, государственного учреждения и действующее на началах хозяйственного расчета, в соответствии с плановыми заданиями, утвержденными упомянутым учреждением (ст. 2). Каждый торг является единым предприятием, в состав которого могут входить одна или несколько оперативных единиц, как-то: магазинов, контор, отделений, складов и т. п. (ст. 3).

Таким образом, торговыми предприятиями Положение о государственных торговых предприятиях от 17 августа 1927 года признает объединения оперативных единиц: магазинов, контор, отделений, складов и т. п. и автономно действующие, не входящие в состав объединений отдельные оперативные единицы из числа тех же магазинов, контор, отделений, складов и т. п. Термина «торговая организация» Положение от 17 августа 1927 года вообще не знает.

Однако более поздние нормативные акты этим термином пользуются довольно широко, называя торговыми организациями различного рода объединения торговых оперативных единиц (торги, конторы) и относя к числу торговых предприятий только оперативные единицы: магазины, склады и т. д. Это объясняется тем, что со времени издания Положения о торгах произошли существенные изменения как в правовом положении самих торгов, так и в правовом положении входящих в их состав оперативных единиц. Магазины почти всех торгов переведены на хозрасчет — внутренний или полный. Торги усвоили ряд новых функций. Поэтому отпала необходимость для всех случаев и в юридически едином понятии торгового предприятия, тем более, что теперь в правовом отношении объединение (торг) и автономно-действующая оперативная единица стали не совсем одним и тем же.

Вместо одного понятия — предприятия, как организационно-правовой формы, на его основе возникло две, хотя и близкие по своей природе, но все же различные организационно-правовые формы, получившие свое определение в сложившихся в законодательной практике терминах — «предприятие» и «организация».

Правовое положение торговых предприятий и организаций на основе сложившихся особенностей в хозрасчетном их построении, проявляется различно, является неодинаковым (не тождественным). Наиболее четкое различие в правовом положении предприятий и организаций (трестов), как известно, выражено в законодательстве, относящемся к сфере промышленности, так как там хозрасчет в деятельности предприятий проявляется, как правило, в форме «полного хозрасчета», с которым практика давно связывает признание за предприятием прав юридического лица. По мере расширения и внедрения хозрасчета вглубь, отдельные производственные предприятия, входившие в состав трестов, были переведены на начала полного хозяйственного расчета и вследствие этого приобрели определенную самостоятельность в гражданском

обороте, т. е. стали юридическими лицами. Трест из юридически единого предприятия, как это было предусмотрено Положением о государственных промышленных трестах от 29 июня 1927 года, превратился в сложное (составное) предприятие. В гражданском обороте деятельность треста по основной его работе (промышленное производство) оказалось опосредствованной деятельностью входящих в его состав производственных предприятий. Фигура треста в качестве юридического лица утратила прежнее свое значение. Оперативные функции по сбыту продукции промышленного производства, а в ряде случаев и по приобретению сырья, топлива, оборудования, материалов и т. д., ранее осуществлявшиеся исключительно самим трестом, ныне стали осуществляться производственными предприятиями в качестве самостоятельных юридических лиц гражданского оборота. Все это и обусловило своеобразное правовое положение ныне существующих трестов и подчиненных им производственных предприятий, новый характер их взаимоотношений друг с другом.

В сфере розничной торговли также можно встретить такие торговые организации, оперативные единицы которых — предприятия (например, магазины «Универмаг», «Гастроном», крупные магазины специализированных торгов и т. п.) действуют на началах полного хозяйственного расчета. И здесь, подобно тому, как и в промышленности, с такого рода формой хозрасчета практика давно связывает признание за предприятиями прав юридического лица.

Однако по общему правилу в розничной торговле расширение и внедрение хозрасчета вглубь требовало применения несколько иных организационных форм, при которых входящие в состав торгов оперативные торговые единицы (предприятия), чаще всего не приобретали права юридического лица. Так что в большинстве случаев торг и в настоящее время является торгующей организацией и не утратил полностью своего значения как юридического лица, через посредство которого в гражданском обороте осуществляются торговые функции. Только крупные магазины, входящие в состав торгов, действуют на началах полного хозяйственного расчета и выступают в обороте как самостоятельные юридические лица.

Чтобы наглядно убедиться в том, что действительно есть много торгов, особенно местного, да в ряде случаев и республиканского подчинения, в которых число розничных магазинов, действующих на началах полного хозяйственного расчета, очень невелико, достаточно сказать, что такие торги, как Куйбышевский специализированный торг по розничной торговле одеждой — «Торгодежда» г. Куйбышева, «Горьководежда», «Харьководежда», республиканские специализированные торги «Латодежда» и «Белодежда», ранее находившиеся в ведении «Главторгодежды» Министерства торговли СССР, а ныне переданные в республиканское и местное подчинение, не имеют в своем составе ни одного розничного ма-

газина, действующего на полном хозрасчете. Только в составе Сталинского специализированного торгога — «Торгодежда» г. Сталино — имеется один розничный магазин (№ 4), который переведен на полный хозрасчет и пользуется в обороте определенной самостоятельностью. Таково и общее правило. Именно так понимает роль и назначение торговых организаций (торгов) и торговых предприятий (магазинов) и совместный приказ Министерства торговли СССР и Министерства промышленности товаров широкого потребления от 26 января 1955 года № 028/051 «О заключении договоров на поставку готовой продукции в 1955 году», в котором указывается, что поставка товаров торгующей сети производится на основании прямых договоров, заключаемых между торгующими организациями и крупными магазинами, с одной стороны, и промышленными предприятиями — с другой. Согласно этому же приказу право участвовать вместе с оптовыми базами в согласовании ассортимента предоставлено лишь торгующим организациям и крупным магазинам, заключающим договоры непосредственно с предприятиями-изготовителями этих товаров. В план распределения товаров, составляемый оптовыми базами и представляемый предприятиям промышленности, говорится в этом же приказе, включаются торгующие организации и только крупные магазины, получившие право заключения самостоятельных договоров с промышленными предприятиями.

Таким образом, в настоящее время существует три вида торгов: (1) торги, у которых предприятия (магазины) находятся на внутреннем (неполном) хозрасчете, (2) торги, часть предприятий (магазинов) которых переведена на полный хозрасчет, и (3) составные (сложные) торги, все предприятия (магазины) которых действуют на началах полного хозяйственного расчета.

Подавляющее число действующих торгов является торгогами первого и второго видов. Все три вида торгов имеют свои особенности в правовом положении.

Торги первого вида, с точки зрения их правового положения в гражданском обороте, могут быть определены в полном соответствии со ст. 3 Положения о государственных торговых предприятиях от 17 августа 1927 года, как юридически единые предприятия, в состав которых входят несколько торгово-оперативных единиц — магазинов. В гражданском обороте хозяйственной самостоятельностью обладает торг, а магазины и другие торговые предприятия являются его составными частями. И тогда, когда юридические действия в обороте совершаются дирекцией (органом) торгога, и тогда, когда такие действия исходят непосредственно от торговых предприятий, одинаково считается, что в обороте выступает сам торг. Права и обязанности создаются непосредственно для торгога. Торг является ответственным по всем действиям независимо от того, как они были совершены. Фигура торгога в обороте полностью заслоняет входящие в его состав торговые предприятия.

Такого рода торги, являющиеся преимущественно торгами местного значения (из союзных торгов к данной категории могут быть отнесены лишь военторги Главвоенторга Министерства торговли СССР) внешне как будто бы полностью сохранили свое правовое положение в том виде, как оно было дано Положением о торгах от 17 августа 1927 года.

Вместе с тем, следует отметить, что в уставах этих торгов нет указаний на то, что они, как юридические лица, действуют на основе Положения о государственных торгах от 17 августа 1927 года. Это объясняется, во-первых, тем, что это Положение в основном было рассчитано на торги общесоюзного и республиканского значения (единство же свое в настоящее время сохранили, как правило, лишь торги местного значения), поэтому оно на практике к данной категории торгов не применяется. Во-вторых, это Положение устарело и не отражает происшедших хозрасчетных изменений в деятельности оперативных единиц торгова; в Положении есть, например, только одна статья, посвященная оперативным единицам торгова (ст. 9). Поэтому оно и к таким общесоюзным и республиканским торгам, как военторги Министерства торговли СССР, «Торгодежда» Министерства торговли Латвийской ССР, на практике также не применимо.

В уставах такого рода ныне действующих торгов, наряду с указанием на то, что магазины получают товары и совершают иные юридические действия через посредство торгова, проводится мысль о всемерном укреплении хозрасчетной деятельности магазина. В уставах закрепляются организационно-правовые основы хозрасчета магазинов. Магазины данных торгов состоят на самостоятельных балансах, пользуются правом производить закупки в порядке подсортировки ассортимента и заключать разовые сделки в пределах номенклатуры и количества, утвержденных торгом. При этом в выдаваемых торгами доверенностях обязательно указывается на право директоров магазинов совершать названные действия. Хотя «собственные» оборотные средства таким магазинам и не выделяются, но торги должны ежемесячно определять размер (лимит) потребных магазину средств на оплату закупок и административно-хозяйственных расходов; счета по сделкам, заключенным магазином, а также по хозяйственным расходам оплачиваются торгом в пределах выделенных магазину средств. Магазин имеет внутренний расчетный счет в торговой организации, в состав которой он входит.

Чтобы убедиться в том, какое внимание на практике придается указанным вопросам, достаточно сослаться на устав Хмельницкого смешторга, разработанный на основе типового устава, утвержденного Министерством торговли УССР 24 ноября 1947 года.

В уставе этого смешторга (торга местного подчинения), в частности, говорится: *торг производит покупку товаров по всем видам договоров и осуществляет руководство и наблюдение за заключением и выполнением договоров, заключенных от имени*

торга его хозрасчетными предприятиями; торг рассматривает и утверждает торгфинпланы для хозрасчетных филиалов и предприятий; торг определяет потребные средства хозрасчетным филиалам и предприятиям, устанавливает для них лимиты кредитования, если последние согласно доверенности торга пользуются правом самостоятельного кредитования в Государственном банке; торг утверждает отчеты и балансы хозрасчетных филиалов и предприятий; торг утверждает Положения о хозрасчетных филиалах и предприятиях.

Аналогичные указания имеются во всех уставах данной категории торгов.

Существующие ныне и находящие свое закрепление в уставах торгов формы хозрасчетной деятельности магазинов не превращают последних в самостоятельных субъектов имущественного оборота. Это лишь форма так называемого внутреннего хозрасчета. В обороте в качестве его самостоятельного субъекта (юридического лица) выступает торг. Тем не менее, несмотря на всю значимость юридически единой формы торга, магазин (оперативная единица торга) в настоящее время, фактически является основным звеном розничной торговли. «Магазин — основное звено в торговле, — говорится в приказе Министерства торговли СССР № 82 от 21 января 1953 года «Об улучшении планирования товарооборота и хозяйственной деятельности магазина». Этим же приказом Министерства торговли СССР введены единые формы торгово-финансового плана для всех магазинов системы Министерства торговли СССР. В торгующей организации, как говорит приказ, должны быть все необходимые данные по товарообороту, труду, заработной плате, издержкам обращения, реализованному накоплению, прибыли по каждому торговому предприятию — магазину. С 1 апреля 1950 года установлена новая шкала размера товарооборота для присвоения магазинам разрядов¹.

Из сказанного, таким образом, видно, что роль магазинов, как первичных звеньев розничной торговой сети, в настоящее время значительно возросла. Это обусловлено вполне определенными причинами. Но все же нельзя согласиться с утверждением проф. С. Н. Братуся о том, что розничные торговые предприятия (магазины)² прошли свой путь развития вслед за промышленными предприятиями. Наряду со спецификой торговой деятельности одной из причин недостаточной в имущественном отношении устойчивости магазина, по мнению проф. С. Н. Братуся, является тот факт, что торговая система вступила на путь осуществления внутриторгового хозрасчета значительно позже, чем промышленность³.

¹ Старая шкала была установлена в 1936 году.

² С. Н. Братусь, Юридические лица в советском гражданском праве, 1947 г., стр. 293.

³ Там же, стр. 294.

Конечно, в хозрасчетных формах промышленности и торговли очень много сходного и организационные формы промышленности в значительной степени определяли организацию других отраслей народного хозяйства. Но развитие хозрасчета в области торговли имеет свои особенности и механического заимствования здесь не может быть. Проведение хозрасчета в розничной торговой сети зависит от многих таких причин, которые, например, в промышленности совсем или почти совсем отсутствуют. Поэтому неправильным было бы утверждение, что все магазины первого разряда переведены на полный хозрасчет и являются подобно трестированным предприятиям юридическими лицами. Можно назвать много магазинов первого разряда, которые находятся на внутреннем хозяйственном расчете и юридическими лицами не являются. Да, собственно говоря, подавляющее большинство магазинов первого разряда местных и некоторых республиканских торгов именно таковыми и являются. Можно встретить магазин первого разряда на полном хозрасчете лишь как исключение в составе специализированных торгов.

Отсюда следует, что разряд магазина, присвоенный ему в соответствии с размером его товарооборота, является не единственной предпосылкой, а лишь одной из предпосылок для перевода такого магазина на полный хозяйственный расчет.

При переводе магазина на хозрасчетные начала, помимо размера его товарооборота, необходимо учитывать также объем и характер потребительского спроса; магазины, например, торгующие продуктами питания, должны иметь небольшой радиус обслуживания; иначе решается вопрос в отношении магазинов, торгующих товарами редкого спроса; надо учитывать также структуру потребительских закупок, физико-химические свойства товаров и особенность их потребления, размеры торгового помещения, внешние условия месторасположения магазина (населенность города, характер улицы и района), рентабельность отдельных торговых операций и т. д. Главным среди всех этих условий является то, что, в целях наилучшего удовлетворения потребностей населения, лучше иметь много мелких магазинов, чем немного крупных. Советское государство не может открывать магазины только тогда, когда они сами себя окупают.

Поэтому естественно, что мелкие и средние магазины не могли быть переведены на начала полного хозяйственного расчета, и тем не менее Советское государство в интересах трудящихся сознательно идет на открытие таких магазинов. Решительно пресекаются всякие попытки, со стороны каких бы местных органов они не исходили, необоснованного закрытия мелких магазинов. Так, например, в приказе Министра торговли СССР № 372 от 4 ноября 1953 года «О недопущения закрытия действующих торговых предприятий» прямо говорится: «Считать недопустимой практику закрытия магазинов и предприятий общественного питания». Во всех случаях,— сказано в приказе, в том числе связанных с

реконструкцией городов, закрытие магазинов производить только по особому разрешению министра торговли соответствующей союзной республики. Министрам торговли союзных республик, заведующим обл (край) управлениями торговли, предписано этим приказом, не допускать закрытия торговых предприятий в связи с их нерентабельностью. Торгующим организациям (торгам) предложено принимать все меры по улучшению работы таких предприятий. Даже в тех случаях, когда происходит передислокация специализированных торгов, магазины местных торгов не подлежат ликвидации, а должны быть включены в состав другой торговой организации, обслуживающей данный населенный пункт.

Вот почему в условиях нашего общества и не может быть стремления к тому, чтобы каждый магазин был переведен на полный хозяйственный расчет. Только крупные магазины, все условия деятельности которых соответствуют указанным выше требованиям, в порядке исключения могут быть переведены на полный хозяйственный расчет.

Следовательно, есть существенная разница в путях осуществления и внедрения хозрасчета в системе торговли и промышленности; с этим различием не может не считаться и действующее законодательство. Этим, собственно говоря, объясняется и тот факт, что промышленные предприятия, находящиеся в составе торгов (различного рода пошивочные фабрики и комбинаты и т. п.), подобно трестированным предприятиям по общему правилу все состоят на началах полного хозяйственного расчета, а торговые предприятия, входящие в состав тех же торгов, полностью хозрасчетными не являются и, как правило, действуют лишь на началах внутреннего хозяйственного расчета.

Система полного хозрасчета здесь осуществляется во втором звене в форме организации торгога. Торг полностью сохраняет свое значение как такая правовая форма, через посредство которой и в настоящее время обеспечивается руководство розничной торговой сетью на началах полного хозяйственного расчета. Отсутствие общего нормативного акта, регулирующего деятельность подобного рода торгов, является существенным пробелом в действующем законодательстве.

Применительно к данного рода торговым предприятиям и организациям практика настоятельно диктует необходимость издания нормативного акта, в котором бы было сохранено юридическое единство торгога и одновременно было бы организационно закреплено хозрасчетное начало деятельности оперативных единиц торгога — магазинов.

Близко к правовому положению данных магазинов и торгов урегулировано и правовое положение розничных предприятий и организаций Главлестройторга и Главювелирторга Министерства торговли СССР.

На полном хозрасчете действует лишь базы и конторы данных

главков. Розничные же предприятия (магазины, склады), как правило, находятся только на внутреннем хозяйственном расчете¹.

Совершенно иными признаками характеризуется правовое положение торгов третьего вида, т. е. торгов, все магазины которых состоят на полном хозяйственном расчете. К этой группе торгов и магазинов должны быть отнесены в основном торговые организации республиканского подчинения, такие, как, например, специализированные торги (конторы): «Универмаг», «Гастроном», «Бакалея».

Правовое положение названных торговых организаций и предприятий не соответствует Положению о торгах от 17 августа 1927 года. В практике даже трудно найти ссылки на Положение от 17 августа 1927 года или вообще какое-либо упоминание о нем. И это вполне понятно. Положение о государственных торговых предприятиях (торгах) от 17 августа 1927 года в настоящее время не отражает действительного правового положения торговых предприятий и организаций, на регулирование деятельности которых оно в свое время было рассчитано.

Названные выше торговые предприятия (магазины) все сейчас действуют на началах полного хозяйственного расчета. Несмотря на то, что все они входят в объединения (торги, конторы), хозрасчет их построен так, что они состоят на самостоятельных балансах, имеют собственные оборотные средства, вправе самостоятельно заключать договоры в пределах установленного для магазинов торгово-финансового плана, имеют самостоятельный расчетный счет в Госбанке, имеют право самостоятельно и непосредственно кредитоваться в банке. Всем указанным магазинам предоставлено право распоряжаться выделенными оборотными средствами и вступать в непосредственные взаимоотношения с поставщиками для выполнения плана.

Именно об этих магазинах идет речь во всех тех нормативных актах, в которых из всей системы розничных торговых предприятий особо выделяются крупные магазины и в которых предусмотрен особый для них правовой статус. Согласно приказу Мини-

¹ Конторы (базы) данных главков являются уставными организациями. Например, на основе устава, утвержденного приказом Министерства торговли СССР № 703 от 6 октября 1946 года, действует Киевская межобластная контора Главювелирторга Министерства торговли СССР. Согласно названному уставу контора имеет своей задачей организацию на территории ряда областей отдельных магазинов для производства в них торговли ювелирными изделиями, часами, антикварными вещами, скупочных пунктов, ювелирно-часовых фабрик и иных предприятий. Контора состоит на самостоятельном балансе, обладает собственными оборотными средствами и пользуется правами юридического лица. В правовом положении магазинов указанные признаки отсутствуют. Как сказано, например, в утвержденном 27 марта 1953 года Положении о Хмельницком ювелирном магазине, магазин не наделяется конторой оборотными и основными средствами, все юридические действия совершает от имени конторы и по ее доверенности, своего расчетного счета в кредитном учреждении не имеет. Положениями о данных магазинах прямо предусматривается, что они правами юридического лица не пользуются.

стерства торговли СССР от 21 января 1953 года «Об улучшении планирования товарооборота и хозяйственной деятельности магазина» для крупных магазинов баланс доходов и расходов устанавливается по формам, утвержденным для торгующих организаций. На балансе таких магазинов непосредственно показываются все необходимые данные по товарообороту, труду и заработной плате, издержкам обращения, реализованному накоплению и прибыли.

На крупные магазины, как состоящие на полном хозрасчете, в полной мере распространяют свое действие все постановления правительства, которыми был повышен размер долевого участия собственных оборотных средств торгующих организаций при кредитовании их Госбанком. Больше того, исходя из условий нового мощного подъема социалистической экономики и расширения товарооборота и учитывая необходимость, в связи с этим, в создании стимулов для накопления розничными торгующими организациями собственных оборотных средств и усиления их оборачиваемости, было увеличено число самостоятельных магазинов путем наделения собственными оборотными средствами магазинов, которые ранее не были на хозрасчете. Так возникли на полном хозрасчете магазины «Гастроном», фирменные продовольственные магазины (ныне находящиеся в системе Министерства торговли СССР) и некоторые другие.

Почти всем крупным магазинам, имеющим фонды, обеспечивающие возможность оплачивать поставки товаров в количестве или на сумму не ниже минимальных норм отпуска, установленных п. 18. Основных условий поставки, или особыми условиями поставки отдельных видов товаров, предоставлено право заключать прямые договоры с предприятиями промышленности¹.

Все крупные магазины являются либо внеразрядными (например, магазины «Универмаг»), либо первого разряда и очень редко являются магазинами второго разряда.

Соответственно этому и правовое положение данных магазинов, закрепленное в их уставах и положениях, определяется таким образом, что за ними фактически признаются права юридического лица.

В РСФСР, где крупные магазины, например, типа «Универмаг» и «Гастроном», непосредственно подчинены соответствующим главным управлениям (Главунивермагу и Главгастроному) Министерства торговли РСФСР, правовое положение этих магазинов определяется в полном соответствии с принятой у нас системой двухзвенного управления предприятиями. Магазины-универмаги «ГУМ», «Центральный», «Ленинский», «Детский мир» (г. Москва), «ДЛТ», «Пассаж», «Кировский» (г. Ленинград) и т. д. находятся в непосредственном подчинении Главунивермага МТ РСФСР,

¹ См., например, совместный приказ Министерства торговли СССР и Министерства промышленности товаров народного потребления от 25 января 1955 года «О заключении договоров на поставку готовой продукции в 1955 году».

действуют на основании уставов, утвержденных главком министерства, имеют свой уставный фонд (собственные оборотные и основные средства), официально пользуются правами юридического лица. Несколько своеобразным может быть правовое положение магазинов «Гастроном», иногда включаемых на местах в состав областных или межобластных отделений Главгастронома МТ РСФСР, которые в свою очередь являются хозрасчетными организациями, имеют свой устав и признаются юридическими лицами¹. Управление здесь в известной мере приближается к трехзвенной структуре, при которой магазин подобно фабрике, заводу в промышленности как бы становится в положение трестированного предприятия. Однако более детальное знакомство показывает, что юридическая личность данных магазинов в отличие от трестированных предприятий в промышленности организационно выражена четче и отвечает всем признакам правового положения предприятия, официально признанного юридическим лицом. Такие магазины «Гастроном» также имеют свой уставный фонд и на общих основаниях приобретают права юридического лица. По существу они являются автономными предприятиями, но, в целях удобства планового руководства, они включены на местах в состав такого рода промежуточных звеньев, какими являются отделения Главгастронома.

Юридическая личность крупных магазинов, переведенных на полный хозяйственный расчет, отчетливо выражена и в тех случаях, когда управление ими осуществляется по трехзвенной системе: магазин — торг (контора) — министерство. Так построено управление в УССР и в большинстве других союзных республик.

Магазины «Универмаг» на территории УССР входят в состав Украинской республиканской конторы универсальных магазинов по торговле промышленными товарами — «Укрунивермаг». Знакомство с правовым положением данных магазинов показывает, что все они действуют на основании не «положений», а «уставов». Например, устав Хмельницкого универмага утвержден приказом по конторе «Укрунивермаг» № 48 от 20 декабря 1954 г. Согласно их уставов все они являются государственными торговыми предприятиями республиканского значения. «Хмельницкий универсальный магазин по торговле промышленными товарами — «Универмаг» — сказано в его уставе — является государственным торговым предприятием республиканского значения, имеет своей задачей производство показательной универсальной розничной торговли промышленными товарами и находится в подчинении Министерства торговли УССР по системе Украинской республиканской конторы — «Укрунивермаг».

Магазины «Универмаг», как говорится в их уставах, являются

¹ Необходимость создания отделений объясняется тем, что в отличие от сети магазинов «Универмаг» сеть магазинов «Гастроном» является более широкой.

самостоятельными хозяйственными единицами, действующими на началах полного хозрасчета в соответствии с плановыми и оперативными указаниями конторы — «Укрунивермаг». С момента утверждения уставов магазинам «Универмаг» присваиваются права юридического лица. Министерством торговли УССР по согласованию с Министерством финансов республики уставный фонд определяется не только в целом для конторы «Укрунивермаг», но и по каждому магазину (универмагу) в отдельности.

Следует вообще подчеркнуть, что организационно-имущественная обособленность магазинов-универмагов, как юридических лиц гражданского права, в их уставах определена довольно четко.

Например, в уставе названного выше Хмельницкого универмага так прямо и говорится: «Универмаг имеет свой уставной фонд. Помимо уставного фонда универмаг образует и другие фонды, установленные законом». И дальше: «Увеличение или уменьшение размера уставного фонда, а равно другие изменения и дополнения устава, производятся конторой «Укрунивермаг».

Универмаги состоят на самостоятельных балансах, которые вместе с отчетами и проектами распределения прибылей и покрытия убытков утверждаются конторой в установленные ею сроки. Как юридические лица, универмаги самостоятельно отвечают и по своим обязательствам. И это положение также четко отражено в их уставах. «По всем своим обязательствам — сказано в уставе названного универмага, как и в уставах других универмагов — универмаг несет самостоятельную имущественную ответственность в пределах того имущества, на которое согласно действующим законам может быть обращено взыскание. Государственная казна, местный бюджет и «Укрунивермаг» по долгам универмага не отвечают».

Точно также четко сказано и о том, что директор универмага, как орган юридического лица, самостоятельно ведет всю оперативно-хозяйственную и административную работу универмага, издает приказы и распоряжения по универмагу, управляет его делами и находящимися в его распоряжении средствами и имуществом, совершает все договоры и сделки, входящие в круг деятельности универмага, без особой на то доверенности на основании устава в пределах действующих законов и с соблюдением директивных указаний МТ СССР, МТ УССР и распоряжений «Укрунивермага». В уставах универмагов подчеркивается, что директор заключает договоры от имени универмага, от имени универмага директор совершает в Государственном и других банках все необходимые кредитные и расчетные операции, от имени универмага ведет дела во всех арбитражных и судебных органах и т. д.

Наконец, необходимо указать и на то, что в полном соответствии с признанием юридической личности за универмагами во взаимоотношениях универмагов с конторой «Укрунивермаг»

полностью устранена «доверенность», так еще широко распространенная в других отраслях народного хозяйства. «Укр-универмаг» выдает своим универмагам «справку о полномочиях», в которой дается подтверждение отделению Государственного банка по месту нахождения универмагов о том, что указанные в ней должностные лица уполномочены совершать в Госбанке денежно-расчетные операции по счетам.

Права юридического лица признаются и за магазинами «Гастроном», объединенными в составе Украинской республиканской конторы — «Укргастроном». Правовое положение данных магазинов во многом сходно с правовым положением универмагов. Особенностью здесь является лишь то, что магазины «Гастроном», учрежденные как уставные предприятия (имеющие свой уставный фонд) все же действуют не на основании уставов, а положений. На основе уставов действуют в данном случае отделения, через посредство которых контора «Укргастроном» осуществляет на местах руководство своими магазинами. Однако, как говорится в «Положениях» магазинов «Гастроном», все они действуют на началах полного хозяйственного расчета и, как уставные предприятия, пользуются правами юридического лица. Директор магазина, подчеркивается в положениях, на основе единоначалия, самостоятельно руководит деятельностью магазина, осуществляет все функции, возложенные на магазин, исходя из задач, указанных в «Положении» с соблюдением директив МТ СССР, МТ УССР, Украинской конторы «Гастроном», соответствующего областного (межобластного) отделения «Гастроном». По своим обязательствам магазины несут такую же самостоятельную имущественную ответственность, как и всякие иные предприятия, официально признанные законом юридическими лицами гражданского права (см., например, Положение о Хмельницком уставном магазине «Гастроном», утвержденное начальником Винницкого отделения «Гастроном» 19 марта 1946 года).

Такими же примерно признаками характеризуется и правовое положение специализированных магазинов конторы «Укр-текстильшвейторг» и других специализированных республиканских торгов и контор. Магазины здесь состоят в непосредственном подчинении конторы, торгова, действуют на основании «Положений», находятся на полном хозрасчете, самостоятельно отвечают по своим обязательствам. «Государство и республиканский торг, обычно, говорится в положениях,— за долги магазина не отвечают». Однако названные магазины своего уставного фонда не имеют, но наделяются конторой или торгом собственными оборотными средствами, которые заносятся на самостоятельные балансы этих магазинов. В Положениях данных магазинов имеется указание и на то, что директор магазина, хотя и самостоятельно осуществляет все функции, возложенные на магазин, но в соответствии с особой доверенностью, выдаваемой директором

торга. Однако, как видно из самых доверенностей, да и из положений, директора магазинов во всех этих случаях уполномачиваются совершать юридические действия от имени магазина, в его интересах и за его счет¹. Юридическая личность данных магазинов не вызывает сомнений; она только определена здесь тем самым способом, каким она указывается для трестированных предприятий в промышленности.

В силу специфически особого правового положения полностью хозрасчетных магазинов принципиально иным стало на практике и правовое положение самих торгов (контор), в состав которых входят данные магазины. Из юридически единого торгового предприятия (как это было предусмотрено Положением о торгах от 17 августа 1927 года) они превратились в сложные предприятия, в посредствующие звенья по управлению предприятиями. Особенно наглядно это выражено в правовом положении таких торговых организаций, как, например, «Укрунивермаг» и «Укргастроном». Обе названные конторы в основном своей задачей ставят не осуществление непосредственной оперативной торговли деятельности, а организацию торговли через посредство подчиненных им магазинов. Конторы, говорится в положениях о них, организуют работу подчиненных им магазинов, производственных комбинатов, мастерских и управляют ими.

В соответствии с указанными задачами на данные конторы возлагается составление оперативно-финансовых планов подчиненных магазинов, баз и комбинатов и наблюдение за их выполнением и другие административные функции.

На первый план в деятельности подобных торговых организаций прежде всего выдвигается задача по осуществлению организационного, планового и производственно-технического руководства входящими в их систему торгово-оперативными единицами: магазинами, базами, комбинатами, мастерскими. Это, конечно, не означает, что данные торговые организации лишены вообще всяких оперативных функций. Наоборот, в Положении, например, об Украинской конторе — «Укрунивермаг», утвержденном приказом Министерства торговли УССР № 509 от 19 ноября 1954 года, говорится — «контора осуществляет свою деятельность на началах полного хозрасчета и пользуется правами юридического лица».

Указанным конторам присвоены права юридического лица и они переведены на полный хозрасчет для того, чтобы осуществлять одновременно и хозяйственное руководство подчиненными предприятиями и оперативные действия по снабжению последних товарными ресурсами, материалами, оборудованием и т. п.

¹ Впрочем в положениях некоторых магазинов иногда содержатся оговорки, что все действия и юридические акты в пределах деятельности магазина, директор совершает без особой в каждом отдельном случае доверенности торгога. (См., например, «Положение о специализированном магазине специализированного торгога «Укртекстиль», утвержденное 1 сентября 1953 года).

В этих целях названным конторам открыты в учреждениях Госбанка самостоятельные расчетные счета, предоставлено право пользоваться банковским кредитом, выдавать обязательства и заключать все необходимое для осуществления деятельности конторы и ее предприятий дозволенные законом договоры и соглашения, вести свои дела и дела подчиненных им предприятий во всех судебных и арбитражных органах со всеми правами, предоставленными законом стороне в процессе и т. д.

Возросшее плановое начало в централизованном руководстве хозрасчетными предприятиями также нашло свое отражение и во взаимоотношениях контор с подчиненными им магазинами. В соответствии с действующим законодательством, говорится, например, в Положении конторы «Укрунивермаг», в порядке перераспределения оборотных средств, прибылей и амортизационных отчислений контора дает поручения банкам о списании соответствующих сумм с расчетных счетов подведомственных ей магазинов и других хозрасчетных предприятий. Контора, говорится далее, производит в случае необходимости, перераспределение прибылей и излишков собственных оборотных средств магазинов, баз и производственных предприятий на основе месячных балансов и отчетов без изменения взаимоотношений с бюджетом.

Нетрудно видеть, что формы отношений здесь такие же, как и в промышленности между хозрасчетными главками и автономными предприятиями, между трестами и подчиненными им трестированными производственными предприятиями. Из сказанного следует и то, что юридическая личность конторы не поглощает юридической личности ее полностью хозрасчетных магазинов, что права юридического лица конторы и ее магазинов имеет своей целью обеспечить деятельность их в непресекающихся друг с другом направлениях. Подобно тому как в промышленности сбытоснабженческие главки, не утрачивая административных функций, в силу характера своей деятельности (сбыт и снабжение) все же стали полностью хозрасчетными главками, так и названные конторы, род деятельности которых и ным и быть не может, действуют полностью на хозрасчете. Конторы, как и главки, содержатся за счет отчислений, получаемых от подчиненных предприятий, имеют собственные оборотные средства, которые не смешиваются с собственными оборотными средствами магазина, состоят на самостоятельном балансе и т. д.¹ В отличие от главков конторы не являются структурными частями министерства и их юридическая личность прямо признается в «Положениях». Однако суть от этого не меняется. Смысл гражданско-правовой природы названных контор иной, нежели это предусмотрено Положением о торгах от 17 августа 1927 года.

¹ В подтверждение этого см., например, ст. ст. 10, 11, 12 Положения о конторе «Укрунивермаг», утв. приказом Министерства торговли УССР № 509 от 19 ноября 1954 года.

Менее отчетливым, но таким же по своей природе, является правовое положение и всех других специализированных торговых и контор, магазины которых в настоящее время действуют на началах полного хозяйственного расчета.

Специализированный торг Главспортторга, контора Главкурортторга Министерства торговли РСФСР, контора «Укршвейторг», контора «Укркурортторг», специализированный республиканский торг «Укробувь» и т. д. пытаются сохранить формально свое юридическое единство путем выдачи «доверенностей» магазинам на совершение юридических действий и путем определения уставного фонда не по каждому магазину, а по торгу в целом. В сущности же юридическая личность магазинов, входящих в состав данных торгов и контор, в практике как было уже показано, в настоящее время никаких сомнений не вызывает.

Названные торги и конторы сохранили права юридического лица, но в тоже время в корне изменилась их правовая природа. По своим задачам и функциям они стали в один ряд с хозрасчетными главками министерств, современными трестами, в один ряд с такими торговыми организациями, какими, например, являются «Укрунивермаг» и «Укргастроном».

Таким образом, сложные (составные) торги (конторы) и их предприятия (магазины) с точки зрения своего правового положения существенно отличаются от торгов и магазинов той группы, в которой на полном хозрасчете действует лишь торг. Если торги и входящие в их состав магазины (отнесенные выше к первой группе) только в своем единстве создают понятие торгового предприятия как юридического лица, то в отношении торгов и магазинов, отнесенных в нашей работе к третьей группе, данный вопрос решается иначе. Торговым предприятием, в смысле юридического лица является в этой группе сам магазин (но не торг в единстве своих магазинов), действующий на началах полного хозяйственного расчета. В текущем законодательстве здесь ярко выражена тенденция (ярче даже, чем в промышленности) превратить торг (контору) в обычный планово-регулирующий орган с правами юридического лица. Об этом свидетельствует перевод в ряде случаев данных организаций не на устав, а на положение, отказ от системы обозначения закрепленного за ними имущества как уставного фонда в нерасчленном суммарном выражении и т. д. Входящие в состав этих торгов магазины одновременно оформляются как предприятия, мало чем отличающиеся от обычных автономных предприятий, об этом говорит их перевод, в ряде случаев на устав, а не на положение, предоставление им самостоятельного уставного фонда, ненужность какой-либо доверенности для совершения юридических действий от имени магазина и т. п.

Чем можно объяснить, что данные магазины указанных торгов (контор) оказались переведенными на полный хозрасчет и за ними без всяких оговорок были признаны права юридического лица как за торговыми предприятиями?

Объяснение этому надо видеть в следующем. Данные магазинов имеют широкую сферу деятельности. Обычно на территории города, района, области учреждается, как правило, один магазин, реже — два и совсем редко — три и более. Исключение составляют только такие крупные города, как Москва, Ленинград и некоторые другие. Это, как правило, магазины показательной торговли, с большими товарными запасами и с большим по объему товарооборотом. Помимо этого и внутренняя структура данных магазинов такова, что они имеют в своем составе разветвленную сеть различного рода вспомогательных торгово-производственных единиц — мастерских, филиалов и т. п. Для осуществления указанных задач им и предоставляется право:

а) производить розничную продажу товаров, закупленных ими непосредственно у государственной и кооперативной промышленности, а также вырабатываемых в собственных мастерских и по договорам промпереработки;

б) организовывать с разрешения торго (конторы) в каждом отдельном случае собственные производственные мастерские (ателье для изготовления по индивидуальным заказам платья, белья, головных уборов и др.), филиалы, базы, склады, ларьки, киоски и другие торговые предприятия, а также подсобные предприятия и хозяйства;

в) производить с разрешения торго (конторы) в порядке разовых сделок оптовую продажу некоторых видов товаров и т. п.

Все это вместе взятое и делает возможным перевод данных магазинов на начала полного хозяйственного расчета с оформлением их в качестве самостоятельных торговых предприятий с правами юридического лица.

Сложившееся в практике правовое положение розничных торговых предприятий и организаций наиболее полно отвечает тем задачам, которые стоят сейчас перед советской торговлей. Торг (первого вида), торг (третьего вида) и предприятие (полностью хозрасчетный магазин) — различные виды юридических лиц гражданского права в сфере розничной торговли. Поэтому организации, относящиеся к категории торгов третьего вида, вообще следовало бы не именовать «торгами», а присвоить им, как это и имеет место в практике особое название — «контора».

В связи с этим же было бы желательным издание нового общего нормативного акта (поскольку Положение о торгах от 17 августа 1927 года значительно устарело и фактически не действует), которым бы давалось отдельно определение правового положения торгового предприятия, торго и конторы с учетом всех внесенных в практику деятельности торговых предприятий и организаций новых правил.

Канд. юридич. наук П. Н. ПОДПАЛЬНЫЙ

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВХОЗОВ КАК ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза в своих директивах по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы поставил перед совхозами задачу обеспечить значительное развитие производства сельскохозяйственной продукции путем повышения урожайности сельскохозяйственных культур, роста продуктивности животноводства, более рационального использования земли, закрепленной за совхозами.

Особое значение приобретают мероприятия партии и правительства по строительству совхозов в связи с освоением целинных и залежных земель. Огромные массивы освоенных целинных и залежных земель дадут возможность увеличить сбор зерновых и других сельскохозяйственных культур.

Так, уже весной 1954 года в восточных районах страны было организовано 124 крупных зерносовхоза. На новых землях, в степях Алтая и других районах Сибири, Казахстана и Урала мощные зерновые совхозы распахали миллионы гектаров целины и залежей. В настоящее время на этой территории организовано 425 зерновых совхозов.

Совхозы представляют собой крупные государственные хозрасчетные сельскохозяйственные предприятия, в которых все средства производства и вся производимая ими продукция земледелия и животноводства и продукция, создаваемая подсобными предприятиями, составляют социалистическую собственность. Совхозы являются крупными сельскохозяйственными предприятиями последовательно-социалистического типа, так как здесь и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 433.

«Совхозы являются государственными предприятиями — как еще указывалось в решении VI съезда Советов СССР «О совхозном строительстве» от 17 марта 1931 года, — где государство является полным хозяином со всеми вытекающими отсюда последствиями и ничем с этой точки зрения не отличаются от любой другой социалистической фабрики промышленного типа»¹.

Но совхозы не только государственные фабрики зерна, мяса, молока, шерсти и пр., бесперебойно снабжающие всю страну продуктами земледелия и животноводства, а легкую промышленность сырьем, — совхозы являлись и являются примером образцового ведения сельского хозяйства, рассадником всяких усовершенствований и улучшений сельскохозяйственного производства. На примере совхозного производства крестьяне учились и учатся как нужно вести крупное общественное хозяйство. Совхозы оказывают непосредственную помощь колхозам. На базе совхозного производства в свое время возникли машинно-тракторные станции. Важное значение в строительстве совхозов имеет правильная их классификация по хозяйственному назначению. Каждый совхоз имеет свое особое направление хозяйства, характеризующее его основную деятельность. Указание на это направление входит даже в само название совхоза, например: зерносовхоз, свеклосовхоз, свинововхоз и пр. Специализация совхозов определяется потребностями народного хозяйства в той или иной продукции сельского хозяйства и народно-экономическими факторами данного района.

В зависимости от хозяйственного назначения совхозов устанавливается размер земель, закрепленных за ними, порядок использования этих земель, права и обязанности совхозов как землепользователей. Хозяйственное назначение совхозов определяет организацию совхозного производства, систему управления совхозами, отделениями, фермами и прочими отраслями хозяйства внутри совхозов.

Совхозы в СССР различаются между собой направлением основной отрасли хозяйства. В связи с этим все совхозы делятся на две категории: растениеводческие и животноводческие.

К растениеводческим совхозам относятся зерновые, хлопковые, свекловичные, садово-виноградные, чайные, табаководческие, шелководческие, субтропических культур, лубяных культур, льноводческие, овощные, коноплеводческие, каучуконосных растений и др.

К животноводческим совхозам относятся совхозы крупного рогатого скота, свиноводческие, овцеводческие, птицеводческие и другие. К категории животноводческих совхозов относятся все конные заводы, оленеводческие и звероводческие совхозы.

Особое место по своей спецификации занимают в системе растениеводческих совхозов, совхозы семеноводческие, а в системе животноводческих — племенные совхозы. Однако эта специализа-

¹ СЗ СССР, 1931 г., № 7, стр. 161.

ция совхозов вовсе не исключает организации и развития в них и других отраслей хозяйства. Наоборот директивы партии и правительства направлены на всемерное развитие разностороннего, многоотраслевого хозяйства. Опыт показал, что одностороннее направление хозяйственной деятельности совхозов, узкая специализация их экономически не выгодна, усложняет осуществление трудовых процессов, снижает доходность совхозов, ослабляет их финансовое состояние.

Для социалистических сельскохозяйственных предприятий свойственно разностороннее, многоотраслевое производство, где наряду с ведущей культурой или отраслью развиваются другие товарные культуры и отрасли. При социалистическом способе производства осуществимо высокопродуктивное использование земли, рациональное земледелие и животноводство.

Важное значение при определении прав совхозов как землепользователей имеет также и их структурное построение. С этой точки зрения все совхозы в СССР делятся на две категории: совхозы непосредственно подчиненные министерству сельского хозяйства (автономные совхозы) и совхозы, входящие в состав трестов того же министерства, так называемые трестированные совхозы. В 1955 году в системе Министерства совхозов на базе трестов были созданы территориальные управления совхозов.

Большинство совхозов находятся в ведении Министерства сельского хозяйства. Сюда входят совхозы зерновые, овощные и животноводческие¹. Совхозы, управляемые по двухступенной системе: Министерство (Главк) — совхозы имеют свой устав, утвержденный соответствующим руководителем и являются юридическими лицами. Трестированные совхозы имеют «Положение». Это «Положение» определяет цели и задачи совхоза, его права и обязанности, средства совхоза и вопросы управления совхозом.

Правовое положение трестированного совхоза аналогично правовому положению государственного трестированного промышленного предприятия. Имущество трестированных совхозов числится также и на балансе треста, является частью уставного фонда треста. Эти обстоятельства осложняют правовое положение трестированного совхоза, создают положение, в силу которого формально трестированные совхозы не пользуются правами юридического лица, ими обладает только трест.

Однако большинство советских юристов совершенно правильно приходят к выводу о необходимости признания за трестированными совхозами прав юридического лица.

¹ В ведении Министерства сельского хозяйства Республики находятся также хлопководческие, опытные совхозы. Совхозы же свекловичные, виноградные, табакководческие, свиноводческие, овцеводческие и шелководческие, в настоящее время, в связи с законом «О дальнейшем совершенствовании организации Управлений промышленностью и строительством», принятым Верховным Советом СССР 10 мая 1957 г. находятся в ведении соответствующих Управлений Советов Народного хозяйства экономического административного района.

Профессор Л. И. Дембо¹ считает, что трестированный совхоз с развитием его непосредственной хозяйственной деятельности все в большей степени выступает как самостоятельное юридическое лицо, а функции треста лишь сводятся к плановому руководству совхозами.

Профессор С. Н. Братусь² полагает, что хотя трестированное предприятие (это положение относится и к совхозам) формально и не является юридическим лицом, однако, и законодательство, и судебная и арбитражная практика фактически считают его самостоятельным субъектом права.

Эти доводы разделяет и Г. А. Аксененок³.

А. А. Пушкин в своей работе «Правовое положение трестированного промышленного предприятия»⁴ — также разделяет эту точку зрения.

Наконец для выяснения правового положения совхозов как землепользователей важное значение имеет как внутренняя структура совхозов, так и порядок внутрисовхозного управления. Во главе как автономного, так и трестированного совхоза стоит директор, назначаемый Министром сельского хозяйства или совнархозом, действующий по доверенности на началах единоначалия.

Основной производственной единицей в растениеводческих совхозах является отделение (за отделением закрепляются пахотные земли, пастбищные и сенокосные угодия, тракторный парк, рабочий скот, транспортные средства); в животноводческих совхозах — ферма (за фермой закрепляется определенный земельный участок, скот, необходимые постройки, сельскохозяйственные машины); в совхозах крупного рогатого скота и овцеводческих за фермами закрепляются пахотные земли, сенокосные и пастбищные угодия.

Каждая ферма и отделение имеют свою самостоятельную усадьбу со всеми необходимыми производственными и служебными постройками. Отделения и фермы организуются на внутреннем хозрасчете. Отделения и фермы совхозов не являются субъектами права совхозного землепользования. Закрепление земли за отделениями и фермами имеет лишь внутривозхозяйственное значение.

Указанные признаки в правовом положении совхозов, свойственные и другим государственным хозрасчетным организациям (предприятиям) приобретают свое особое содержание в связи с ролью совхозов как самостоятельных землепользователей.

Основным средством производства в сельском хозяйстве, важ-

¹ Л. И. Дембо, «Очерки колхозного права», 1940 г., стр. 90.

² С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, 1950, ст. 280. С. Н. Братусь, Юридические лица в советском гражданском праве, 1947 г., стр. 328, 336—337, стр. 286—290.

³ Г. А. Аксененок, Право землепользования совхозов, МТС и подсобных хозяйств, Госюриздат, 1953, стр. 30—31.

⁴ Ученые записки Харьковского юридического института, вып. 5, стр. 25—63.

нейшей производительной силой, как известно является земля. Земля в совхозах закрепляется государственным актом в бесплатное и бессрочное пользование. Закрепленная в бессрочное пользование земля создает для совхозов устойчивость землепользования, неограниченную возможность производить коренные улучшения земель, повышать их плодородие и рационально использовать их.

Исключительный характер собственности на землю в СССР создает положение, в силу которого в совхозах владение землей возможно только на праве пользования. Основанием права пользования на землю служит административный акт об отводе земли землепользователю собственником земли — государством, в силу чего право пользования землей всегда носит производный характер, зависящий от исключительного права государственной собственности на землю.

Советское государство, будучи собственником земли, либо непосредственно использует землю, либо передает право пользования землей различным кооперативным, общественным, профсоюзным организациям, предприятиям или гражданам.

Землепользование, осуществляемое совхозами, является одним из видов государственного непосредственного землепользования. При непосредственном землепользовании советское государство вместе с правом собственности на землю сохраняет за собой и право пользования этой землей. Оно осуществляет право пользования землей через свои принадлежащие государству предприятия (совхозы). Однако нельзя согласиться при этом с утверждением проф. Карасс А. В.¹, полагающего, что перед лицом советского государства совхозы, как и другие госорганы не являются самостоятельными субъектами права землепользования. В лице совхозов, считает проф. Карасс А. В. само советское государство непосредственно выступает как землепользователь. Это положение, по мнению проф. Карасс А. В. исключает наличие правовых отношений между государством и совхозами, в лице которых само государство непосредственно осуществляет право землепользования. Только при «производном» землепользовании, например, землепользовании колхозов, колхоз, как самостоятельный субъект права, наделенный особыми правомочиями на пользование землей, — находится в известных правовых отношениях с государством, на основании определенного государственного акта.

В соответствии с постановлением правительственного органа об образовании совхоза предоставление ему земли в натуре проводится в порядке землеустроительных действий местных органов власти, которые утверждают проект внешних границ совхоза и выдают ему акт отвода земли. В этих актах отвода и определя-

¹ А. В. Карасс, Право государственной социалистической собственности, изд. АН СССР, 1954., стр. 237-241.

ются правомочия совхоза как землепользователя. Эти акты являются документами, подтверждающими права совхозов на конкретные земельные участки.

Начиная с 1955 года введен обязательный государственный учет наличия и распределения земли по угодиям и землепользователям, а также государственная регистрация всех землепользований. Учету в связи с регистрацией подлежат и совхозы как землепользователи. Для учета земель и регистрации каждого землепользователя в райисполкомах заводится государственная книга, которую ведет старший районный землеустроитель. Каждому землепользователю (кроме колхозов, имеющих государственные акты на вечное пользование землей) выдается по специальной форме документ на право пользования землей. Следовательно этот документ подтверждает права на землю совхоза как самостоятельного субъекта прав.

Наконец, наличие земельных правоотношений между советским государством и землепользователями — государственными организациями и предприятиями вытекает и из Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1932 года «О предоставлении учреждениям, предприятиям и организациям обобществленного сектора земельных участков для строительства на праве бессрочного пользования»¹.

В силу ст. 1 и 4 этого Постановления, земельные участки для застройки предоставляются на праве бессрочного пользования государственным учреждениям и предприятиям.

Коммунальные органы в городах и поселках, а во внегородских поселениях — соответствующие земельные органы предоставляют организациям земельные участки по актам, в которых и определяются правовые взаимоотношения сторон.

Судебная и административная практика признает совхозы самостоятельными субъектами землепользования, что видно хотя бы из дела по иску винсовхоза им. Буденного с Управлением Днепростроя о взыскании с последнего в пользу совхоза им. Буденного 513.342 руб. стоимости неснятого урожая винограда в связи с изъятием у совхоза земли для нужд Днепростроя².

Совхоз, как государственное предприятие, является субъектом права непосредственного землепользования. Отдельные виды землепользования разделяются также на первичные и вторичные в зависимости от того, кем предоставлена земля землепользователю. Если земля отведена непосредственно органами государственной власти или органами государственного управления, осуществляющими правомочия по распоряжению землей, то такое землепользование называется первичным. На землях сельско-

¹ СУ, 1932 г., № 66, стр. 295.

² См. стр. 32 настоящей работы.

хозяйственного назначения первичными землепользователями признаются совхозы. В том же случае, если землепользователь получил землю не от органов государственной власти или органов управления, а от первичных землепользователей, такое землепользование признается вторичным.

Рабочие и служащие совхоза, получившие приусадебные участки от директора совхоза, будут вторичными землепользователями. Это также подтверждает то положение, что каждый совхоз является субъектом права совхозного землепользования.

Совхозтресты и управления совхозов, не имея земельной площади производственного характера, не являются субъектами права совхозного землепользования. Правоотношения по поводу землепользования, возникающие между совхозтрестом и управлением совхозов в основном сводятся к вопросам планирования и управления. Совхозтрест или управление совхозов по согласованию с соответствующим министерством утверждают проект внутрихозяйственного землеустройства, рассматривают планы вводимых совхозами севооборотов.

Государство предоставляет совхозам, как землепользователям, не только право пользования, но и право владения землей. Владение обозначает «физическое» обладание землей. Пользование же означает извлечение полезных свойств земли, осуществление хозяйственной эксплуатации земли.

Нельзя согласиться с утверждением профессора Л. И. Дембо о том, что владение лишено правового значения и не является одним из элементов права государственной собственности на землю. Л. И. Дембо утверждает, что государство — собственник передает отдельным юридическим лицам и гражданам лишь право пользования землей и заменяет элемент владения элементом управления.

Советское государство осуществляет право владения всей землей на территории СССР в силу того, что земля принадлежит ему по праву собственности. Советское государство распоряжается всей землей независимо от того, в чьем ведении она находится, потому что оно владеет землей на праве собственности. Владение землей в этом отношении, как правомочие государства-собственника земли — выступает как самостоятельный элемент права государственной собственности на землю в СССР.

Нельзя также согласиться с утверждением Л. И. Дембо о том, что владение лишено правового значения и для землепользователей. Землепользователи в СССР не могут пользоваться землей, не владея ею. Землепользователи в СССР осуществляют право владения землей, если они используют предоставленную им землю по назначению.

Объектом права совхозного землепользования являются все земли, закрепленные за совхозом, составляющие земельный фонд совхоза. Этот фонд составляет часть единого государственного земельного фонда и относится к категории земель сельскохозяйственного назначения.

В вопросах землепользования совхозов в настоящее время приобретает особое значение положение об отводе земель для вновь организуемых совхозов.

До 1955 года отвод земель для вновь организуемых совхозов производился по специальному решению Правительства СССР. Этим решением определялся размер и место земель совхоза, а также и характер основного производственного направления. В настоящее время вопросы образования, реорганизации, переименования и перемещения совхозов решает Министр сельского хозяйства СССР, согласовывая вопросы образования и реорганизации с Министром финансов СССР. Вопросы, связанные с организацией и в необходимых случаях с реорганизацией и ликвидацией отдельных совхозов республиканского подчинения, а также связанные с изменением основного производственного направления совхозов решает Совет Министров Республики по согласованию этих вопросов с соответствующими министрами СССР.

Министру сельского хозяйства УССР и совнархозам предоставлено право разрешать отвод земельных участков из земель одних совхозов другим совхозам и другим хозяйствам системы одного и того же министерства.

Советское государство, закрепляя за совхозами землю, наделяет совхозы как самостоятельных субъектов землепользования, рядом правомочий. Так, например, совхозам разрешено производить отвод под огороды рабочих и служащих земельных участков на срок до одного года из земель совхозов сверх площади, необходимой им для выполнения плана сева и подъема паров.

В виде исключения совхозам предоставлено право использовать под посевы и для сенокошения свободные земельные площади в полосах отвода железных и шоссейных дорог. Распределение этих земель между совхозами и колхозами производят Райисполкомы по согласованию с местными органами Министерства путей сообщения СССР и органам управления шоссейных дорог СССР. Может иметь место отвод совхозам земельных участков и во временное пользование, например, под пастбища для отгонного животноводства. Эти участки в состав земельного массива совхоза не включаются. Не включаются в состав земельного массива совхозов дороги районного, областного, республиканского и союзного значения.

Правоспособность совхозов как землепользователей является специальной. Совхозы, как землепользователи могут осуществлять только такие права и нести только такие обязанности, которые вытекают из их устава или положения и других нормативных актов.

Сельскохозяйственное назначение земель совхозов определяет права и обязанности совхозов как землепользователей.

Разрабатывать и добывать совхоз имеет право только так называемые общераспространенные ископаемые (песок, гравий,

глину, известь, мел, камень)¹. Разрабатывать недра и добывать другие полезные ископаемые, совхозы не имеют права (например, уголь и т. п.). Однако совхозы имеют право заниматься добычей торфа, находящегося на землях совхоза. Совхозы имеют право возводить жилые и хозяйственные постройки, сооружения, а также предприятия, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции, принадлежащей совхозу.

Совхозы вправе также пользоваться водами, как поверхностными, так и подземными, находящимися на территории совхоза, для организации водопоя, рыбоводства, орошения и пр. Все естественные водоемы на землях совхоза находятся в непосредственном пользовании и распоряжении совхоза. Лесные участки, расположенные на землях совхозов, не входят в состав земельного массива совхоза. Эти леса закрепляются за совхозами на основании особых договоров с Министерством сельского хозяйства СССР в качестве, так называемых «приписных лесов».

В полном соответствии с порядком отвода земель совхозам и предоставления им прав как самостоятельным землепользователям урегулирован законодательством и вопрос об отводе земель совхозов для государственных и общественных надобностей. Отвод земель для государственных и общественных надобностей производится на основании решения Совета Министров соответствующей союзной республики вне зависимости от размера изымаемых земель. При изъятии у совхозов земель вместе со строениями и сооружениями и передаче их государственным организациям и предприятиям — передача строений и сооружений производится безвозмездно, путем списания с баланса на баланс. Однако совхозы, у которых изъят земельный участок и передан другим государственным предприятиям и организациям, имеют право на возмещение неиспользованных затрат, произведенных на передаваемом участке.

Мы разделяем точку зрения М. И. Бару изложенную им в работе «Правовые вопросы возмещения и компенсации»² о том, что спор винсовхоза им. Буденного с управлением Днепро-строя в связи со строительством Новой Каховки о возмещении совхозу стоимости неснятого урожая винограда, оцененного специальной комиссией в 513.342 руб., должен быть разрешен в пользу винсовхоза, ибо спор идет не о стоимости строений или сооружений, а о возмещении неиспользованных затрат и расходов. Такой же принцип возмездности должен применяться и в случаях переноса на новое место земельных насаждений, строений.

В землепользовании совхозов также имеют актуальное значение и мероприятия, направленные на улучшение жилищно-бытовых условий работников совхозов.

¹ Январский (1955 г.) Пленум ЦК КПСС отметил крайне плохое использование совхозами для строительства камыша, ракушечника, известняка.

² См. Ученые записки Харьковского юридического института, выпуск 5, 1954 г.

Февральский (1947 г.) Пленум ЦК ВКП(б), считая серьезным недостатком работы совхозов большую текучесть кадров рабочих и специалистов совхозов, — признал важнейшей задачей в деле улучшения работы совхозов создание постоянных кадров рабочих, специалистов и служащих совхозов. В этих целях Пленум признал необходимым в зерновых и животноводческих районах наделять постоянных работников совхозов земельными участками до 0,5 га для строительства на этих участках ими жилых домов и хозяйственных построек, посадки плодовых деревьев и посева овощных и других сельскохозяйственных культур.

В соответствии с решением февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б) — разрешено предоставлять в зерновых и животноводческих районах постоянным работникам совхозов земельные участки на территории совхозов для строительства на этих участках собственных домов и других помещений, посадки плодовых деревьев и других сельскохозяйственных культур, в размере до 0,5 га, а в УССР — до 0,4 га на семью. Директорам совхозов предоставлено право отводить приусадебные земельные участки для постройки жилых домов постоянным работникам совхозов из земель центральной усадьбы, отделений и ферм.

Оформление пользования земельным участком для постройки жилого дома производится приказом директора совхоза о наделении постоянных работников совхоза усадебным участком и актов отвода его ¹.

Возведенные на территории совхоза работниками совхозов дома переходят в их собственность после полного погашения государственного кредита. Семьи рабочих и служащих, переведенных на другую работу, призванных в Советскую Армию, поступивших в учебное заведение и оставивших работу по инвалидности или перешедших на пенсию по старости, а также семьи умерших, имеют право пользоваться приусадебными участками наравне со всеми работниками совхоза. Во всех других случаях увольнения или оставления работником работы в совхозе, отведенные им ранее приусадебные участки уменьшаются до размеров, установленных для рабочих и служащих, проживающих в сельской местности.

Предоставляя совхозам как землепользователям определенные права на закрепленные за ними участки, советское государство установило твердые правовые гарантии устойчивости совхозного землепользования, твердый правовой порядок использования совхозных земель.

Нарушение установленного правового порядка пользования совхозной землей является нарушением закона о национализации земли. В силу ст. 26 Земельного Кодекса РСФСР и соответствующих статей других земельных кодексов союзных республик,

¹ Правоустанавливающим же документом, кроме приказа директора совхоза и акта отвода усадебного участка, должен быть договор совхоза с застройщиком. Нотариальное удостоверение этого договора не требуется

в случае нарушения земельных прав отдельных землепользователей или не основанного на законе вмешательства в их хозяйства — местные органы власти обязаны принять меры к немедленному восстановлению нарушенных прав.

В статье 1-й — «Общих начал землепользования и землеустройства» от 15 декабря 1928 года указано, что «всякого рода сделки, нарушающие в прямой и скрытой форме начало национализации земли (купля, продажа, залог, дарение, завещание земли, самовольный, противозаконный обмен землей и т. д.) недействительны и влекут за собой уголовную ответственность участников этих сделок вплоть до лишения их по суду права пользования землей»¹.

На основании постановления ЦИК и СНК СССР от 4 июня 1937 года сдача в аренду земель сельскохозяйственного назначения категорически воспрещается и является уголовно-наказуемым действием².

Действие закона от 4 июня 1937 года распространено постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 декабря 1937 года и на случай аренды побочных видов пользования землей в лесах (сенокосение, пастьба скота, аренда пахотных угодий и т. д.)³. Не допускается сдача в аренду совхозам и садов, виноградников, лугов, сенокосение.

При всяком таком незаконном распоряжении совхозной землей договоры, на основе которых происходила сдача в аренду совхозных земель, сенокосных угодий, фруктовых садов, виноградников, как противозаконные признаются в силу ст. 30 Гражданского Кодекса недействительными, а все, что получено по этим договорам, взыскивается в силу ст. 147 Гражданского Кодекса в доход государства.

Административно-правовые методы охраны совхозного землепользования прежде всего должны осуществлять министерство сельского хозяйства, в системе которого находятся совхозы, управления совхозов и тресты в отношении трестированных совхозов. Наряду с этим местные органы власти повседневно должны вести борьбу с нарушениями прав совхозного землепользования, с нарушениями закона о национализации земли.

Местные органы власти и органы государственного управления землями должны отменять незаконные распоряжения и действия подведомственных им органов и лиц, нарушающих закон о национализации земли, и тем восстановить нарушенные права совхозов, как землепользователей.

¹ СЗ СССР, 1928, № 69, ст. 642.

² СЗ СССР, 1937, № 37 ст. 150.

³ СЗ СССР, 1937, № 76, ст. 373.

М. И. БАРУ

ПЛАН И ДОГОВОР

Советской юридической наукой давно уже признано, что реализация государственных планов происходит посредством правовых отношений. Сделана попытка классифицировать эти правоотношения. И. Ф. Рябко¹ делит правоотношения на три группы, исходя из характера деятельности тех органов, которые участвуют в качестве субъектов этих правоотношений.

К первой группе правоотношений отнесены те, которые возникают в процессе придания плану силы закона. Сюда относится утверждение Верховным Советом Союза ССР народнохозяйственных планов. Сюда также относится утверждение государственного бюджета, являющегося органической частью плана. Эти отношения характеризуются как государственно-правовые. Их субъектами являются Верховный Совет СССР и органы государственного управления, которые призваны принимать меры к организации осуществления плана.

Ко второй группе правоотношений отнесены те, которые возникают в процессе осуществления планового руководства. Эта группа характеризуется как административно-правовые отношения. Субъектами их являются государственные органы управления и социалистические предприятия как юридические лица.

К третьей группе отнесены правоотношения, возникающие в процессе исполнения плановых заданий. Эта группа характеризуется как гражданско-правовые отношения. Субъектами этих отношений являются государственные хозяйственные организации, предприятия и т. п.

Таким образом, в основу предложенной классификации положен метод осуществления планового руководства. Причем первые две группы правоотношений представляют собою отношения

¹ И. Ф. Рябко, Роль советского права в использовании экономического закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства СССР, журн. «Советское государство и право», 1953 г., № 2—3.

по вертикали — отношения субординации, последняя же — третья группа — представляет собою отношения по горизонтали — отношения координации.

Приведенная классификация отличается некоторой схематичностью в том смысле, что она не отражает богатства содержания реальных общественных отношений на базе планирования. Отметим, прежде всего, что эта схема не принимает во внимание и совершенно зачеркивает всю многогранную работу, представляющую подготовительный этап к принятию и утверждению народнохозяйственных планов, а следовательно и к заключению договоров. Между тем этот этап представляется весьма важным, дающим возможность плановому началу проникать вглубь и вширь, и выявить таящиеся в недрах нашего общества огромные возможности. Нельзя сказать, что эта стадия в процессе планирования лишена правовой окраски и носит характер отношений, лежащих в иной плоскости. Мы полагаем, что во всех стадиях планирования народного хозяйства, в том числе и в тех, которые предшествуют утверждению плана, право выполняет свою служебную роль, способствуя наиболее эффективному проявлению экономического закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства СССР. Это особенно важно подчеркнуть. Если, к примеру, в процессе подготовки плана конкретное хозяйственное звено, допустим, промышленное предприятие или совхоз, утаят от вышестоящего органа реальные возможности, имеющиеся в данном хозяйственном органе, то такое поведение вызовет соответствующую реакцию не только с точки зрения коммунистической морали, но и с точки зрения права. Такое же положение будет иметь место, если предприятия, тресты или главки при разработке проектов планов, определяя потребности в материальных ресурсах, в частности, при представлении вышестоящим органам заявок, преувеличат эти потребности, с целью создать незаконные запасы, резервы и т. п. В практике с такими случаями приходится сталкиваться. Такие случаи вызывают отрицательную оценку с соответствующими правовыми последствиями. Но дело не только в указанных случаях. Вся огромная подготовительная работа, предшествующая утверждению плана, а именно — составление директив и контрольных цифр, составление проектов планов союзными, республиканскими и местными плановыми органами и, наконец, составление проекта комплексного единого народнохозяйственного плана — не только не безразлична для права, а, напротив, положительно регулируется правом. Достаточно вспомнить многочисленные постановления правительства о порядке составления балансов и планов материального снабжения и т. п. Вот почему нам представляется неправильным игнорирование роли права в этой стадии планирования, имеющей важное народнохозяйственное значение.

Составление народно-хозяйственного плана проходит, как из-

вестно, ряд последовательных стадий: 1. — составление директив и контрольных цифр; 2. — составление проектов отраслевых и республиканских планов; 3. — составление проекта единого народно-хозяйственного плана; 4. — утверждение плана. Каждая из этих стадий имеет в себе правовой элемент. Конечно, четвертая стадия — утверждение плана — это стадия завершающая, превращающая план в закон — общеобязательный и снабженный санкцией. В этом смысле и надо понимать слова Н. А. Булганина на июльском (1955 г.) Пленуме ЦК партии, что «план — это закон». Однако из этого не следует, что стадии планирования, предшествующие приданию плану силу закона, лишены правового значения.

Мы бы поэтому не согласились с мнением З. И. Шкундина², что только с момента утверждения плана право оказывает свое воздействие, а подготовительная часть не имеет значения юридического факта. Настойчивое отрицание юридического значения подготовительной части работы до утверждения плана объясняется, очевидно, тем, что авторы подобных высказываний обращают внимание лишь на ту сторону, которая отражает динамику имущественных отношений после утверждения плана. Эти отношения, конечно, выступают более наглядно, ибо они находятся на поверхности явлений. Но если проанализировать процесс планирования глубже, мы обнаружим в подготовительной части работы по составлению плана довольно сложную систему отношений, регулируемых преимущественно административным, но отчасти и гражданским правом. Возникающие здесь правоотношения составляют отдельную группу с довольно сложным содержанием. Их субъектами являются все органы планирования, государственного управления, а также и хозяйственные организации, предприятия и т. п. Эти отношения идут как по вертикали, так и по горизонтали и дают довольно сложные фактические составы. Именно в этой группе правоотношений мы обнаруживаем явление мало изученное как в экономической, так и в юридической литературе. Речь идет о заявках и заказах, (так называемые «предварительные заказы»), с помощью которых советская торговля оказывает свое воздействие на промышленность, производящую товары народного потребления. В своей основе заказы имеют данные, полученные в результате систематического изучения потребительского спроса населения, притом спроса все возрастающего.

В докладе А. И. Микояна на Всесоюзном совещании торговых работников очень метко подмечено, что «из самой сущности советской торговли вытекает необходимость всестороннего изуче-

¹ Н. А. Булганин, О задачах по дальнейшему подъему промышленности, технического прогрессу и улучшению организации производства. Госполитиздат, 1955, стр. 57.

² З. Шкундин, Влияние плана на обязательство. «Советское государство и право», 1947 г., № 2, стр. 35.

ния спроса населения и всех его разнообразных потребностей. Только на этой основе можно обеспечить более правильное распределение товарных ресурсов по районам страны»¹. Таким образом тщательное изучение потребительского спроса способствует достижению цели наиболее полного удовлетворения материальных и культурных потребностей общества. Вместе с тем данные потребительского спроса служат необходимыми отправными позициями для плановых органов в их работе по распределению товарных масс по районам страны.

Что же собою представляет предварительный заказ, какую связанность субъектов — дающего и принимающего заказ — создает это отношение? Эти вопросы остаются открытыми как в теории, так и в действующем праве.

Следует прежде всего сказать, что предварительный заказ это еще не договор в гражданско-правовом смысле. Это не заказ в том смысле, в каком этот термин понимается в договоре подряда. Нельзя также считать, что предварительные заказы это то, что понимается под предварительным договором или обязательством заключить договор.

Предварительный заказ не может рассматриваться как запродажа, так как последняя по действующему праву (ст. 182¹ ГК) распространяется лишь на домостроения, а в ГК отсутствует общая норма о предварительных договорах вообще. Кроме того, запродажа создает такую связанность сторон, что при определенных условиях она может быть превращена в куплю-продажу даже без дополнительного волеизъявления сторон (ст. 182² ГК).

Предварительный заказ содержит в себе черты контрактации, поскольку контрактант, в силу договора контрактации, обязуется вырастить определенную продукцию. Однако при этом надо заметить, что он обязуется не только вырастить, но и сдать эту продукцию по определенным ценам². Невыполнение договора контрактации влечет за собою применение санкций, притом не только материальных. Всего этого мы не имеем в отношениях по предварительному заказу.

По предварительному заказу нет возмездного перехода ценностей от одного субъекта к другому. Невыполнение такого заказа не влечет за собою применение санкций. А обязанность заключить конкретный договор между определенными субъектами вытекает не из предварительного заказа, а из других плановых предпосылок. Недостаточная правовая определенность предварительных заказов препятствует полному использованию заложенных в них возможностей. Мы бы считали, что в действующем законодательстве должна получить закрепление конкретная норма, в силу которой предварительным заказом была бы придана юридическая сила. Предварительные заказы должны относиться

¹ См. газета «Правда», от 25 октября 1953 г.

² См. Б. А. Лисковец, Г. Н. Полянская, Договор контрактации сельскохозяйственной продукции, М., 1955, стр. 45.

не только к фактической, но и юридической стороне договорных отношений. Предложение и принятие предварительного заказа следует рассматривать как совпадение воли сторон будущего договора по поводу одного лишь условия — по поводу ассортимента. При заключении договора условие об ассортименте следует считать уже согласованным на основе принятого предварительного заказа. Уклонение от этого со стороны, например, поставщика, должно пресекаться вмешательством государственного арбитра в порядке разрешения преддоговорных споров. Тем самым предварительный заказ, принятый промышленностью, примет характер обязательства, снабженного санкцией. После же заключения договора речь идет уже не об исполнении предварительного заказа, а об исполнении соответствующего условия действующего договора. Уже из содержания постановления Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. «О заключении хозяйственных договоров»¹ можно заключить о стремлении придать значение юридического факта действиям сторон еще до заключения договора. Во вводной части этого постановления отмечается как недостаток в практике хозяйственных организаций то обстоятельство, что отсутствие договоров и ослабление договорной дисциплины снижает ответственность потребителей за представляемые ими заявки. Следовательно, заявки должны подаваться таким образом, чтобы организации-потребители несли ответственность за правильное их составление, а организации-поставщики — за полное и своевременное их удовлетворение. В сообщении об итогах выполнения пятого пятилетнего плана развития СССР отмечено, что торгующие организации «все еще недостаточно воздействуют на промышленность в отношении расширения ассортимента...»²

Нашему праву известна система предварительных заявок, обеспечивающая составление научно-обоснованных планов и реализацию складывающихся на этой основе обязательств. Мы имеем в виду систему предварительных заявок на перевозку грузов, которая получила строго правовое выражение. Новый Устав железных дорог СССР, утвержденный постановлением Совета Министров СССР от 8 декабря 1954 г., в ряде статей (35, 39, 40, 43 и др.) подробно регламентирует отношения, возникающие между сторонами при подаче заявок, вплоть до установления ответственности (ст. 43) за подачу неправильных заявок. Эта система является ярким подтверждением тому, что предварительная работа, предшествующая утверждению плана, получает свое отражение в праве. Право здесь выступает не только как средство, способствующее выполнению и перевыполнению плана, но и как средство организации самого процесса планирования.

Конечно, система предварительных заявок на перевозку грузов имеет свои особенности, определяемые условиями работы транспорта, а потому не может быть механически перенесена на

¹ СП СССР, 1949 г., № 9, ст. 68.

² Газета «Правда» от 25 апреля 1956 г.

взаимоотношения по предварительным заказам торговых организаций промышленным предприятиям. Но несомненно, что этот опыт, именно в смысле его правовой определенности, после подробного изучения, может быть позаимствован и учтен в организации предварительных заказов торговой системы промышленных предприятий.

Широкие возможности открываются в этом направлении в свете постановления февральского пленума ЦК КПСС по докладу Н. С. Хрущёва «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством».¹ Перестройка управления промышленностью по территориальному принципу на базе экономических районов теснее свяжет на местах торговую систему с промышленностью, а это позволит — реально учитывать потребительский спрос.

На примере предварительных заявок и заказов мы убеждаемся в том, какое огромное значение имеет предварительная работа до момента утверждения плана и заключения конкретного договора.

Вот почему классификация отношений, возникающих на базе планирования народного хозяйства, должна начинаться с группы правоотношений, складывающихся как по вертикали, так и по горизонтали в процессе подготовки и до утверждения народнохозяйственного плана, т. е. до придания ему силы закона и до момента заключения на основе плана договоров между хозяйственными организациями.

Существующие в СССР товарно-денежные отношения определяют возмездность хозяйственных связей между социалистическими организациями. Возмещение затрат живого и овеществленного труда происходит на основе принципа материальной заинтересованности предприятия. Этот принцип, на который обращено серьезное внимание в последних директивах партии, лежит в основе деятельности не только отдельных работников, но и предприятий в целом. Этот принцип исходит из известного положения о том, что «коммунизм есть в высшей степени практическое движение, преследующее практические цели с помощью практических же средств»².

Возмездность отношений между хозяйственными организациями имеет в своей основе принцип материальной заинтересованности, который получает свое юридическое закрепление в договорных отношениях. Договор представляет собою форму хозяйственных связей между имущественно-обособленными хозяйствующими субъектами. Как и всякая форма, она существенна³. Существенность договорной формы выражается в том, что в ней заложены такие свойства, которые дают возможность содержанию хозяйственных связей укрепиться и развиваться.

¹ Газета «Правда» от 16 февраля 1957 года.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. изд. 2, том 3, стр. 203.

³ См. В. И. Ленин, Философские тетради, М., 1947 г., стр. 119.

Договорная форма перехода имущества на началах возмездности применяется в одинаковой мере к случаям, когда совершается переход ценностей между государственными предприятиями без перехода права собственности, и к случаям, когда имущество переходит от государственного предприятия к кооперативной организации с передачей права собственности¹. Общим признаком остается возмездность, и это, полагаем мы, делает возможным облекать различные по юридическим последствиям отношения в одну и ту же договорную форму.

Таким образом возмездность отношений, несмотря на различие других признаков этих же отношений, служит общей основой для договорной формы во взаимоотношениях между хозяйственными организациями по поводу перехода объектов социалистической собственности.

Использование договорной формы составляет задачу советского права, как части надстройки, активно воздействующей на экономический базис.

Договор, как правовой институт, занимает одно из центральных мест в системе гражданского права. Вслед за правом собственности, являющимся основным, ведущим и направляющим институтом всего гражданского права, договор занимает одно из первых мест по своему значению, по удельному весу в гражданском обороте и по кругу регулируемых им отношений.

Полярно-противоположны роль и значение договора в социалистическом обществе и роль и значение договора в капиталистическом обществе. Причем эта полярность вовсе не заключается будто в том, что договорные отношения в условиях социализма предопределены, а в условиях капитализма определяются свободным волеизъявлением. «Этой же иллюзией юристов объясняется то, что для них и для всякого кодекса является вообще простой случайностью, что индивиды вступают между собою в отношения, например, в договорные; эти отношения рассматриваются ими как такие, в которые по желанию можно вступать и не вступать и содержание которых всецело зависит от индивидуального произвола договаривающихся сторон»². Это ценнейшее указание Маркса и Энгельса, данное ими при разработке вопроса об отношении государства и права к собственности, имеет, думается нам, общее методологическое значение и не может быть сведено к оценке и определению места и роли договора лишь в капиталистическом обществе.

В социалистическом обществе действуют другие факторы, предопределяющие вступление в договорные отношения. Стороны преследуют совсем другие цели. Договор становится средством выполнения плана. Свобода сторон здесь выражается в возможности действовать со знанием дела. Договор в социалистическом

¹ См. М. В. Гордон, Система договоров в советском гражданском праве. Ученые записки Харьковского Юридического института; вып. 5, 1954 г., стр. 76.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. изд. 2, том 3, стр. 64.

обществе является необходимой формой закрепления хозяйственных связей, основанных на плане в сочетании с хозрасчетом. Именно плановое задание, а не игра случая, дает возможность социалистическим организациям наиболее целеустремленно и полно изъять свою волю в договоре. Наши предприятия и другие хозяйственные организации не могут действовать автоматически ни в какой сфере. Они наделены таким свойством как правосубъектность, и потому для выполнения плана они должны проявить свою волю и свою решимость, которые юридически выражаются и закрепляются в договорных отношениях.

Развертывание советской торговли с целью наиболее полного удовлетворения все возрастающих материальных и культурных потребностей населения, сбыт продукции социалистической промышленности и сельского хозяйства, снабжение предприятий — заводов и фабрик необходимым сырьем, материалами и оборудованием, наконец, строительство важнейших сооружений тяжелой, легкой и пищевой промышленности, все это осуществляется посредством использования договорной формы, словом, во всем многообразии хозяйственной жизни страны договор служит важнейшим средством выполнения хозяйственного плана.

Принцип демократического централизма лежит в основе не только управленческой деятельности в тесном смысле слова. И хозяйственная деятельность имеет в своей основе испытанный на опыте многих лет социалистического строительства принцип демократического централизма. С особой силой значение демократического централизма в руководстве народным хозяйством подчеркнуто в постановлениях декабрьского (1956 г.) и февральского (1957 г.) пленумов ЦК КПСС¹. Оперативная самостоятельность хозяйственных организаций и предприятий, действующих на основе хозяйственного расчета, сочетается с плановым централизованным руководством. Только такое сочетание дает возможность низовым звеньям проявить свою творческую инициативу в выполнении плановых заданий, и, вместе с тем, дает возможность руководящим центрам направлять эту инициативу в плановое, а, следовательно, правильное русло.

Предложенная в литературе² классификация групп общественных отношений, регулируемых договором, может быть в основном принята с одной оговоркой: признаки, положенные Р. О. Халфиной в основу своей классификации, не проведены ею до конца. Договорные отношения — это отношения между субъектами права, следовательно классификация этих отношений производится прежде всего по субъектному признаку. Вместе с тем в основу классификации положен и целевой признак, — какие именно общественные потребности удовлетворяются с помощью договоров. Сочетание субъектного и целевого признаков не выдержано до

¹ См. газета «Правда», за 25 декабря 1956 г. и 16 февраля 1957 г.

² Р. О. Х а л ф и н а, Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве, изд. АН СССР, 1954 г., стр. 6—7.

конца. Первые две группы отношений (имущественные отношения между социалистическими организациями и имущественные отношения между социалистическими организациями и гражданами) отвечают требованиям указанного сочетания. Последние две группы охватывают отношения между гражданами с той лишь разницей, что в одном случае отношения возникают на базе личной собственности (ст. 10 Конст. СССР), в другом случае — на базе мелкого частного хозяйства (ст. 9 Конст. СССР). Дело не только в том, что здесь автор отступает от предложенных признаков для классификации, и, следовательно, нарушает принцип научной классификации, а в том, что по существу эти отношения ничем не отличаются. Утверждение о том, что наше право «существенно отличает договорные отношения между гражданами, связанные с ведением мелкого частного хозяйства, от таких же отношений, связанных с распоряжением личной собственностью граждан»¹ — остается недоказанным, так как никаких конкретных материалов в подтверждение этого положения не приведено². Следует, вместе с тем, подчеркнуть правильность выделения договорных отношений между социалистическими организациями и вынесение их на первое место. Свойства договора как элемента надстройки особенно проявляются именно в этой группе отношений

Организирующая и дисциплинирующая роль договора исключительно велика во взаимоотношениях между социалистическими хозяйственными организациями. В договоре план находит свою конкретизацию в виде взаимных обязательств сторон. Государственный план не может и не должен предусмотреть все подробности. Хозяйственный план оставляет широкий простор для проявления инициативы, для самостоятельности, для разнообразия форм и методов в осуществлении единого народнохозяйственного плана.

Хозяйственный договор представляет конкретную форму реализации предприятиями прав и обязанностей, на основе закона, по своему решать проблему учета и распределения продуктов, причем «по своему» не в смысле нарушения планового начала или закона, а «в смысле разнообразия форм проведения их в жизнь»³.

Было бы неверно сводить роль договора лишь к средству конкретизации и уточнения плана, как это часто делается в литературе. Конкретизация и уточнение плана в процессе его исполнения возможны и в недоговорной форме. Если для этого используется особая форма, именно договорная форма, то это приобретает особый смысл и значение. Договор является формой проявления и разнообразия инициативы хозяйственных организаций, заводов, фабрик, торговых предприятий и т. п. в выполнении

¹ Р. О. Халфина, указ. соч., стр. 46.

² См. С. Н. Братусь, *Формы собственности по Конституции СССР*, «Труды ВЮОН», вып. IX, 1949 г., стр. 16.

³ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 27, стр. 231.

плана. Договор является огромной организующей силой. Договор является способом придания оперативности плану. Стороны в договоре между социалистическими организациями вместе представляют интересы всего социалистического хозяйства, они вместе сотрудничают для выполнения единого народно-хозяйственного плана, но каждая представляет социалистическое хозяйство на определенном участке в своей ограниченной имущественной сфере¹.

Лучшей формой возмездной связи, обеспечивающей сочетание плана с хозрасчетом, является договорная связь, она способствует правильному использованию имущественной сферы каждой хозяйственной организации, не только с точки зрения интересов отдельной имущественно обособленной организации, но и с точки зрения интересов выполнения всего народнохозяйственного плана в целом, с точки зрения правильного проявления закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства. Эти связи по горизонтали, то есть между несоподчиненными между собой субъектами права, между социалистическими хозяйственными организациями, выражаются во взаимных обязательствах, снабженных материальными санкциями на случай их неисполнения. Возмездные отношения в договорных связях находят свое конкретное воплощение. Выполнение обязательств, а следовательно, и плановых назначений, контролируется не только сверху, но и снизу, причем контроль осуществляется сторонами взаимно. И в этом ценное качество и важное свойство договорных связей, в этом и проявляется существенность договорной формы, используемой успешно в интересах социализма.

Известно, что основная идея хозрасчета заключается в осуществлении контроля рублем. Обычно с понятием контроля связывается представление о проверке той или иной сферы деятельности вышестоящими или специально уполномоченными на то органами. Контроль над выполнением плана, реализуемый в гражданско-правовой, то есть в договорной форме, отличается другим свойством. «Стороны ни в какой мере не подчинены и не подотчетны друг другу. В отношении контрагента они только обязаны выполнять принятые на себя по договору обязательства. Контрагент не выполняет никаких специальных контрольных функций, он только добивается надлежащего исполнения своего требования, основанного на договоре»². Такова еще одна важнейшая черта договорной формы, служащей средством контроля над выполнением плана.

Таким образом договорная форма таит в себе огромные воз-

¹ См. И. Б. Новицкий, Солидарность интересов в советском гражданском праве, 1951 г., стр. 53.

² Р. О. Халфина. «Значение договора в советском социалистическом гражданском праве», Сборник «Вопросы советского гражданского и трудового права» изд. АН СССР, 1950 г., стр. 56; Значение и сущность договора в социалистическом гражданском праве» изд. АН СССР, 1954 г., стр. 20.

возможности, полное использование которых составляет задачу хозяйственных органов, органов суда и арбитража.

Хозяйственный договор представляет собою лучшее средство сочетания хозяйственного плана с хозрасчетом. Бесспорность этого положения не снимает задачу исследования отдельных сторон или линий связи между планом и договором. С. Н. Братусь¹, рассматривая вопрос о хозяйственном договоре, как о гражданско-правовой форме распределения продукции, правильно подчеркивает значение договора как формы самообязывания сторон и способа конкретизации плана, контроля его исполнения. Однако акцент делается им на другом. Несколько раз повторяется положение, что договор является методом исправления ошибок в планировании. Что такие ошибки в планировании возможны и что они встречаются на практике, не вызывает сомнений. В постановлении декабрьского (1956 г) Пленума ЦК КПСС «О завершении работ по составлению шестого пятилетнего плана и о направлении уточнений контрольных цифр на 1956—1960 гг. и народно-хозяйственного плана на 1957 г.» прямо записано: «в ряде случаев в планах допускаются упущения и ошибки». Совершенствование методов планирования представляет важную задачу государства. За последнее время проведен ряд мероприятий в этом направлении. Укажем на постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 марта 1955 г. «Об изменении практики планирования сельского хозяйства». Укажем на упомянутое выше постановление декабрьского пленума ЦК КПСС и на постановление того же пленума «Вопросы улучшения руководства народным хозяйством СССР». Все эти мероприятия свидетельствуют о неустанной заботе партии и правительства над совершенствованием процесса ведения планового хозяйства. Но это совершенствование и устранение ошибок в планировании достигается определенными организационно-правовыми мероприятиями.

Можно ли свести значение хозяйственного договора преимущественно к исправлению ошибок планирования? Нам представляется, что это на самом деле не так. Свести роль договора к функции улавливателя ошибок значит недооценить значение договорной формы, в которой, как было замечено, заложены большие действующие возможности. Думается нам, что вся огромная работа хозяйственных органов, органов государственного и ведомственного арбитража, а также судебных органов по договорной практике не есть процесс обнаружения ошибок в планировании. Это огромная работа по использованию правовых средств воздействия на всех субъектов, — участвующих в выполнении народнохозяйственного плана.

¹ С. Н. Братусь, Хозяйственный договор как гражданско-правовая форма распределения продукции между государственными предприятиями, «Советское государство и право», 1953, № 2-3.

Рассматривая договор, как средство исправления ошибок в оперативном планировании распределения продукции между государственными предприятиями, С. Н. Братусь вместе с тем считает, что хозяйственный договор, в частности, прямой и локальный, это не только гражданско-правовая сделка, но и заключительное звено в планировании производства и распределения социалистической продукции. Выходит, что речь идет уже не о сочетании плана и хозрасчета, лучшей формой которого является договор, а о слиянии плана и договора.

Как известно, план составляется в различных разрезах (отраслевом и территориальном¹, в разрезе двух форм социалистической собственности), но ни в одном из этих вариантов заключительным звеном не является договор. Если правительство осудило бездоговорную поставку, то это сделано вовсе не потому, что ощущался недостаток в заключительном звене планирования или в улавливателе ошибок планирования. В постановлении Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. красной нитью проходит другая мысль, а именно, что бездоговорная поставка снижает ответственность поставщиков, что отсутствие договорных связей приводит к ослаблению хозрасчета и к невыполнению плановых заданий. Вот почему, думается нам, нельзя сводить роль хозяйственного договора к какому то придатку к системе планирования. Хотя хозяйственный договор возникает на основе планового акта, но он с ним не сливается, сохраняя свое самостоятельное бытие и значение. И в этом его служебная роль. Конечно, с точки зрения последовательности договор следует за планом, а не наоборот. Известно, что планирование имеет в своей основе балансовый метод. Только после разработки и утверждения синтетических материальных балансов возможно заключение договоров. Следовательно, договор следует за планом. Но это, повторяем, не значит, что договор является продолжением и завершающей стадией планирования, и что он выполняет функцию исправления ошибок в планировании. Но если даже ошибка в планировании действительно имеет место, то вряд ли стороны, или даже государственный арбитраж вправе эту ошибку устранить. Плановый акт может быть изменен не сторонами по договору, и не государственным арбитражем, а тем компетентным государственным органом, от которого плановый акт исходит. Конечно, государственный арбитраж, обнаружив в процессе разрешения спора по поводу заключения договора или по поводу исполнения договора ошибку в планировании, имеет право и даже обязан сигнализировать об этом, т. е. ставить лишь вопрос об изменении планового акта перед соответствующим

¹ Это особенно явствует из утвержденных XX съездом КПСС директив по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг.

щим плановым органом. Следовательно, дело не только в том, что нельзя свести роль договора к способу исправления ошибок, договор не может быть таким способом по существу. В другой работе, написанной в соавторстве с Л. А. Лунц¹, несколько уточняется положение о том, что договор является «своеобразным средством исправления ошибок в оперативном планировании распределения продукции» и что это делается «путем сигнализации» и что для исправления ошибок «необходимо решение или санкция компетентного планово-регулирующего органа». Тем самым положение о том, что договор является средством исправления ошибок планирования несколько поколеблено. Сделанное нами критическое замечание по поводу тезиса о том, что договор является заключительным звеном планирования и способом исправления ошибок в планировании² встретило возражение со стороны Е. А. Флейшиц³. Отстаивая точку зрения С. Н. Братуся, Е. А. Флейшиц подкрепляет ее утверждением о том, что сочетание плана и хозрасчета выражается во многих отношениях, в том числе и в исправлении плана. Но в том то и дело, что договор заключается не для исправления, а для исполнения плана. Служебная роль договора именно в том, что плану придается сила действия, что плану придается оперативность во всех деталях (время, место и т. д.). Поэтому не в устранении обнаруживаемых иногда ошибок в планировании заключается смысл договорных отношений. Не говоря уже о том, что порядок устранения их не может быть охарактеризован как договорный. На это обстоятельство за последнее время неоднократно обращал внимание Госарбитраж при Совете Министров СССР⁴. Приведенные соображения, думается нам, пригодны и к опровержению тезиса Р. О. Халфиной о том, что договор является способом контроля над планированием⁵. Договор действительно является способом контроля, только не над планированием, а над выполнением плановых заданий.

Не совсем понятно утверждение С. Н. Братуся о том, что «прямой и локальный договоры поставки являются не только сделками исполнения, но и организационными актами». Само понятие «организационные акты» не ясно. Конечно, договор имеет организующее значение, но такое значение имеют и другие акты, и в первую очередь акты планирования, административные акты, исходящие

¹ С. Н. Братусь, Л. А. Лунц, Вопросы хозяйственного договора, М., 1954 г.

² См. Тезисы докладов научной конференции по работам, выполненным в 1953 г. Издание Харьковского юридического института, 1954, стр. 71.

³ Отдельные виды обязательства, М., 1954 г., стр. 25.

⁴ См. Инструктивное письмо от 18 ноября 1952 г. № И-1-69, Инструктивное письмо от 6 марта 1953 г. № И-1-4, Инструктивное письмо от 25 декабря 1953 г. № И-1-29, (Сборник инструктивных указаний государственного арбитража при Совете Министров СССР, вып. 1, М., 1955 г.).

⁵ Р. О. Халфина, указ. соч., стр. 22.

от органов, осуществляющих функции управления. Но генеральные договоры имеют тем более организующее значение. Следовательно, понятие «организационные акты» является скорее родовым, а не видовым признаком, и оно не может характеризовать специфику прямого и локального договора, как и договора вообще.

Значение плана для договорных отношений в юридической литературе иногда рассматривалось в плане формально-догматическом, для чего авторы различных юридических конструкций прибегали к неуместным аналогиям и сомнительным параллелям с институтами римского и буржуазного права.

Так, М. М. Агарков значительную часть своего исследования¹ посвящает сравнению плана с предварительным договором (*pactum de contrahendo*). Конечно, М. М. Агарков находит наряду с общими моментами много отличительных признаков, однако все они не выходят за пределы догматических рассуждений, оставляя в стороне социально-экономическую сторону вопроса. Между тем, совершенно очевидно, что такое формальное сравнение игнорирует самое важное и самое главное, а именно: что план, лежащий в основе договора, и договор в социалистическом обществе служат целям построения коммунизма, а *pactum de contrahendo* в Риме, как и все институты римского права, служил целям поддержания рабовладельческого общества, а институты буржуазного гражданского права служат целям поддержания наемного рабства капиталистического общества.

В специальной работе о влиянии плана на обязательство другой автор не избежал сравнения плана с *pactum de contrahendo* и выразил свою полную солидарность по этому вопросу с М. М. Агарковым². Такие и подобные сравнения и некритические параллели получали неоднократно резкую и справедливую оценку на страницах партийной печати. Некоторые теоретики рассматривают правовые явления как самодовлеющие, оторванные от их экономической сущности, а отсюда отождествление социалистического права и его отдельных институтов с правом эксплуататорских формаций. Такой подход связан с тем отставанием юридической науки, которое справедливо подвергалось критике с трибуны XX съезда КПСС³.

План является основой договорных отношений между социалистическими организациями, он предопределяет не только момент заключения договора, но и его основное содержание (без детальной регулировки), а также и организацию его исполнения. Все это результат новых общественных отношений, основанных на соци-

¹ М. М. Агарков, Обязательство по советскому гражданскому праву, 1940 г.

² З. И. Шкундин, Влияние плана на обязательство, «Советское государство и право», 1947 г., № 2, стр. 38.

³ См. Речь тов. А. И. Микояна на XX съезде КПСС, газета «Правда», 18 февраля 1956 г.

алистической системе хозяйства и социалистической собственности на орудия и средства производства. Вот почему, говоря о соотношении плана и договора, нет необходимости обращаться к социальным формациям эксплуататорского типа для выискивания общих черт, сравнений с ничем общим не имеющими по существу институтами права.

Д. М. Генкин, оспаривая точку зрения М. М. Агаркова (к которой присоединился З. И. Шкундин), согласно которой плановое задание, являющееся по своей природе административным актом, обязывает будущих контрагентов сделать все необходимое для заключения и выполнения подлежащего заключению договора, считает, что административный акт создает обязанность приступить к исполнению и что «исполнение обязательства поставки начинается непосредственно в силу административного акта — планового задания»¹. Естественно, возникает вопрос, какова же роль договора, если исполнение возможно и без него? Д. М. Генкин находит эту роль в новации. Договор новирует обязательство, возникшее в силу планового задания. Но ведь плановое задание, непосредственно создающее обязательство, снабжено достаточной силой и без новации, следовательно, можно как будто обойтись и без договора. Отсюда — оправдание бездоговорных отношений между хозяйственными организациями. Эта конструкция на поверку оказалась нежизненной. В том то и дело, что договор конкретизирует план и придает ему силу действия, отношение между сторонами возникает в силу договора. Поэтому договор и конкретизирует не отношение, установленное планом, а лишь плановые показатели, обязательные для сторон при установлении договорного отношения. Попутно отметим, что всякая новация предполагает прекращение старого обязательства (п. «г» ст. 129 ГК). Между тем, и до и после заключения договора плановое задание остается в силе.

Нельзя согласиться также с концепцией Н. Г. Александрова², различающей два вида договоров по тому признаку, что один — является лишь основанием возникновения правоотношений, а другой — и основанием возникновения правоотношений, и «источником тех индивидуальных предписаний, которые определяют содержание данного конкретного правоотношения». С этим согласиться нельзя потому, что большая или меньшая степень регулирования планового задания, а отсюда большая или меньшая степень автономии воли сторон, еще не дает основания для классификации договоров, в основе которых лежат плановые акты, на

¹Д. М. Генкин, Рецензия на книгу Шкундина «Обязательство поставки товаров в советском праве», журнал «Советское государство и право», 1949 г., № 4.

²Н. Александров, К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений, Ученые Записки ВИЮН, вып. VI, 1947, стр. 73.

различные виды. Плановое задание может отличаться различной степенью интенсивности планирования, так как планирование это не стандартная форма, а живая деятельность. Сам автор этой концепции почувствовал слабость своей классификации и потому добавил третий вид договора, который «служит для сторон, уже связанных правоотношением в силу административного акта, средством автономного уточнения своих правомочий и обязанностей, поскольку эти правомочия и обязанности без договора не конкретизованы императивными нормами или административным актом»¹. Создается, таким образом, по мнению автора, «сложный фактический состав». Однако это утверждение автора находится в противоречии с его исходной позицией, что стороны уже связаны правоотношением в силу административного акта.

Мы исходим из того, что договор, обусловленный плановым заданием, является основанием возникновения обязательства. Предопределенность договора планом, причем не только момента заключения, но и основного содержания, и организации исполнения его, не меняет положения. Нами уже приведены замечательные слова Маркса и Энгельса по поводу иллюзий юристов, полагающих, что в договорные отношения можно вступать или не вступать и что содержание договора будто определяется их свободной индивидуальной волей. В условиях социализма тем более нет оснований для таких иллюзий, так как необходимость вступать в договорные отношения проявляется не стихийно, как в условиях капитализма, что и служит источником упомянутых иллюзий, а организовано, планоно.

Планирование всей хозяйственной жизни страны в целом и деятельности каждого предприятия в отдельности предопределяет договорные отношения между конкретными звеньями, участниками выполнения народнохозяйственного плана. По мере расширения сферы действия закона планомерного развития народного хозяйства предопределенность договорных отношений планом становилась правилом для социалистических организаций. Это правило нельзя рассматривать как стандарт или как автоматически действующий механизм. Предопределенность договора планом имеет различные формы проявления. Все это зависит, например, от степени правосубъектности участников договорных отношений, от характера имущества, являющегося предметом договора и т. п. Связанность сторон наступает в силу договора, в котором воля сторон направлена на выполнение планового задания. Решимость и стремление выполнить план требуется не только от каждого конкретного исполнителя (физического лица). Это требуется от каждого органа, причем не только от государственного, но и от кооперативного и общественного, занимающего определенное место в процессе выполнения плана. Договор

¹ Н. Александров, цитир. соч., стр. 75-76.

и является той юридической формой связи между этими органами, в которой закрепляется их решимость и воля, и вместе с тем обязанность, выполнить план. В том же случае, когда тот или иной орган, в силу узковедомственных расчетов, не проявляет этой воли и решимости, плановое задание не остается повисшим в воздухе с угрозой срыва. Такое состояние вызывает реакцию в праве, и она выражается в том, что механизм принуждения, а принуждение, как известно,— неотъемлемое свойство права¹, начинает действовать.

В экономической литературе высказано пожелание об усилении «контроля со стороны Государственного банка за самым фактом заключения договоров и за конкретностью их содержания»². Известно, что Государственный банк при осуществлении возложенных на него функций выступает как орган государственного управления и как юридическое лицо, участвующее в гражданском обороте³. Контрольные функции Госбанка над народным хозяйством, в частности, над выполнением народнохозяйственного плана осуществляются им в процессе совершения как активных, так и пассивных операций⁴. В иных же формах, контроль со стороны Госбанка не имеет правовых оснований, и нежелателен по существу. Осуществление контроля за всей деятельностью хозяйственных организаций входит в обязанность соответствующих органов управления народным хозяйством. В Постановлении СНК СССР от 21 апреля 1931 года «О проведении договорной кампании»⁵ предусмотрено, что хозяйственные центры должны усилить контроль за заключением договоров. Аналогичная мысль проведена и в упомянутом Постановлении Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. Этот контроль важен именно потому, что речь идет о договоре, в основе которого лежит плановое начало, а следовательно имеется ввиду, что интенсивность планирования настолько велика, что плановое начало непосредственно определяет как необходимость установления договорного отношения между определенными субъектами, так и основное его содержание (без детальной регулировки) и мероприятия по организации исполнения договора. Остальные встречающиеся в гражданском обороте договоры, испытывают как и вся народнохозяйственная жизнь в СССР (ст. 11 Конституции СССР), действие планового начала, хотя прямо и непосредственно не определяются планом.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 442.

² С. К. Татур, Хозрасчет и рентабельность, Известия Академии наук СССР, отделение экономики и права, 1950 г., № 3, стр. 172.

³ Р. О. Халфина, Правовое положение Государственного банка СССР, Известия Академии наук СССР, отделение экономики и права, 1947 г., № 1, стр. 3.

⁴ Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 августа 1954 г. № 1789, направленное на повышение роли Госбанка в социалистическом хозяйстве и на усиление его контрольных функций.

⁵ СЗ СССР, 1931 г., № 26, ст. 210.

Конечно, возможности расширения планового начала, в результате успешного строительства коммунизма, все больше увеличиваются и чем дальше, тем больше будут приближаться к полному охвату всего народного хозяйства, включая и сельское хозяйство, единым народнохозяйственным планом. Методы планирования чем дальше, тем больше будут совершенствоваться. Вместе с этим договор сохраняет полностью, и надолго сохранит, свое организующее и мобилизующее значение в деле выполнения и перевыполнения народнохозяйственного плана.

Кандидат юридических наук В. В. ОВСИЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТРУКТУРЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО ПОСТАВКЕ МЕТАЛЛОПРОДУКЦИИ

Руководствуясь в своей деятельности основным экономическим законом социализма, Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют огромное внимание тяжелой промышленности, ибо ее преимущественное развитие является основой развития всего народного хозяйства, неуклонного роста благосостояния трудящихся и укрепления оборонной мощи страны, базой для решения главной экономической задачи СССР — в исторически кратчайший срок догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения.

Успешное развитие тяжелой промышленности немыслимо без правильной организации материально-технического снабжения. Своевременное, бесперебойное, хорошо организованное снабжение предприятий истроек обеспечивает их ритмичную работу, способствует выполнению и перевыполнению производственных планов, стимулирует технический прогресс, создает условия для повышения производительности труда, для отыскания внутренних резервов. Такое снабжение способствует ликвидации сверхнормативных запасов материалов, ускорению оборачиваемости оборотных средств и, тем самым, приводит к снижению себестоимости продукции и повышению рентабельности предприятий, являясь, таким образом, одним из важнейших условий расширенного социалистического воспроизводства.

Между тем, в организации материально-технического снабжения народного хозяйства у нас еще много недостатков, которые в значительной мере порождаются ведомственностью в руководстве промышленностью и строительством. Как отмечается в постановлении февральского Пленума ЦК КПСС 1957 г. «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», министерства и ведомства, осуществляя из центра руководство предприятиями, расположенными на всей территории страны, неизбежно обрастают многочисленными параллельно действующими организациями — различными сбы-

товыми и снабженческими конторами, базами, трестами и т. д. Ведомственные границы приводят к замораживанию государственных средств, вызывают значительные нерациональные перевозки грузов¹. Это приводит к увеличению стоимости материалов, сырья, оборудования.

Наряду с мероприятиями по улучшению работы государственного аппарата за последние годы были приняты и некоторые меры по улучшению материально-технического снабжения: только по 46 министерствам и ведомствам СССР упразднены 898 излишних и параллельно действующих снабженческих организаций. Однако недостатки материально-технического снабжения все еще продолжают оставаться весьма серьезными. Как указывал тов. Н. А. Булганин еще на июльском Пленуме ЦК КПСС, предприятия несвоевременно и некомплектно снабжаются металлом, лесом и другими материалами, а также полуфабрикатами и оборудованием. Неупорядоченность материально-технического снабжения промышленности, — отметил тов. Н. А. Булганин, — самая главная из причин, которые порождают неритмичность производства на предприятиях, неравномерный выпуск ими промышленной продукции².

В снабжении народного хозяйства отдельными видами промышленной продукции все еще имеет место чрезмерная централизация. Июльский Пленум ЦК КПСС обязал партийные и хозяйственные органы принять необходимые меры к обеспечению ритмичной работы предприятий, обратив особое внимание на бесперебойное материально-техническое снабжение промышленности³. В Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР также предусмотрено улучшение дела материально-технического снабжения⁴.

Ввиду наличия серьезных недостатков в работе министерств и ведомств по материально-техническому снабжению предприятий, декабрьский Пленум ЦК КПСС 1956 г. признал необходимым осуществить организационные мероприятия по коренному улучшению этого дела с тем, чтобы обеспечить более рациональное использование материальных ресурсов, не допуская замораживания их на многочисленных ведомственных базах и складов⁵.

¹ «Правда» от 16 февраля 1957 г.

² Н. А. Булганин. О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства. Доклад на Пленуме Центрального Комитета КПСС 4 июля 1955 года. М., Госполитиздат, 1955, стр. 49, 50.

³ Постановления июльского Пленума ЦК КПСС 1955 года. М., Госполитиздат, 1955, стр. 20.

⁴ Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956-1960 годы. М., Госполитиздат, 1956, стр. 8-9.

⁵ Постановления декабрьского Пленума ЦК КПСС 1956 года. М., Госполитиздат, 1956, стр. 14—15.

Особенно серьезные задачи в области организации материально-технического снабжения возникают в связи с указанием февральского Пленума ЦК КПСС 1957 г. по улучшению организации руководства промышленностью и строительством. Введение новой структуры управления промышленностью даст возможность упорядочить многие запутанные в настоящее время экономические вопросы, в частности такой исключительно важный вопрос, как материально-техническое снабжение предприятий истроек¹.

Для своевременного и полного снабжения народного хозяйства материалами, сырьем, оборудованием огромное значение имеет правильная, наиболее рациональная организация договорных связей между потребителями и поставщиками. Решения декабрьского (1956 г.) и февральского (1957 г.) Пленумов ЦК КПСС вызывают необходимость упрощения структуры договорных отношений. В связи с этим теоретическая разработка вопроса о структуре договорных связей, в частности о структуре договорных отношений по снабжению народного хозяйства металлопродукций, представляет большой интерес.

I

Материально-техническое снабжение народного хозяйства осуществляется системой сбытовых и снабженческих органов, которые были созданы для того, чтобы облегчить работу предприятий по реализации продукции и снабжению материалами, сырьем, оборудованием, для того, чтобы дать возможность предприятиям сосредоточить все усилия на производстве продукции. Структура договорных отношений по поставке промышленной продукции тесно связана с организацией сбыта и снабжения и в значительной степени зависит как от структуры сбытовых органов поставщика, так и от структуры снабженческих органов покупателя. Большое влияние на структуру договорных отношений оказывают также специализация и кооперирование, как внутриотраслевое, так и между предприятиями разных отраслей промышленности.

Снабжение народного хозяйства металлом и металлопродукцией осуществляет в настоящее время Главное управление по сбыту черных металлов и металлоизделий Министерства черной металлургии СССР (Главметаллосбыт) и его местные органы (конторы, базы, склады)². Главметаллосбыт реализует фондиру-

¹ «Правда» от 16 февраля 1957 г.

² В связи с реорганизацией управления промышленностью функции Главметаллосбыта и его контор по снабжению народного хозяйства металлом, по-видимому, временно сохраняются до тех пор, пока не наладятся новые постоянные связи между предприятиями-поставщиками и предприятиями-потребителями. Централизованное распределение металла, как одного из остродефицитных видов продукции, возможно, сохранится и в дальнейшем. (См. Тезисы доклада Н. С. Хрущева «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», раздел IV, п. п. 3, 9. — «Правда» от 30 марта 1957 г.).

емые и планируемые черные металлы, металлические изделия, ферросплавы и химикаты, а также металлические товары широкого потребления, изготавливаемые предприятиями Министерства черной металлургии, некоторые металлы и металлические изделия, изготавливаемые предприятиями других министерств, фондируемую металлопродукцию из других источников поступлений, а также некондиционную металлопродукцию и металлоотходы¹.

Для осуществления своей деятельности по снабжению народного хозяйства металлопродукцией Главметаллосбыт организует межреспубликанские, республиканские, краевые, межобластные и областные конторы, базы и склады, а также разделочные склады при металлургических заводах. Каждая из контор обслуживает потребителей района своей деятельности, который определяется приказом Главметаллосбыта, систематически наблюдая за обеспеченностью потребителей металлопродукцией и принимая оперативные меры к бесперебойному снабжению их металлом и металлическими изделиями в пределах выделенных фондов по количеству и сортаменту².

Структура обязательственных отношений по поставке металла в большой мере зависит и от фактического движения металлопродукции, т. е. от того, поставляется ли металл транзитом (завод-изготовитель — потребитель металла) или применяется складская форма снабжения (завод-изготовитель — склад Главметаллосбыта — потребитель металла).

Основная масса потребляемого народным хозяйством металла (свыше 90%) отправляется заводами-изготовителями, в соответствии с нарядами-заказами Главметаллосбыта, непосредственно потребителям металла (транзитная поставка). Это позволяет ликвидировать излишние складские операции, следовательно, удешевляет стоимость металла и ускоряет доставку продукции потребителям. Однако применение транзитной поставки в тех случаях, когда потребителю требуется незначительное количество металла, приводит к неполному использованию вагонов, а также к неполной загрузке металлургического оборудования. Поэтому, согласно п. 28 «Основных условий поставки металла и металлопродукции», в целях наиболее полного использования оборудования металлургических заводов, максимального использования транспортных средств, поставка потребителям металла непосредственно с заводов (транзитом) может производиться лишь в количествах не ниже минимальных транзитных норм, указанных для каждого вида продукции в прейскуранте³. Боль-

¹ Положение о Главном управлении по сбыту черных и цветных металлов и металлоизделий («Главметаллосбыте») Министерства металлургической промышленности, утвержденное Министерством металлургической промышленности 11 июня 1953 года.

² П.п. 4-5 Типового положения о конторе Главметаллосбыта Министерства черной металлургии СССР, утвержденного Главметаллосбытом.

³ Основные условия поставки металла и металлопродукции. М. Металлургиздат, 1950, стр. 11.

шинство минимальных транзитных норм установлено с расчетом использования 18—20-тонных вагонов. Однако в настоящее время вагонный парк в значительной степени переведен на 60-тонные, более экономичные вагоны, а выпуск 16,5-тонных, 18-тонных и 20-тонных вагонов прекращен. В связи с этим совещание управляющих конторами Главметаллосбыта, проходившее в июле месяце 1954 года, поставило вопрос о пересмотре минимальных транзитных норм с целью приспособления их к грузоподъемности большегрузных вагонов.

Однако очень многие предприятия потребляют металл различных марок, сортов и размеров в количествах, значительно меньших минимальной транзитной нормы. Так, например, Ленинградский завод им. Свердлова расходует в каждом квартале 512 сорторазмеров черного металла (1380 тонн), из них 480 сорторазмеров (630 тонн) в количествах, далеко не достигающих минимальных транзитных норм. В Ленинграде свыше 700 предприятий совершенно не пользуются транзитной поставкой среднесортowego и другого проката². Снабжение потребителей металлом в мелких, т. е. «нетранзитных» количествах осуществляется организуемыми Главметаллосбытом базами и складами, которые находятся в подчинении контор Главметаллосбыта. В настоящее время действует свыше 80 баз и складов, осуществляющих поставку 4,5 млн. тонн металла в год, т. е. около 10% всего потребляемого в стране металла. Еще более возрастет значение складов в связи с предполагаемым увеличением транзитной нормы: складской оборот увеличится до 10 млн. тонн, не считая прироста за счет общего увеличения потребления металла.

Для обеспечения потребителей металлом склад (база) изучает сортаментную потребность потребителей своего района деятельности в нетранзитных количествах металлопродукции и составляет проекты планов товарооборота и завоза на склад (базу) металла и металлических изделий. Эти планы утверждают конторы.

В связи с тем, что Главметаллосбыт плохо обеспечивает склады металлом, считая, что транзитные поставки должны исполняться в первую очередь, на складах сплошь и рядом отсутствует необходимый сортамент металла, особенно дефицитных профилей. Поэтому потребители вынуждены заказывать транзитные количества металла даже тогда, когда потребность в данном виде продукции у них незначительна. Это ведет к еще большему увеличению дефицитности металла, к созданию сверхнормативных запасов металла у потребителей, т. е. к омертвлению их оборотных средств. В некоторых случаях такая практика приводит к нарушению порядка распределения металла, являющегося

¹ Прейскурант оптовых цен на сталь обыкновенного качества. М., Металлургиздат, 1951, стр. 10-12.

² Р. Писарев. Некоторые вопросы материально-технического снабжения («Коммунист», 1955, № 11, стр. 114).

строго фондируемой продукцией, а иногда и к перерасходу металла. Так, на совещании управляющих конторами Главметаллосбыта в июле месяце 1954 года приводился случай, когда один из воронежских строительных трестов заказал и получил 63 т. труб 3/4" при потребности всего в несколько тонн. Остальное количество труб трест обменял у других организаций на нужные ему профили металла. Управляющий Ленинградской конторой Главметаллосбыта Р. Писарев описывает такой случай: пять ленинградских заводов заказали на март 1955 года 160 тонн круглой стали диаметром от 20 до 30 мм. Так как минимальная транзитная норма равна 20 тоннам, то вместо пяти — семи требующихся размеров заказали один размер большего диаметра, с тем, чтобы «подогнать» затем его под необходимые размеры. В результате этого непомерно возрос расход металла на единицу изделия, увеличились затраты рабочей силы и другие расходы, увеличилась себестоимость продукции¹. Из приведенных примеров видно, что обеспечение складского оборота — задача не менее важная, чем своевременное удовлетворение потребностей покупателей в транзитных количествах металла. Как в юридической литературе, так и в партийной печати отмечалось, что правильная организация материально-технического снабжения поможет устранить практику накопления на предприятиях сверхнормативных запасов материальных ценностей². Одним из мероприятий, направленных на уменьшение запасов материальных ценностей на предприятиях, и является упорядочение складской формы снабжения.

Обязательственные отношения по снабжению народного хозяйства металлопродукцией можно разделить на две группы: 1) обязательственные отношения между Главметаллосбытом и его конторами, с одной стороны, и потребителями металла, с другой стороны; 2) обязательственные отношения между заводами-изготовителями металла, с одной стороны, и Главметаллосбытом и его конторами, с другой стороны.

II

Отношения Главметаллосбыта с заводами-изготовителями регулируются «Общими положениями о порядке реализации металлургической продукции», утвержденными НКТП 22 августа 1938 года, а также «Общими положениями о порядке реализации неполноценных металлов (2-х сортов, неликвидов, некондиции и отбраковки), браков и отходов металлургическими заводами и металлургическими цехами машиностроительных заводов»,

¹ «Коммунист», 1955, № 11, стр. 114.

² В. А. Дозорцев. Правовое положение промышленного предприятия («Советское государство и право», 1955, № 8, стр. 46); Р. Писарев. Некоторые вопросы материально-технического снабжения («Коммунист», 1955, № 11, стр. 113-114).

утвержденными Наркоматом черной металлургии СССР 19 января 1940 г.

Получив от министерств-поставщиков утвержденные квартальные планы производства металлопродукции, Главметаллосбыт не позднее чем за 45 дней до начала квартала совместно с производственными главками и заводами-изготовителями составляет квартальные планы (протоколы) загрузки производства по каждому заводу и по сортаменту, станам, агрегатам с разбивком по месяцам.

Следовательно, план загрузки производства — это плановый акт, конкретизирующий производственный план завода-изготовителя и обязательный для последнего, как и всякий другой административно-правовой акт. Наделение Главметаллосбыта правом уточнения производственных планов предприятий, ему непосредственно не подчиненных, вызывается необходимостью увязки производственных возможностей заводов-изготовителей со спросом потребителей. А изучением этого спроса и занимается Главметаллосбыт.

Установление плана загрузки производства является юридическим фактом, порождающим не только административно-правовые, но и гражданско-правовые отношения. Однако нельзя согласиться с З. И. Шкундиным, который считал, что обязанность Главметаллосбыта выдать заводу наряды-заказы на изготовление и отпуск продукции, возникающая с установлением плана загрузки (сортаментной программы), является гражданско-правовой обязанностью¹. Обязанность выдачи нарядов-заказов носит административно-правовой характер, и неисполнение этой обязанности не влечет применения имущественных санкций. С установлением плана загрузки производства у завода-изготовителя возникает обязанность передать Главметаллосбыту всю изготовленную в соответствии с планом загрузки продукцию, а у Главметаллосбыта возникает обязанность принять эту продукцию и оплатить ее, независимо от того, будут ли выданы наряды-заказы на эту продукцию. Эти обязанности завода-изготовителя и Главметаллосбыта являются гражданско-правовыми.

Таким образом, как правильно отметил Л. И. Картужанский, Главметаллосбыт становится для промышленности, продукцию которой он сбывает, монопольным покупателем².

Во исполнение плана загрузки производства Главметаллосбыт размещает по заводам-изготовителям наряды-заказы

¹ З. И. Шкундин. Обязательство поставки товаров в советском праве. М., Юриздат, 1948, стр. 88.

² Л. И. Картужанский. Хозяйственные договоры и арбитраж на современном этапе — Ученые записки (Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, № 129. Серия юридических наук, вып. 3, 1951, стр. 104)

на поставку потребителям продукции, которые выдаются Главметаллосбытом заводу-изготовителю от имени соответствующей конторы Главметаллосбыта на основании заказов-спецификаций, согласованных с потребителями металла. Наряды-заказы выдаются Главметаллосбытом с расчетом поступления их на металлургические заводы не позднее, чем за 15 дней до начала месяца отгрузки. При просрочке высылки наряда-заказа завод вправе отгрузить металл в следующем за указанным в заказе месяце. В случае невыдачи нарядов-заказов на все количество продукции, предусмотренной планом загрузки, завод, предупредив об этом Главметаллосбыт за пять дней до начала месяца, отгружает изготовленную продукцию на ближайшую базу Главметаллосбыта.

Размещение заказов на заводах-изготовителях зависит от специализации металлургических агрегатов. Специализация — это ограничение ассортимента на отдельных предприятиях или усиление однородности производства в рамках предприятия¹. Специализация предприятия позволяет повысить производительность труда, улучшить использование производственных мощностей, т. к. устраняет необходимость в переналадке оборудования. Однако чрезмерно узкая специализация затрудняет комплексное развитие экономических районов, ведет к увеличению дальности перевозок, к повышению транспортных расходов. Поэтому Главметаллосбыт как орган, изучающий потребность в металле в масштабе всего народного хозяйства, привлекается к разработке специализации металлургического оборудования. Но кроме недостатков в специализации предприятий, одной из причин роста дальности перевозок, которая в 1953 году по черным металлам составляла 1101 км. против 960 км. в 1940 г., являются серьезные недостатки в планировании сбыта, снабжения и перевозок. В частности, к нерациональным перевозкам ведет неправильное размещение заказов по заводам-изготовителям, примеры которого приводились в выступлениях делегатов XIX съезда партии. Так, из Ленинграда вывозится около 100 тыс. тонн металла, тогда как по меньшей мере половина этого металла могла бы быть использована в самом Ленинграде. Ленинград получает 7—7,5 тыс. тонн гвоздей, которые полностью завозятся с Юга и Урала, а имеющийся в Ленинграде завод, который производит 7 тыс. тонн гвоздей, полностью вывозит свою продукцию за пределы Ленинграда². Поэтому, во избежание таких случаев, выдачу нарядов-заказов Главметаллосбыт должен производить с особой тщательностью и не допускать встречных, излишне дальних и других нерациональных перевозок.

¹ См. Л. Я. Берри. Специализация и кооперирование в промышленности СССР. Госполитиздат, 1954, стр. 107.

² «Правда» от 8 октября 1952 г.

Наряд-заказ конкретизирует и расширяет обязанности сторон, возникшие с установлением плана загрузки производства. Теперь у завода возникает обязанность изготовить продукцию в соответствии с развернутым сортаментом (по профилям, размерам, длинам, кратности, толщинам, сечениям, маркам, сортам) и стандартами, указанными в наряде-заказе, и отгрузить эту продукцию указанному в наряде получателю в установленные нарядом сроки. Неисполнение или ненадлежащее исполнение этих обязанностей (поставка недоброкачественной продукции, недоставка, просрочка поставки, нарушение сортамента и т. д.) влечет за собою применение имущественных санкций в соответствии с п. п. 17, 19, 20 «Общих положений о порядке реализации металлургической продукции». С выдачей наряда-заказа у Главметаллосбыта возникает обязанность обеспечить принятие продукции грузополучателем и оплатить заводу ее стоимость. Главметаллосбыт также несет имущественную ответственность. Таким образом, с выдачей наряда-заказа у сторон возникают права и обязанности, в сумме своей составляющие обязательство поставки.

Наряды-заказы выдаются отдельно на каждый прокатный стан и с соблюдением указанных в прејскуранте минимальных транзитных норм.

З. И. Шкундин правильно отметил, что нет оснований рассматривать выдачу Главметаллосбытом заказа и отсутствие возражений завода против этого заказа как заключение между ними договора¹. Но нельзя согласиться с тем, что выдача заказа, как пишет З. И. Шкундин, — это односторонняя сделка². Сходство наряда-заказа с односторонней сделкой заключается в том, что наряд-заказ, как и сделка, направлен на возникновение гражданских правоотношений, а волеизъявление исходит от одной стороны. Но в отличие от сделки, в которой «ее участник (кто бы он ни был) выступает не как представитель государственной власти, выражающий свою волю в порядке приказа, а только как субъект гражданского права»³, наряд-заказ является волеизъявлением Главметаллосбыта как органа управления, поэтому он безусловно обязателен для завода. Завод-изготовитель обязан в точности исполнить предписание, содержащееся в наряде-заказе, и вправе отказаться от исполнения наряда лишь в том случае, если наряд выдан сверх производственной программы. В односторонней же сделке другая сторона вправе и отказаться от совершения действий, указанных в одно-

¹ З. И. Шкундин, Цит. соч., стр. 89.

² Там же.

³ И. Б. Новицкий. Сделки. Исковая давность. М., Госюриздат, 1954, стр. 13.

стороннем волеизъявлении другой стороны. Поэтому наряд-заказ следует отнести не к односторонней сделке, а к административному акту как разновидности юридических фактов.

З. И. Шкундин правильно отмечал, что источник обязательной силы наряда-заказа заключается не в административном подчинении хозорганизации, которой выдан наряд, госоргану, выдавшему этот наряд¹. Главметаллосбыт не наделен функциями управления в отношении этих заводов, в его подчинении находятся лишь конторы, базы и склады. Но полномочия Главметаллосбыта на выдачу нарядов-заказов вытекают из «Общих положений о порядке реализации металлургической продукции». В п. 4 «Общих положений о порядке реализации металлургической продукции» сказано, что Главметаллосбыт реализует продукцию металлургических заводов путем выдачи заказов, предусматривающих количество, сортамент и качество металла, а также реквизиты для отгрузки и платежей.

Таким образом, особенностью обязательственных отношений по реализации металлопродукции, т. е. отношений между Главметаллосбытом (и его конторами) и заводами-изготовителями является то, что здесь и в настоящее время договоры не заключаются, а поставка продукции производится на основании «Общих положений о порядке реализации металлургической продукции» и нарядов-заказов. А между тем, еще в постановлении СНК СССР от 19 декабря 1933 года, которое в этой части не потеряло своего значения и в настоящее время, указывалось, что «в тех случаях, когда сбыт или снабжение осуществляются через специальные товаропроводящие организации (сбыты, снабы, торги и т. п.), последние обязаны заключать договоры как с производящими организациями, так и с покупателями»².

Отсутствие договоров между конторами Главметаллосбыта и заводами-изготовителями можно объяснить, с одной стороны, недооценкой договора как одного из действенных средств борьбы за выполнение плана. Кстати сказать, в случае реализации металлопродукции заводов, не входящих в систему Министерства черной металлургии, Главметаллосбыт заключает с ними договоры³. Кроме того, некоторые конторы Главметаллосбыта заключают договоры с заводами на поставку неполноценных металлов (например, Днепропетровская контора), другие же конторы (Харьковская, Московская) таких договоров не заключают, хотя «Общие положения о порядке реализации

¹ З. И. Шкундин, Обязательство поставки товаров в советском праве, М., Юриздат, 1948, стр. 159.

² П. 6 Постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. «О заключении договоров на 1934 год» (СЗ 1933 г. № 73, ст. 445).

³ Ежегодно Главметаллосбыт заключает около 40 таких договоров.

неполноценных металлов» содержат прямое указание о том, что взаимоотношения контор Главметаллосбыта с заводами-поставщиками металлоотходов оформляются договорами.

С другой стороны, заключению договоров на реализацию металлопродукции препятствует весьма жесткая централизация сбыта металла. Это, пожалуй, основная причина того, что обязательственные отношения между заводами-изготовителями и конторами Главметаллосбыта продолжают оставаться бездоговорными. Выдача нарядов-заказов Главметаллосбытом, а не его конторами в значительной степени ограничивает функции контор Главметаллосбыта, а по транзитным поставкам по существу устраняет конторы от выполнения сбытовых операций, о чем красноречиво свидетельствует тот факт, что в 1954 году Главметаллосбыт освободил конторы от представления оперативной отчетности по транзитным поставкам. О каких же договорах между конторами и заводами-изготовителями может идти речь при таком положении вещей? На деле же Главметаллосбыт должен планировать и организовывать сбыт металла, руководить работой своих контор, а не подменять их. Поэтому выдача нарядов-заказов должна быть децентрализована: этим должны заниматься конторы Главметаллосбыта. Главметаллосбыт не в состоянии детально изучить спрос потребителей и своевременно учесть все изменения этого спроса. Поэтому наряды-заказы, являющиеся отражением заказов-спецификаций, должны выдаваться заводу-изготовителю конторами Главметаллосбыта, согласовавшими соответствующие заказы-спецификации. Это улучшит снабжение народного хозяйства металлом и даст возможность производить реализацию металла на основании прямых договоров между конторами Главметаллосбыта и заводами-изготовителями.

III

Обязательства между Главметаллосбытом и потребителями металлопродукции всегда оформляются договорами. При этом «Основные условия поставки металла и металлопродукции» предусматривают две формы договорных связей: заключение генеральных и локальных договоров либо заключение прямых договоров¹.

До 1949 года основной формой договорных связей являлись прямые договоры. Постановлением Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 года признано было целесообразным заключение генеральных договоров между центрами поставщиков и центрами потребителей. Генеральные договоры на поставку металлопродукции стали заключаться Главметаллосбытом Министерства черной металлургии с главснабами либо с другими

¹ П. 7 «Основных условий поставки металла и металлопродукции».

хозрасчетными центрами министерств и ведомств-потребителей, выполняющими функции материально-технического снабжения. Так, например, Министерство коммунального хозяйства РСФСР не имеет главснаба, и Главметаллосбыт заключает генеральный договор с трестом Росснабсбыт МҚХ РСФСР.

На основе генеральных договоров нижестоящие звенья поставщика, с одной стороны, и нижестоящие звенья потребителя, с другой стороны, являющиеся непосредственными исполнителями планового задания, стали заключать между собой локальные договоры.

Кроме системы генеральных и локальных договоров, «Основные условия поставки металлов и металлопродукции» предусматривают также заключение прямых договоров, т. е. договоров, заключаемых между низовыми хозяйственными звеньями, без заключения генеральных договоров между их центрами. При этом, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 года, «Основные условия поставки металла и металлопродукции» указывали на систему генеральных и локальных договоров как на преобладающую.

Система генеральных и локальных договоров, предусмотренная постановлением Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 года, страдала существенными недостатками.

До 1955 года министерства (ведомства)-потребители распределяли полученные ими фонды между подведомственными предприятиями и организациями путем согласования ведомостей распределения подлежащей поставке продукции. В целях устранения излишеств в документации по заключению хозяйственных договоров с 1955 года отменены как излишние, ведомости распределения. Распределение продукции по поставщикам и потребителям оформляется теперь годовыми, а в необходимых случаях квартальными разнарядками, которые согласовываются сторонами по генеральным договорам, а при поставках по прямым договорам — министерствами (ведомствами)-поставщиками и потребителями.

Таким образом, распределение фондируемой и планируемой металлопродукции и доведение плановых заданий до непосредственных исполнителей, а также установление структуры договорных связей достигается при помощи разнарядок, которые составляются как при системе генеральных и локальных договоров, так и при системе прямых договоров. Следовательно, как способ доведения плановых заданий до непосредственных исполнителей и способ установления структуры договорных связей, генеральный договор не играет никакой роли, и заключение его для этой цели совершенно излишне.

Стороны по генеральному договору фактически не несут теперь и гражданско-правовой ответственности за просрочку заключения

локальных договоров. Следовательно, генеральный договор не является и средством контроля за своевременным заключением локальных договоров, и, с этой точки зрения, заключение генеральных договоров также нецелесообразно.

Именно поэтому в последнее время в некоторых отраслях народного хозяйства уже наметилась тенденция к переходу к прямым договорам. Так, согласно «Основным условиям поставки продовольственных товаров», утвержденным Советом Министров СССР 7 апреля 1954 года, все продовольственные товары рыночного и внерыночного назначения поставляются по прямым договорам¹. Аналогичное указание содержится и в «Основных условиях поставки промышленных товаров».

Между тем, в советской юридической литературе до последнего времени утверждалось, что система генеральных и локальных договоров является наиболее целесообразной и что генеральный договор служит средством организации договорных связей. Так, проф. И. Б. Новицкий пишет: «В настоящее время признается наиболее целесообразной система генеральных и локальных договоров. Изучение опыта позволяет заключить, что применение этой системы во многих отраслях хозяйства дает возможность укрепить хозрасчет на предприятиях, а следовательно, и способствовать проведению режима экономии, содействовать расширению социалистического воспроизводства, росту социалистических накоплений. При системе генеральных и локальных договоров генеральный договор служит средством, организующим договорные связи исполнителей поставки...»². Этой же точки зрения придерживаются и проф. С. Н. Братусь и проф. Л. А. Лунц в своей работе «Вопросы хозяйственного договора»: «Общепризнанным является положение об организующей роли генерального договора в экономическом обороте социалистической продукции. Не вызывает сомнения в связи с этим и характеристика генерального договора как инструмента, способствующего улучшению планирования в области производства и распределения продукции»³.

По приведенным выше соображениям, признание, в виде правила, доминирующего значения за системой генеральных и локальных договоров является неправильным. Что касается снабжения народного хозяйства металлопродукцией, то изучение структуры договорных отношений по поставке металла дает

¹ П. 3. «Основных условий».

² И. Б. Новицкий. Роль советского гражданского права в осуществлении хозрасчета и режима экономии. М., Госюриздат, 1955, стр. 157.

³ С. Н. Братусь и Л. А. Лунц. Вопросы хозяйственного договора. М., Госюриздат, 1954, стр. 13. Это мнение разделяет также и Е. А. Флейшиц (Отдельные виды обязательств. Курс советского гражданского права. М., Госюриздат, 1954, стр. 45). Только Г. М. Степаненко и Ю. Г. Басин высказались за отказ от генерального договора как излишнего звена договорных отношений (см. их статью «Решения июльского Пленума ЦК КПСС и вопросы советского гражданского права» — «Сов. государство и право», 1956, № 1, стр. 50).

основание прямо сделать вывод о том, что здесь более рациональной является система прямых договоров¹.

При складской форме снабжения локальные и прямые договоры заключаются между конторами Главметаллосбыта и потребителями металла.

При транзитной поставке, согласно «Основным условиям поставки металла и металлопродукции», локальные и прямые договоры с предприятиями и организациями-потребителями могут заключаться либо конторами Главметаллосбыта, либо заводами-изготовителями.

Заключение договоров между непосредственными исполнителями плановых заданий *во всех* случаях, конечно, технически невозможно, так как оно приведет к значительному увеличению количества договоров, разбуханию штатов сбыто-снабженческих отделов заводов, очень усложнит расчеты за поставленную продукцию и взыскание санкций за нарушение обязательств. Ведь сбыто-снабженческие органы и созданы для того, чтобы облегчить работу предприятий по реализации продукции и снабжению материалами, сырьем, оборудованием, для того, чтобы предприятия сосредоточили свои усилия на производстве продукции.

Однако в тех случаях, когда изготовление значительной части металла для потребителя производят определенные заводы-изготовители, т. е. когда между заводами-изготовителями и потребителями металла существуют длительные, прочные производственные связи, иными словами, при кооперированных поставках, включение в договорную связь контор Главметаллосбыта как посредствующего снабженческого звена становится излишним. В этих случаях целесообразнее устанавливать непосредственные договорные связи между заводом-изготовителем и заводом-потребителем. Это особенно относится к крупнейшим машиностроительным заводам, таким как Харьковский тракторный завод, Московский автозавод им. Лихачева, Горьковский автозавод, основную поставку которым производят металлургические заводы «Запорожсталь» и «Днепроспецсталь», и к другим. Заключение договоров между заводами-изготовителями и заводами-потребителями устранил излишнее в этих случаях снабженческое звено, даст возможность поставщику всесторонне выяснить потребности покупателя, более оперативно учитывать все изменения сортаментной потребности, а покупателю поможет своевременно реагировать на ненадлежащее исполнение поставщиком своих обязательств, хотя бы потому, что значительно упростит и ускорит начисление санкций за нарушение сортамента и просрочку

¹ В тезисах Н. С. Хрущева «О дальнейшем совершенствовании управления промышленностью и строительством» сказано: главное в вопросах улучшения материально-технического снабжения состоит в том, чтобы развивать прямые договорные связи предприятий-потребителей с предприятиями-поставщиками» («Правда» 30 марта 1957 г.).

поставки. Весьма показателен в этом смысле следующий пример.

Московская контора Главметаллосбыта предъявила к заводу «Запорожсталь» иск о взыскании санкций в сумме 292078 руб. 30 коп. за нарушение ассортимента, просрочку поставки и недопоставку продукции, которая отгружалась Московскому автозаводу им. Сталина по заказам IV квартала 1953 года. Сортамент по этим заказам насчитывает несколько сот наименований, при этом он неоднократно изменялся заводом «Запорожсталь» по просьбе представителя автозавода им. Сталина. В результате Московская контора Главметаллосбыта не смогла полностью учесть всех изменений заказов, не учла всех отгрузок, и несколько раз изменяла сумму иска. Арбитраж также не в состоянии был проверить начисление санкций и в результате трехмесячного разбирательства после неоднократного откладывания дела удовлетворил иск лишь в сумме, согласованной истцом и ответчиком, отказав в удовлетворении остальной части иска по чисто формальным соображениям: стороны не выполнили определения арбитража о дополнительном представлении документов¹. Если бы в данном случае договор поставки был заключен заводом не с Московской конторой Главметаллосбыта, а с заводом «Запорожсталь», можно было бы избежать такой путаницы в исполнении договора и начислении санкций.

Требования о заключении локальных договоров непосредственно между предприятиями-изготовителями и предприятиями-потребителями выдвигали главснабы некоторых министерств при заключении генеральных договоров с Главметаллосбытом. Госарбитраж при Совете Министров СССР признал требования министерств-потребителей обоснованными и соответствующими интересам правильного снабжения предприятий металлом. Так, Главснаб Министерства промышленности строительных материалов при заключении генерального договора на поставку металла в 1953 году потребовал от Главметаллосбыта прикрепления предприятий одного из главков МПСМ к постоянным поставщикам на поставку стальной ленты и заключения между ними локальных договоров. Это требование покупателя по настоянию Госарбитража Главметаллосбыт удовлетворил². Госарбитраж при Совете Министров СССР вообще придерживается той точки зрения, что нужно устанавливать такую структуру договорных отношений, при которой участие излишних, ненужных звеньев было бы исключено. В инструктивном письме от 12 января 1955 года № И-1-6 он прямо ориентирует госарбитражи на то, что при рас-

¹ Дело № 10758, 1954 г. Арбитража Министерства черной металлургии УССР.

² Дело № 6/310 п, 1953 г. Госарбитража при Совете Министров СССР; см. также Я. А. Донде, З. М. Фрейдман и Г. И. Чирков. Хозяйственный договор и его роль в снабжении народного хозяйства СССР. М, Госюриздат, 1953, стр. 38—39.

смотреии споров, связанных со структурой договорных связей, они должны исходить из необходимости во всех возможных случаях устанавливать непосредственные договорные связи между предприятиями и организациями, изготовляющими и потребляющими продукцию и фактически являющимися исполнителями поставки¹.

В последнее время признано необходимым упростить систему договорных отношений по поставкам промышленной продукции и устанавливаются как правило, непосредственные договорные связи между предприятиями.

Во исполнение постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 23 августа 1955 года «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства» и в целях устранения недостатков в вопросах планирования, хозяйственного расчета, финансовой дисциплины и сметного дела в строительстве, Совет Министров СССР обязал министерства-поставщиков значительно расширить практику прикрепления крупных потребителей строительных материалов, металлопроката и лесоматериалов к предприятиям-поставщикам на весь срок поставки этих материалов². В связи с этими постановлениями Совета Министров СССР Госарбитраж при Совете Министров СССР еще раз подтвердил свои указания о том, что при рассмотрении споров по установлению договорных отношений арбитражи должны во всех возможных случаях устанавливать непосредственные договорные отношения между производственными предприятиями-поставщиками и потребителями, в особенности, по поставкам крупным потребителям, находящимся в длительных хозяйственных отношениях с данным производственным предприятием-поставщиком³. Однако в области снабжения народного хозяйства металлом эти указания до сих пор еще не реализованы.

В локальных и прямых договорах устанавливаются далеко не все обязанности сторон. Это прежде всего относится к установлению развернутого сортамента подлежащей поставке продукции.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г., в генеральных договорах предусматривается только

¹ Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР, вып. 2, М., Госюриздат, 1955, стр. 4—5; см. также инструктивное письмо Госарбитража при Совете Министров СССР от 10 декабря 1949 г. № И—1—44 (там же, вып., I, стр. 84)

² Постановление Совета Министров СССР от 24 августа 1955 г. «Об упорядочении планирования, укреплении хозяйственного расчета, финансовой дисциплины и улучшении сметного дела в строительстве» (Постановления ЦК КПСС и СМ СССР по вопросам промышленности и строительства, М., Госюриздат, 1956, стр. 103—127).

³ Инструктивное письмо Госарбитража при Совете Министров СССР от 9 декабря 1955 г. № И—1—53 «О заключении хозяйственных договоров на 1956 г. и рассмотрении преддоговорных споров».

групповой ассортимент надлежащей поставке продукции, развернутый же ассортимент должен предусматриваться в локальных и прямых договорах. Но установление развернутого сортамента (или, как иногда говорят, специфицированного сортамента) металлопродукции в самих локальных и прямых договорах при их заключении очень громоздко, так как сортament подлежащей поставке металлопродукции чрезвычайно разнообразен. Кроме того, сортament металла, определенный при заключении договоров, очень часто изменяется по постановлениям Правительства, а в соответствующих случаях — и соглашением сторон.

Поэтому-то еще с 1933 г. по сложно-ассортиментной продукции сторонам было предоставлено право ежеквартального уточнения ассортимента по взаимному соглашению. В отношениях по поставке металлопродукции эта практика уточнения ассортимента стала правилом, причем от установления развернутого ассортимента при заключении локальных и прямых договоров совсем отказались. Он определяется в ежеквартальных заказах-спецификациях.

Порядок и сроки выдачи заказов-спецификаций, как и их содержание, регламентируются «Основными условиями поставки металла и металлопродукции».

Заказы-спецификации должны представляться покупателем Главметаллосбыту и его конторам за 60 дней до наступления каждого квартала и содержат номенклатурный номер продукции (т. е. групповой сортament), развернутый сортament (по профилям, размерам, длинам, кратности, толщинам, сечениям, маркам, сортам), ссылку на ГОСТ или технические условия, количество продукции на квартал (с разбивкой по месяцам). Заказы-спецификации должны соответствовать обусловленному локальным или прямым договором количеству и групповому сортаменту и прилагаются к заключенным договорам. Поставщик (Главметаллосбыт или его конторы) обязан не позднее чем за 30 дней до наступления квартала рассмотреть и согласовать с потребителями заказы-спецификации на все количество продукции, подлежащей поставке в данном квартале.

Из изложенного со всей очевидностью явствует, что заказ-спецификация — не что иное, как дополнительное к договору соглашение сторон, посредством которого конкретизируются обязанности поставщика в отношении ассортимента и качества продукции, а также частных (внутриквартальных) сроков поставки, поскольку эти обязанности не могли быть точно определены при заключении договора. Это дополнительное соглашение нельзя рассматривать как новацию старого обязательства и заключение нового договора, долженствующего заменить прежний (ст. 129 ГК, п. «г»), ибо заказ-спецификация ни в коем случае не прекращает действия заключенного договора: договор остается в силе до конца года (точнее: до конца срока, обусловленного при заключении договора).

Проф. М. М. Агарков высказал мнение о том, что заказ покупателя представляет собой одностороннее волеизъявление, адресованное поставщику, т. е. одностороннюю сделку, поскольку поставщик (Главметаллосбыт) лишь констатирует правильность заказа, т. е. его соответствие плановому распределению и основным условиям поставки, а разногласия по заказу рассматриваются не в арбитражном, а в междуведомственном порядке¹. Это мнение полностью разделил З. И. Шкундин².

Такое определение заказа-спецификации является неправильным. Главметаллосбыт не только констатирует соответствие заказа плану распределения. В действительности очень часто бывает так, что поставщик не может обеспечить поставку указанного в заказе профиля или размера металла в силу ли его дефицитности или вследствие других причин. Он предлагает покупателю взамен другой металл, либо ничего не предлагает; покупатель, в свою очередь, либо соглашается с предложениями поставщика, либо передает спор на разрешение вышестоящих органов. То же самое можно сказать и об условиях о качестве продукции. Таким образом, как покупатель, так и поставщик (Главметаллосбыт) предлагают каждый свои условия, договариваются относительно этих условий. Следовательно, заказ-спецификация не одностороннее, а взаимное волеизъявление — двусторонняя сделка. То обстоятельство, что разногласия по заказам-спецификациям рассматриваются не в арбитражном, а в междуведомственном порядке, отнюдь не свидетельствует о том, что заказ-спецификация — односторонняя сделка. Ведь разногласия по количеству подлежащей поставке фондируемой и планируемой продукции также рассматриваются в междуведомственном порядке³, но это не превращает договор поставки в одностороннюю сделку⁴.

При складском обороте в практике работы одних контор Главметаллосбыта (например, Донбасской, Харьковской) квартальные заказы-спецификации, как это и предусмотрено п. 14 «Основных условий поставки металла и металлопродукции», согласовываются между потребителями и конторами, в соответствии с

¹ М. М. Агарков. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., Юриздат, 1940, стр. 126.

² З. И. Шкундин. Обязательство поставки товаров в советском праве. М., Юриздат, 1948, стр. 90—91.

³ См. инструктивные письма Госарбитража при Совете Министров СССР от 10 декабря 1949 г. № И—1—44, от 18 сентября 1951 года № И—1—35, от 18 ноября 1952 г. № И—1—69, от 6 марта 1953 г. № И—1—4, от 25 декабря 1953 г. № И—1—29 (Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР. Вып. I, М., Госюриздат, 1955, стр. 85, 99—102, 112—113, 117), от 9 декабря 1955 года № И—1—53.

⁴ Не соглашается с определением заказа-спецификации как односторонней сделки и доц. Л. И. Картужанский. Л. И. Картужанский. Хозяйственные договоры и арбитраж на современном этапе. «Ученые записки» (Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова), № 129, Серия юридических наук, вып. 3, 1951, стр. 105.

заказом-спецификацией контора выписывает наряды на отпуск металла со склада, а склады производят лишь отпуск металла. В практике работы других контор (например, Московской) заказы-спецификации согласовываются между потребителями и складами, в пределах перечня сортов и размеров, посылаемого складу конторой. Склад также выписывает и наряды на отпуск продукции и отпускает продукцию. Тем самым заказ-спецификация отрывается от договора.

Еще более глубокий разрыв между прямым (локальным) договором и заказом-спецификацией при транзитной поставке. На практике по транзитным поставкам заказы-спецификации всегда согласовываются между сторонами по генеральному договору, хотя это и противоречит прямому предписанию «Основных условий поставки металла и металлопродукции». Таким образом, заказ-спецификация, являющийся дополнительным соглашением к локальному и прямому договору, искусственно отрывается от договора. Это устраняет возможность соглашения по отдельным условиям поставки между непосредственными исполнителями плановых заданий, сковывает инициативу и самостоятельность низовых хозорганizations, нарушая тем самым принципы хозяйственного расчета. Централизованный порядок согласования заказов-спецификаций сплошь и рядом ведет к поставке ненужной продукции и недопоставке продукции, в которой предприятия испытывают острую нужду. Главметаллосбыт и главснабы министерств-потребителей не в состоянии учесть все запросы и выяснить действительную потребность предприятий в различных видах металлопродукции, потому что Главметаллосбыт обслуживает свыше 30 тысяч потребителей, каждому из которых поставляются тысячи всевозможных размеров, сортов, марок и профилей металла, а поставка производится десятками предприятий Министерства черной металлургии и некоторых других министерств¹.

Некоторые потребители металла при заключении генеральных договоров неоднократно ставили вопрос о переходе на децентрализованный порядок заказа металла. Однако Главметаллосбыт всячески противится этому, ссылаясь на то, что система Главметаллосбыта не подготовлена к переходу на новый порядок, т. к. для этого необходимо увеличение числа контор и увеличение штатов. Государственный арбитраж при Совете Министров СССР, на разрешение которого поступали подобные споры, в течение ряда лет разделял точку зрения Главметаллосбыта и санкционировал централизованный порядок заказа металла. Только в 1954 г., разрешая преддоговорный спор между Главметаллосбытом и Главсельснабом Министерства сельского хозяйства СССР, Госарбитраж установил, что заказы-спецификации должны представляться покупателем по локальному договору соответствующей конторе Главметалло-

¹ Р. Писарев. Некоторые вопросы материально-технического снабжения («Коммунист», 1955, № 11, стр. 113).

сбыта, мотивируя свое решение тем, что в 1953 г. число контор и складов Главметаллосбыта увеличено, следовательно, с 1954 г. Главметаллосбыт может перейти к децентрализованной занарядке металла, особенно по сельскому хозяйству¹. Но Главметаллосбыт долгое время игнорировал это решение Госарбитража и продолжал настаивать на централизованном порядке согласования заказов-спецификаций, предупредив Главсельснаб, что непредставление последним заказов-спецификаций непосредственно Главметаллосбыту может сорвать поставку металлопродукции для сельского хозяйства.

Работники контор Главметаллосбыта также давно ставят вопрос о переходе на децентрализованный порядок согласования заказов-спецификаций, т. к. централизованный порядок по существу устраняет конторы от исполнения транзитных поставок и сосредоточивает всю работу по транзитному снабжению народного хозяйства металлом в Главметаллосбыте. Так, на совещании в Москве (июль 1954 года) управляющие конторами Главметаллосбыта единодушно высказались за децентрализацию согласования заказов-спецификаций. Такое же мнение высказал и управляющий Ленинградской конторой Главметаллосбыта Р. Писарев на страницах журнала «Коммунист»². В последнее время Главметаллосбыт признал необходимость перехода к децентрализованному согласованию заказов-спецификаций, однако попрежнему заказы-спецификации согласовываются между Главметаллосбытом и главснабами министерств-потребителей.

В юридической литературе в последнее время также отмечались недостатки централизованного занаряживания продукции и приводились высказывания (правда, весьма осторожные) в пользу децентрализации занарядки материалов. Так, С. Н. Братусь и Л. А. Лунц пишут, что система централизованных разнарядок слишком часто подменяет собой договоры, не считаясь с их содержанием и тем самым лишая хозяйственный договор того значения, которое он должен иметь как орудие выполнения плана. Но указанные авторы все же отдают дань системе централизованной разнарядки, считая, что при условии, если фактическим основанием выдачи централизованных нарядов будут служить данные о наилучшем выполнении заданий по поставке, которые выявлены в порядке заключения договора, договор мог бы выполнять свое назначение³. И. Б. Новицкий считает, что с точки зрения последовательного проведения хозяйственного расчета как основного принципа социалистического хозяйствования система централизованного разнаряживания, по общему правилу, являет-

¹ Дело № 6/441 п, 1954 г. Государственного арбитража при Совете Министров СССР

² «Коммунист», 1955, № 11, стр. 111—116

³ С. Н. Братусь и Л. А. Лунц. Вопросы хозяйственного договора. М., Госюриздат, 1954, стр. 98.

ся нецелесообразной и может быть рекомендована лишь при особой в ней надобности (например, вследствие отсутствия в системе данного министерства соответствующих органов на местах) ¹. За децентрализацию зарядки материалов высказался и В. А. Дозорцев ².

В настоящее время есть все основания считать, что положительное решение вопроса о повсеместном переходе на децентрализованный порядок зарядки продукции — дело совсем недалекого будущего. В области материально-технического снабжения строительства этот вопрос можно уже считать почти решенным. Совет Министров СССР постановлением от 24 августа 1955 г. «Об упорядочении планирования, укреплении хозяйственного расчета, финансовой дисциплины и улучшении сметного дела в строительстве» обязал министерства-поставщики рассмотреть вопрос о переходе на децентрализованную зарядку, через местные конторы главсбытов министерств-поставщиков, металла, основных фондируемых строительных материалов, а также материалов, планируемых самими министерствами.

В свете указаний декабрьского и февральского Пленумов ЦК КПСС о дальнейшем укреплении ленинского принципа демократического централизма и планового начала в руководстве народным хозяйством, переход на децентрализованный порядок согласования заказов-спецификаций и, следовательно, на децентрализованный порядок выдачи нарядов-заказов становится первоочередным вопросом в деле улучшения организации материально-технического снабжения.

* * *

Из изложенного вытекает, что в целях дальнейшего укрепления принципов хозрасчетной самостоятельности предприятий и повышения их инициативы в выполнении народно-хозяйственных планов, улучшения организации снабжения народного хозяйства металлопродукцией, снижения себестоимости продукции, ускорения оборачиваемости оборотных средств, усиления роли договора в материально-техническом снабжении, необходимо провести такие мероприятия:

1. Отказаться полностью от заключения генеральных договоров на поставку металлопродукции, как излишних, не способствующих выполнению плановых заданий, и перейти к заключению только прямых договоров.

2. Прямые договоры при транзитной форме снабжения во всех возможных случаях (при поставках крупным потребителям, находящимся в длительных хозяйственных отношениях с данным предприятием-изготовителем металла) следует заключать между заводами-изготовителями и предприятиями-потребителями,

¹ И. Б. Новички й. Роль советского гражданского права в осуществлении хозрасчета и режима экономии. М., Госюриздат, 1955, стр. 79.

² В. А. Дозорцев. Правовое положение промышленного предприятия («Советское государство и право», 1955, № 8, стр. 45).

устраняя, таким образом, излишнее в этих случаях сбыто-снабженческое звено. Однако заключение прямых договоров между потребителями и конторами Главметаллосбыта необходимо сохранить и при транзитной поставке там, где это вызывается соображениями целесообразности.

3. При заключении прямых договоров на поставку металла между потребителями и конторами Главметаллосбыта отношения между последними и заводами-изготовителями строить на договорных началах, придавая договору конкретное содержание. Этому будет способствовать переход к децентрализованной выдаче нарядов-заказов, т. е. к выдаче их конторами Главметаллосбыта.

4. Перейти к децентрализованному порядку согласования заказов-спецификаций, т. е. к согласованию их между предприятием-потребителем и конторой Главметаллосбыта (а в соответствующих случаях — между предприятием-потребителем и заводом-изготовителем), и, соответственно, к децентрализованной выдаче нарядов-заказов. За Главметаллосбытом сохранить лишь функции планово-регулирующего органа.

Кандидат юридических наук Н. М. ВАСИЛЬЧЕНКО

НОТАРИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ О НАСЛЕДОВАНИИ И ВЫМОРОЧНОМ ИМУЩЕСТВЕ

Вопросы наследственного права занимают значительное место как в судебной, так и нотариальной практике. Разграничение компетенции судебных и нотариальных органов производится в зависимости от достоверности фактов, подтверждающих наследственные права граждан. В нотариальном порядке оформляются наследственные права только в случаях полного отсутствия спора об этих правах и представления бесспорных документальных доказательств. При возникновении спора о наличии права наследования, вопросы решаются только в судебном порядке.

В отдельных случаях наследственные права защищаются в сочетании судебного и нотариального порядка. Это имеет место тогда, когда лицо не имеет достаточных доказательств в подтверждение своего наследственного права. Заинтересованное лицо обращается в суд с просьбой признать его наследником. Получив положительное решение (или определение), наследник обращается в нотариальную контору, где и оформляет свои наследственные права. При наличии такого спора о разделе наследства, который не может быть решен нотариусом, суд должен рассмотреть дело по существу и определить точно права каждого наследника.

Правильное сочетание судебного и нотариального порядка защиты наследственных прав имеет большое практическое значение. Задача суда в данном случае ограничивается только признанием истца (или заявителя) наследником на имущество умершего. Оформление наследственных прав производится нотариальными органами. Поэтому следует признать неправильной практику судов, которые в подобных случаях выносят решения о признании за лицом права собственности на спорное иму-

шество¹. К этому следует добавить, что в подобных случаях государство не получает определенных сумм государственной пошлины, взимаемой при нотариальном оформлении наследственных прав².

Задача судебных органов состоит в том, чтобы четко отграничивать свои функции и не выходить за пределы своей компетенции в данном вопросе. Остановимся на отдельных вопросах, возникающих в нотариальной практике, по делам о наследовании.

При наследовании по закону решающее значение для нотариальных органов имеет факт открытия наследства. С открытием наследства связаны последующие действия нотариуса по оформлению наследственных прав. Так, с открытием наследства связан вопрос об установлении круга наследников, установление порядка принятия наследства (в зависимости от того, являются ли наследники присутствующими или отсутствующими), на момент открытия наследства решается вопрос о правах наследодателя на наследственное имущество, вопрос о размере этого имущества.

Временем открытия наследства является момент смерти наследодателя. В этом случае основным документом, подтверждающим смерть наследодателя, для нотариального органа является свидетельство о смерти, выдаваемое органами ЗАГС³. Кроме того, момент открытия наследства может определяться свидетельством нотариальной конторы о признании лица умершим по безвестному отсутствию (ст. 12 ГК РСФСР, ст. 44—50 Положения о Государственном нотариате РСФСР) вступившим в законную силу определением суда о признании лица умершим по безвестному отсутствию (ст. 12 ГК УССР и ст. 155 Кодекса законов о семье, опеке, браке и актах гражданского состояния УССР), а также вступившим в законную силу определением суда об установлении факта смерти⁵.

Следует помнить, что в этих случаях по разному определяется момент открытия наследства. При признании лица умершим

¹ В этом смысле Верховный суд СССР не всегда последовательно ориентирует нижестоящие суды.

См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1948 год, вып. I, М., 1948, стр. 26.

² Различие в ставках государственной пошлины для судебных и нотариальных органов приводит иногда к возникновению фиктивных споров между наследниками.

³ См. § 109. Инструкции по применению Положения о Государственном нотариате РСФСР, утвержденной приказом Министра юстиции РСФСР 2 февраля 1948 г., № 4.

§ 154 «Правил совершения нотариальных действий в нотариальных конторах УССР), утвержденных приказом Министра юстиции УССР 1 августа 1946 г.

⁴ См. Положение о Государственном нотариате РСФСР, утвержденного Постановлением Совета Министров РСФСР 31 декабря 1947 г., № 980.

⁵ Постановление Пленума Верховного суда СССР от 7-го мая 1954 г. «О судебной практике по делам об установлении фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных права граждан». См. Судебная практика Верховного суда СССР, 1954 г., № 4, стр. 3—7.

по неизвестному отсутствию моментом открытия наследства считается дата выдачи свидетельства нотариальным органом или дата вступления определения суда в законную силу (ст. 12 ГК РСФСР, ст. 160 Кодекса Законов о семье, опеке и браке УССР), а при установлении факта смерти — установленная судом дата фактической смерти (п. 3 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 7 мая 1954 года). С другой стороны ни свидетельство нотариального органа, ни определение суда не заменяют собой свидетельства о смерти, а лишь являются основанием для получения последнего.

Следовательно, в конечном счете, момент открытия наследства определяется всегда свидетельством о смерти лица, выдаваемым органами ЗАГС'а, где точно указано время смерти. Указанные положения имеют очень большое значение для нотариальной практики, в частности, для вопроса об исчислении сроков принятия наследства. Это касается прежде всего случаев установления факта смерти. Указанные случаи встречаются в практике сравнительно редко, но приводят иногда к ошибкам, имеющим серьезные последствия.

Днем фактической смерти лица суд установил, например, 10 мая 1945 года. Определение суда вынесено 15 сентября 1947 года. Днем смерти лица считается установленный судом день смерти (10 мая 1945 года). Установлен же этот факт был 15 сентября 1947 года; тогда же заинтересованные лица получили в органах ЗАГСа свидетельство о смерти. С какого же момента возникают последствия, связанные с открытием наследства? На этот вопрос могут последовать два ответа: или с момента смерти, установленного судом, или с момента выдачи свидетельства о смерти органами ЗАГСа.

Разрешение этого вопроса отражается на правах отсутствующих наследников, которые в смысле ст. 430 ГК РСФСР (ст. 430 ГК УССР)¹ должны заявить о своем согласии принять наследство в течение 6 месяцев.

В нотариальной практике имеются колебания по этому вопросу. Одни нотариусы считают, что все последствия открытия наследства возникают с момента смерти, установленного судом. Другие считают, что все последствия возникают с момента выдачи свидетельства о смерти органами ЗАГС. Нотариальные правила и ведомственный материал по линии нотариата ответа на этот вопрос не дает.

Нам представляется, что вопрос о круге наследников, о правах наследодателя на наследственное имущество, о размере наследственного имущества, об отнесении того или иного наследника к присутствующим или отсутствующим должен решаться на мо-

¹ Учитывая, что статьи гражданских кодексов РСФСР и УССР по затронутым вопросам совпадают, в дальнейшем в работе будет указываться ссылка только на ГК РСФСР.

мент установленной судом смерти лица. Что касается сроков принятия наследства, то они должны исчисляться с момента выдачи свидетельства о смерти органами ЗАГСа. Подобное решение вопроса будет способствовать наиболее полному обеспечению прав и интересов всех наследников, особенно отсутствующих.

Большое значение для четкой деятельности нотариальных органов является правильное определение круга наследников, призываемых к наследованию.

Изучение практики деятельности нотариальных органов показывает, что нотариальные конторы в основном правильно решают этот важный вопрос, руководствуясь при этом ст. 418 ГК РСФСР.

Лица, заявляющие ходатайства о выдаче им свидетельства о праве наследования обязаны представить нотариусу доказательства родственных связей наследника с наследодателем. Перечень доказательств перечислен в § 100 Инструкции по применению Положения о Государственном нотариате РСФСР (§ 155 Правил совершения нотариальных действий нотариальными конторами УССР). Такими доказательствами являются свидетельства о рождении, усыновлении, браке и др.

Если по общему правилу установление лиц, призываемых к наследованию не является затруднительным для нотариуса, все же определенную сложность для нотариальной практики представляет вопрос о наследственных правах нетрудоспособных родителей и других нетрудоспособных, состоящих на иждивении умершего не менее одного года до его смерти.

Для подтверждения своих наследственных прав родители должны прежде всего доказать то, что они являются родителями умершего. Эта часть вопроса особой сложности не представляет. Гораздо сложнее решается вопрос о признаках нетрудоспособности родителей (это же касается и других нетрудоспособных). Ни инструкция по применению Положения о Государственном нотариате РСФСР, ни Правила совершения нотариальных действий нотариальными конторами УССР не дают признаков нетрудоспособности и иждивения в смысле ст. 418 ГК РСФСР.

В юридической литературе мнения авторов по данному вопросу не совпадают. Одни авторы считают, что нетрудоспособность должна устанавливаться применительно к правилам советского законодательства о социальном страховании и пенсионном обеспечении по инвалидности и по случаю утраты кормильца¹.

Другие считают, что нет оснований автоматически применять пенсионное законодательство к совершенно иным отношениям — установлению нетрудоспособности, дающей право на получение наследства. При выяснении нетрудоспособности необходимо руко-

¹ См. Правила обеспечения в порядке социального страхования по инвалидности и по случаю потери кормильца, утвержденные Союзным Советом социального страхования 4 июля 1928 года («Известия НКТ СССР», 1928, № 28—29).

водствоваться только фактическим состоянием здоровья лица на основании соответствующего медицинского освидетельствования¹.

В то же время, указанные авторы не считают достижение лицом определенного возраста (мужчины — 60 лет, женщины — 55 лет) достаточным основанием для признания лица нетрудоспособным и предлагают в каждом конкретном случае требовать заключение врачебно-трудовой экспертизы. На наш взгляд с этим согласиться нельзя. Трудно себе представить целесообразность правила, по которому престарелых родителей необходимо подвергать врачебно-трудовой экспертизе для того, чтобы наряду с другими наследниками они могли получить часть имущества после смерти своих детей.

В этом смысле нам представляется правильной практика нотариальных контор г. Харькова, которая исходит из двух признаков нетрудоспособности — достижения определенного возраста или состояния здоровья. Во втором случае нужно получить заключение врачебно-трудовой экспертизы. В первом случае — этого не требуется.

Следовательно, для признания наследственных прав у нетрудоспособных родителей умершего, необходимо либо достижение определенного возраста — (мужчины — 60 лет, женщины — 55 лет)², либо наличие нетрудоспособности по состоянию здоровья, независимо от группы инвалидности и получения пенсии³. Для других нетрудоспособных понятие нетрудоспособности будет несколько иное, например, лица моложе 16 лет являются также нетрудоспособными.

Довольно сложными иногда бывают вопросы о порядке установления того факта, что данное лицо было нетрудоспособным и находилось на иждивении умершего. Нотариальные правила не дают ответа и на этот вопрос.

Думается, что при разрешении вопроса о том, является ли данное лицо наследником по закону, как находившееся на иждивении, нотариальные органы должны руководствоваться следующим: 1) лицо, претендующее на наследственное имущество, долж-

¹ См. Автореферат диссертации А. А. Файнштейна «Свобода завещания и ее границы», М., 1950, стр. 9.

Подобное решение данного вопроса предлагает и проф. Серебровский. См. «Очерки советского наследственного права», М., 1953, стр. 73.

² Этот же возрастной признак указан в Законе о государственных пенсиях (ст. 8) для всех случаев, когда нет оснований применять какие-либо льготные условия назначения пенсий.

³ По вопросу о том, могут ли считаться нетрудоспособными, в смысле ст. 418 ГК лица, отнесенные к 3-й группе инвалидности, в литературе нет единого мнения. Мысль о распространении этого права на инвалидов всех трех групп высказана в книге Антимонов Б., Герзон С. и Шлиффер Б. «Наследование и нотариат». М. 1946, стр. 32. Большинство авторов считает, что инвалидов 3-й группы не следует относить к числу нетрудоспособных наследников (см. Серебровский В. И., Ук. соч., стр. 73). К этому же мнению присоединились Б. С. Антимонов и К. А. Граве «Советское наследственное право», М., 1955, стр. 129).

но быть нетрудоспособным; 2) материальная помощь наследодателя должна была быть если не единственным, то во всяком случае основным источником существования; 3) материальная помощь должна была оказываться систематически; 4) лицо должно было состоять на иждивении умершего не менее одного года до его смерти¹. Совокупность указанных признаков дает понятие — «иждивенца» в смысле ст. 418 ГК. Доказательствами факта нахождения на иждивении наследодателя могут быть справки домоуправлений, сельских Советов, профсоюзных организаций и др.², для установления признака нетрудоспособности; сверх того нужны документы, указанные выше.

Следует, однако, заметить, что в большей части случаев установление факта иждивения происходит в судебном порядке, так как для подтверждения тех или иных признаков необходима оценка доказательств, которые нотариальными органами не проверяются (например, показания свидетелей).

Подобного рода дела рассматриваются судами в порядке особого производства на основании Постановления Пленума Верховного суда СССР 7 мая 1954 г.

Если же между заявителем и наследниками возникает спор, дело рассматривается судом в порядке искового производства. В последнем случае суд не только устанавливает факты иждивения, но и на основании этого факта при доказанности иска признает лицо наследником.

Некоторую сложность в практике нотариальных органов представляет вопрос об оформлении наследственных прав пережившим супругом. Сложность этого вопроса состоит в том, что иногда нотариусы не точно определяют состав наследственного имущества, не учитывая соотношения правил ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР (ст. 125 Кодекса законов о семье, опеке и браке УССР) с общими правилами ст. 418 ГК РСФСР.

Приступая к оформлению наследственных прав пережившего супруга, нотариус должен прежде всего выяснить порядок приобретения имущества, т. е. является ли имущество совместно приобретенным, или оно принадлежит одному из супругов. Следовательно, прежде чем говорить о наследственных правах пережившего супруга, в случае, если имущество является совместной собственностью супругов, необходимо произвести раздел в порядке ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР (ст. 125 Кодекса законов о семье, опеке и браке УССР). Так что в состав наследственного имущества войдет только имущество умершего супруга, признанное за ним после раздела.

При разрешении вопроса о разделе имущества в порядке ст. 10 (125) указанных Кодексов необходимо выяснить — нет ли

¹ См. В. И. Серебровский. Указанная работа, стр. 72.

² См. § III Инструкции по применению Положения о нотариате РСФСР. § 156 Правил совершения нотариальных действий в нотариальных конторах УССР.

спора между наследниками и пережившим супругом. Выяснение этого вопроса предопределяет порядок раздела имущества. Если наследники оспаривают право пережившего супруга на определенное имущество как совместно приобретенное с умершим, вопрос разрешается в судебном порядке, по общим правилам искового производства. Если наследники не спорят с пережившим супругом, нотариус обязан выдать ему свидетельство о праве собственности на основании ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР (ст. 125 Кодекса законов о семье, опеке и браке УССР) ¹.

Инициатором разрешения вопроса о разделе имущества как совместно приобретенного должен быть нотариус, так как юридическая неосведомленность отдельных граждан может повлечь за собой невыгодные материальные последствия для последних.

Так, практике известны случаи, когда при отсутствии спора, переживший супруг обращается в суд с иском о разделе имущества, уплачивая при этом государственную пошлину в зависимости от стоимости имущества, в то время, как при получении свидетельства о праве собственности в нотариальной конторе государственная пошлина уплачивается в размере 5 рублей.

Встречаются также случаи, когда переживший супруг не заявляет своих прав на часть имущества, совместно приобретенного с умершим, что в будущем приводит к очень сложным спорам о перераспределении наследственного имущества. В подтверждение сказанного можно привести такой пример из нотариальной практики.

В одну из нотариальных контор г. Харькова обратился гражданин с просьбой выдать ему и его дочери свидетельство о праве наследования на имущество, оставшееся после смерти его жены. Требования о разделе имущества на основании ст. 125 Кодекса о семье, опеке и браке УССР заявлено не было. Через 3 года после выдачи свидетельства о праве наследования, между гражданином и его дочерью возник спор о размере наследственного имущества. Переживший супруг обратился в суд с жалобой на действия нотариуса. В связи с пропуском установленного срока ст. 232 ГПК РСФСР (ст. 259 ГПК УССР) жалоба рассмотрена не была, и заявитель должен был обратиться в суд в общеисковом порядке, доказывая свое право на половину имущества, как совместно приобретенного с умершей. Если бы в данном случае нотариус разъяснил обратившемуся к нему гражданину его права на имущество, не было бы подобного судебного спора.

Ошибки нотариальных органов, при определении наследственных прав пережившего супруга состоят иногда и в том, что отдельные нотариусы не понимают особенностей права пережившего супруга на часть имущества совместно приобретенного с умершим, отождествляя это право с правом наследования. Поэтому в прак-

¹ См. Разъяснение Министерства юстиции УССР № Н. 010861 от 14 октября 1954 года.

тике иногда встречаются случаи принятия нотариусом отказа от права на часть имущества в порядке ст. 10 Кодекса о браке, семье и опеке РСФСР (ст. 125 Кодекса законов о семье, опеке и браке УССР) и согласия на включение всего имущества в наследственную массу.

В каждом конкретном случае следует различать отказ от наследства и отказ от прав пережившего супруга на часть совместно приобретенного имущества и принимать только отказ от наследства. Свое нежелание воспользоваться своим правом на основании ст. 10 (125) указанных кодексов, переживший супруг может осуществить другими путями, т. е. совершением определенной сделки по отчуждению права. Отождествление указанных случаев ведет к неправильному определению размера наследственного имущества и вызывает затем довольно сложные споры о перераспределении наследства. При разделе имущества в порядке ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР (ст. 125 Кодекса о семье, опеке и браке УССР) и при подтверждении наследственных прав пережившего супруга, нотариальный орган обязан выдать два свидетельства — одно о праве личной собственности; другое — о праве наследования.

Как неоднократно указывалось в литературе, деление наследников на присутствующих и отсутствующих носит несколько условный характер. Отдельные авторы предлагали различные критерии для разграничения наследников на присутствующих и отсутствующих. Определенные колебания имела и нотариальная практика.

В последнее время в нотариальной практике выработалась определенная, на наш взгляд правильная линия — признавать присутствующими наследниками только тех, которые проживали в одном населенном пункте с наследодателем¹. Правильность данного положения подтверждается и судебной практикой последних лет².

Точное определение случаев, когда наследника следует считать присутствующим позволяет установить конкретный перечень доказательств, которые должны быть представлены в нотариальную контору этим наследником. Такими доказательствами могут быть: справки домоуправлений, выписки из домовых книг, отметки о приписке в паспорте³.

Для отсутствующих наследников доказательством принятия наследства может служить заявление, поданное нотариальной конторе, в пределах срока, указанного в ст. 430 ГК РСФСР, а также фактическое вступление в управление наследственным имуществом. Для разрешения вопроса о принятии наследства нотариальные конторы должны руководствоваться сроками, указанными в

¹ Об этом в свое время писал К. К. Граве «Вопросы наследственного права в практике Верховного суда ССР», 1949 г., стр. 19—20.

² См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1955 год, № 4, стр. 39.

³ См. Разъяснение Министерства юстиции УССР 21 мая 1954 года, № 110—н.

ст. 429, 430 ГК РСФСР. Нотариальным органам не предоставлено право восстанавливать пропущенные наследниками сроки. Поэтому, в случаях пропуска указанных сроков нотариальные органы должны отказывать в выдаче свидетельства о праве наследования и предлагать наследникам обращаться в суд¹.

При наличии оснований для восстановления пропущенного срока, суд может присудить наследнику определенную часть наследственного имущества с других наследников. Этот вопрос отпадает, если наследственное имущество перешло в собственность государства как выморочное².

Не может служить делу укрепления стабильности нотариальной практики установленное ч. 2 § 153 Правил совершения нотариальных действий нотариальными конторами УССР право наследника, пропустившего шестимесячный срок, обращаться в суд или с иском к другим наследникам, или с жалобой на действия нотариуса. При подаче жалобы на действия нотариуса суд не решает дела по существу, а только признает действия нотариуса правильными или неправильными. Следовательно, этим путем интересы наследника защищены быть не могут. Кроме того, нецелесообразно ограничивать права наследника на обращение в суд десятидневным сроком, указанным в ст. 232 ГПК РСФСР (ст. 259 ГПК УССР). Более точно разрешен этот вопрос в Инструкции по применению Положения о Государственном нотариате РСФСР, где предусмотрен только исковой порядок разрешения подобных споров (§ 108).

При наследовании по завещанию спорные вопросы в нотариальной практике возникают сравнительно редко.

При удостоверении завещаний нотариусы неуклонно руководствуются правилами, установленными соответствующими нормами ГК и Положением о нотариате.

Основное, на что обращается здесь внимание, это разъяснение завещателю правил ст. 422 ГК РСФСР. Нотариус обязан разъяснить завещателю, что он не может лишить наследственных прав своих нетрудоспособных и несовершеннолетних наследников. Предполагается, что все нотариусы разъясняют это правило завещателям. Но для того, чтобы сохранились доказательства этого разъяснения, об этом специально должно быть указано в завещании³. Особенно внимательно должны следить нотариусы за со-

¹ См. § 108 Инструкции по применению Положения о Государственном нотариате РСФСР.

² § 153 Правил совершения нотариальных действий нотариальными конторами УССР.

³ См. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 5 сентября 1952 года «О судебной практике по применению ст. 430 и 433 ГК РСФСР и соответствующих статей гражданских кодексов других союзных республик», Судебная практика Верховного суда СССР, 1953 год, № 1, стр. 1—2.

⁴ См. § 65. Инструкции по применению Положения о Государственном нотариате РСФСР, § 117 Правил совершения нотариальных действий в нотариальных конторах УССР.

блюдением этого правила в тех случаях, когда текст завещания излагается самим завещателем.

При удостоверении завещания в пользу постороннего лица, т. е. лица, не указанного в ст. 418 ГК РСФСР, нотариус обязан разъяснить завещателю, что если к моменту его смерти окажутся в живых наследники по закону, завещание в пользу постороннего лица будет признано недействительным.

Наличие наследников по закону в момент удостоверения завещания не является препятствием для удостоверения последнего, так как вопрос о действительности завещания будет решаться в момент смерти завещателя. Этот вопрос с достаточной ясностью разрешен в литературе и судебной практике¹.

Более сложным является вопрос о действительности завещания в пользу постороннего лица, если на момент открытия наследства у завещателя окажутся наследники по закону, но они не явятся в установленный срок или откажутся от наследства.

По этому вопросу в литературе высказаны различные точки зрения. Одни авторы считают, что в подобных случаях завещание в пользу постороннего лица должно быть признано недействительным, так как возможность наследовать по завещанию у постороннего лица возникает только при отсутствии законных наследников, а не в случае их отказа от наследства или неявки в установленные сроки².

Другие авторы приходят к противоположному выводу и считают, что понятие «отсутствие» наследников по закону в смысле ст. 422 ГК РСФСР следует понимать распространительно. Следовательно, если законные наследники отказались от наследства или не явились в установленный законом срок, наследник по завещанию — постороннее лицо может беспрепятственно осуществить свои наследственные права³.

Различное решение данного вопроса в литературе не обеспечивало стабильности нотариальной практики.

Одни нотариальные конторы считали, что одного факта наличия наследников по закону достаточно для устранения от наследования постороннего лица, независимо от того, желают ли наследники по закону воспользоваться своим правом или нет.

Другие нотариальные конторы права наследника по завещанию (постороннего лица) ставили в зависимость от желания законных наследников воспользоваться своим наследственным правом.

В УССР подобные расхождения в нотариальной практике были

¹ См. п. 6. Постановления Пленума Верховного суда СССР 20 июня 1947 года № 9/4 у, «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1951 г. г.», Госюриздат, 1952, стр. 149.

² См. Е. А. Флейшиц. Завещание и легат в советском гражданском праве «Ученые записки ВЮИОН, вып. VI», М., Юриздат, 1947, стр. 89.

³ См. В. И. Серебровский, Указанная работа, стр. 103—104. Б. С. Антимонов, К. А. Граве, Советское наследственное право, М., Госюриздат, 1955 г., стр. 155—156.

устранены специальным разъяснением Министерства юстиции УССР, в котором было указано, что отказ от наследства или неявка наследников в установленный срок равносильны отсутствию наследников, а поэтому нотариальные органы могут выдавать свидетельство о праве наследования указанному в завещании постороннему лицу¹.

Мнение В. И. Серебровского, К. А. Граве, Б. С. Антимонova и направление в практике нотариальных контор УССР, установленное разъяснением Министерства юстиции УССР, на наш взгляд, являются наиболее правильными и всецело отвечающими общему смыслу советского законодательства о наследовании.

Все наше законодательство о наследовании проникнуто идеей защиты интересов законных наследников в связи с чем и установлено определенное ограничение свободы завещательных распоряжений. Если же наследники по закону не являются в установленный срок или отказываются от наследства, нет никаких оснований для ограничения наследственных прав наследника по завещанию — постороннего лица.

Ограждение интересов законных наследников в данном случае происходит и другим путем. Наследник по завещанию — постороннее лицо не может осуществить своих наследственных прав до истечения шестимесячного срока со дня открытия наследства, в то время как наследники по завещанию из числа лиц, указанных в ст. 418 ГК, могут получить свидетельство о праве наследования до истечения шестимесячного срока².

При наследовании по завещанию посторонним лицом возникает еще вопрос, как должен поступить нотариус, чтобы убедиться имеются ли у завещателя наследники по закону и желают ли они воспользоваться своим правом наследования? Нотариальная практика выработала следующие правила. Специального розыска наследников по закону нотариальные органы не производят. При оформлении наследственных прав наследником по завещанию — посторонним лицом у него берется подписка о том, что никто больше не претендует на наследственное имущество.

Практическое значение имеет вопрос о юридической силе так называемого незаконченного завещания.

Из смысла ст. 425 ГК РСФСР вытекает, что завещание приобретает юридическое значение после нотариального его удостоверения. В практике иногда встречаются случаи, когда завещатель умирает или утрачивает дееспособность сразу же после подписания завещания, т. е. удостоверительная подпись совершается нотариусом после смерти завещателя или утраты им дееспособности.

¹ См. Разъяснение Министерства юстиции УССР 21 мая 1954 года, № 110—н.

² См. § 106 Инструкции по применению Положения о Государственном нотариате РСФСР.

§ 151 Правил совершения нотариальных действий нотариальными конторами УССР.

Возникает вопрос, с какого момента завещание приобретает свое юридическое значение? С момента подписания его завещателем или с момента совершения нотариусом удостоверительной надписи и других последующих действий?

В литературе по этому вопросу высказаны различные мнения. Одни авторы считают, что для придания завещанию юридической силы достаточно подписи завещателя. Остальные действия нотариуса могут быть совершены им после смерти завещателя¹.

Другие считают, что завещание приобретает юридическую силу, если удостоверительная надпись совершена при жизни наследодателя².

На наш взгляд более правильным является первое мнение, так как в завещании основным является выражение воли завещателя, поскольку она уже выражена, завещание должно обладать юридической силой. Несмотря на то, что по смыслу ст. 425 ГК РСФСР (и по буквальному тексту ст. 425 ГК УССР) действительность завещания ставится в зависимость от его нотариального удостоверения, указанное решение вопроса не может быть изменено, если некоторые действия по удостоверению завещания происходят после смерти завещателя. Если же завещатель вообще не принял мер по соблюдению правил ст. 425 ГК РСФСР, завещание, безусловно, не приобретает юридической силы. Признавая юридическую силу за завещанием, подписанным завещателем, хотя бы все нотариальные действия по удостоверению и внесению в реестр завещания были закончены после смерти завещателя, следует обращать внимание нотариальных органов на необходимость оперативности и четкости работы в подобных случаях. Существенно поэтому для признания юридической силы за завещанием, чтобы нотариус приступил к действиям по удостоверению завещания и завещатель успел зафиксировать свои распоряжения. Все последующие действия могут быть совершены после смерти завещателя, если смерть наступила в период совершения этих действий.

Отсутствие указанных качеств в деятельности нотариальных контор приводит иногда к возникновению различных судебных споров.

В практике одной из нотариальных контор г. Харькова был следующий случай. Нотариус был вызван к умирающему для удостоверения завещания. Прибыв на место, нотариус обнаружил, что не взял с собой реестра, куда обязательно должны быть внесены все нотариальные действия. Учитывая тяжелое состояние больного, нотариус удостоверил завещание, указав в нем дату посещения умирающего на дому. На следующий день, при оформлении удостоверенного завещания в нотариальной конторе, нота-

¹ См. В. И. Серебровский, Указанная работа, стр. 109.

² См. Б. Антимонов, Б. Шлифер, С. Герзон, Наследование и нотариат, М., 1946, стр. 38.

риус указал в реестре не дату завещания, а дату записи в реестре. Получилось несоответствие даты, указанной в завещании, и даты завещания, указанной в реестре. В связи с этим между наследниками возник спор о действительности завещания, между тем как завещание было действительным, и только небрежное отношение нотариуса к своим обязанностям привело к судебному спору.

Что касается перехода к государству выморочного имущества, то в последнее время в практике нотариальных органов встречается небольшое количество подобного рода дел. Изученные дела особой сложности не представляют и разрешаются нотариальными органами правильно. Только один вопрос в деятельности нотариальных органов требует более конкретного разрешения.

В практике нотариальных контор г. Харькова встречаются следующие случаи:

Отсутствующие наследники заявляют ходатайства перед нотариальной конторой о принятии мер по охране наследственного имущества, в порядке ст. 431 ГК и ст. 35—37 Положения о нотариате РСФСР (§§ 125—144 Правил совершения нотариальных действий нотариальными конторами УССР). В этом своем заявлении наследники не заявляют своего согласия принять наследство. Как известно, меры по охране наследственного имущества продолжают не более 6 месяцев. Проходит указанный срок, а наследники не являются. Возникает вопрос — какова же судьба наследственного имущества? Считается ли имущество принятым наследниками или должно перейти к государству как выморочное?

По этому вопросу практика нотариальных органов расходится. Одни считают, что заявление отсутствующих наследников о принятии мер по охране имущества является одновременно и заявлением о принятии наследства. Другие считают, что поскольку в заявлении отсутствующих наследников не содержится прямого указания на согласие принять наследство и наследники своевременно не являются, наследство считается не принятым, и после окончания шестимесячного срока принятия мер по охране наследственного имущества, последнее должно перейти в собственность государства как выморочное.

Представляется более правильным второе мнение, так как в подобных случаях имущество попадает в какое-то неопределенное положение. Меры по охране наследственного имущества прекращаются, они не могут продолжаться более 6 месяцев¹. А отсутствующие наследники не являются. Следовательно, имущество должно перейти в собственность государства как выморочное.

¹ § 143 Правил совершения нотариальных действий в нотариальных конторах УССР.

Положение о нотариате РСФСР и Инструкция по применению Положения о Государственном нотариате РСФСР не упоминают о сроках принятия мер по охране наследственного имущества, а отсылают к ст. 431 ГК РСФСР.

На такое разрешение подобных вопросов ориентирует нотариальные органы и Министерство юстиции УССР¹.

В этой статье затронуты лишь некоторые основные вопросы нотариальной практики по делам о наследовании и переходе к государству выморочного имущества. Правильное, основанное на законе, разрешение подобных вопросов будет способствовать укреплению социалистической законности в деятельности нотариальных органов, будет обеспечена всемерная защита интересов социалистического государства и трудящихся в вопросах наследования.

¹ См. Разъяснение Министерства юстиции УССР 21 мая 1954 года, № 110—н.

С. И. ВИЛЬНЯНСКИЙ

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ФАКТОВ

В социалистическом обществе защита и охрана личных и имущественных прав и интересов граждан составляет одну из важнейших задач правосудия. Забота о личных и имущественных правах и интересах граждан получает свое выражение не только в предоставлении гражданам, права которых нарушаются, возможности защищать эти права в исковом порядке, но и в предоставлении гражданам возможности установить через суд такие обстоятельства (факты), которые служат основанием для возникновения этих прав.

Поэтому в советском гражданском процессе создан совершенно новый институт: судебное установление фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан.

Дела об установлении этих фактов относятся к особому производству и предусмотрены в гражданско-процессуальном кодексе УССР (действующем и в Молд. ССР) и Груз. ССР. В связи с тем, что в гражданско-процессуальных кодексах других союзных республик нет прямых указаний о порядке рассмотрения такого рода дел, Пленум Верховного суда СССР еще в 1945 г. постановил дать судам руководящие указания о порядке судебного установления фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан (пост. Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. № 9/8/V).

Затем на основании изучения судебной практики по этим делам и с целью устранения серьезных недостатков в работе судов по рассмотрению этой категории дел, Пленум Верховного суда издал новое руководящее указание по этому вопросу: постановление № 3 от 7 мая 1954 г. «О судебной практике по делам об установлении фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан»¹. Это постановление уточняет и изменяет некоторые положения постановления от 29 июня 1945 г., которое признано утратившим силу, как поглощенное этим новым постановлением.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР. 1954 г. № 4.

Как было указано выше, эти дела относятся к особому производству. Поэтому необходимо отличать эти дела от исковых дел. Дела об установлении фактов отличаются не только от исков исполнительных (исков о присуждении), но и от исков установительных (исков о признании). В исках о присуждении и в исках о признании идёт спор о праве гражданском. В делах об установлении фактов нет ни истца ни ответчика. Есть заявитель, который просит суд установить факт, имеющий юридическое значение. Ответчика в таком деле нет, но суд обязан вызвать в судебное заседание заинтересованных в исходе дела лиц или организаций (ст. 8 Пост. Пленума Верховного суда СССР). По этим делам суд выносит не решение, а определение. Обжалование этих определений допускается в порядке частной жалобы — в пятидневный срок¹. Заявления об установлении фактов оплачиваются государственной пошлиной в 3 рубля.

Но если при рассмотрении дела возникает спор о праве гражданском или сам суд придёт к выводу, что в данном деле установление факта непосредственно связано с необходимостью разрешения спора о праве гражданском, суд обязан прекратить дальнейшее рассмотрение дела в порядке особого производства, предоставив лицам или организациям предъявить иск на общих основаниях (ст. 9 того же постановления).

Не всякие факты можно устанавливать через суд, а только факты юридические, т. е. такие факты, с которыми закон связывает возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. При этом постановление Пленума Верховного суда СССР и гражданско-процессуальные кодексы тех союзных республик, в которых этот вид производства специально предусмотрен ещё больше суживают круг этих дел, а именно речь идет об установлении фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение прав граждан. Вопрос о возможности установления фактов, от которых зависит возникновение (изменение или прекращение) прав организаций, может быть разрешен только в порядке дополнительного разъяснения.

Перечень дел, которые могут рассматриваться в этом порядке, приведенный в постановлении от 7 мая 1954 г., не является исчерпывающим, так как в нем сказано, что к делам этого рода относятся «в частности» перечисленные далее дела. Следовательно могут быть и другие дела.

Однако не подлежат рассмотрению суда дела об установлении фактов, если действующим законодательством предусмотрен другой порядок их установления. Так например, п. 8 ст. 239 ГПК УССР первоначально предусматривал возможность установления факта получения высшего образования (кроме медицинского). Так как этот факт устанавливается теперь в особом порядке, п. 8 ст. 239 ГПК УССР отменён. Нельзя устанавливать в судебном по-

¹ Впрочем, практика не однообразна. Некоторые суды считают, что эти определения подлежат обжалованию в 10-дневный срок.

рядке трудовой стаж, так как этот факт устанавливается Комиссией по назначению пенсий при исполнительных комитетах Советов депутатов трудящихся в порядке, предусмотренном Положением о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, утвержденным Советом Министров СССР 4 августа 1956 г.

Кроме того, Пленум Верховного суда СССР допускает рассмотрение судом дел об установлении фактов при условии:

1. невозможности получения или восстановления документов, удостоверяющих факт (ст. 4),

2. указания, для какой цели необходимо установить этот факт, причин невозможности получения или восстановления документов (ст. 7).

Само собою разумеется, что в заявлении должны быть указаны доказательства, подтверждающие факт (свидетели, письменные и другие доказательства).

При рассмотрении этого рода дел, как это отметил Пленум Верховного суда СССР, суды нередко допускают ошибки: выносят определение без глубокой проверки и критической оценки доказательств, не выясняют, для какой цели необходимо установление факта, не привлекают к участию в деле заинтересованных лиц и организаций, принимают к своему рассмотрению дела об установлении таких фактов, которые могут быть устанавливаемы только в административном порядке. Между тем имеют место попытки использовать судебный порядок установления фактов с целью недобросовестного получения имущества, пенсий, налоговых льгот и т. п.

Для выяснения возникающих в судебной практике вопросов следует остановиться на отдельных видах этих дел, вызывающих более всего затруднения при их разрешении.

1. Дела об установлении факта принадлежности правоустанавливающих документов.

В некоторых случаях оказывается, что фамилии, имена и отчества граждан в различных документах указаны различно. В перечне дел об установлении фактов, приведенном в пост. Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. такие дела не были предусмотрены. Ст. 239 п. I ГПК УССР предусматривает возможность рассмотрения в судебном порядке дел об установлении фамилии, имени и отчества, если невозможно достать документ, который мог бы служить основанием для получения соответствующего удостоверения от административных органов. Однако такое указание не ясно. Между тем такие дела часто возникают в судебной практике в связи с обменом паспортов, когда обнаруживается, что запись в паспорте не соответствует записи в книгах загса или в связи с тем, что в дипломах, аттестатах, справках с места работы и других документах имя, отчество или фамилия не соответствуют паспорту. Такие дела до издания по-

становления Пленума Верховного суда СССР принято было называть делами «об установлении тождества личности». Ещё в 1951 г. (разъяснение МЮ СССР от 1 ноября 1951 г. № 5 А-8941) по частному случаю Министерство Юстиции СССР разъяснило, что при рассмотрении дел об установлении тождества лиц, проходящих по документам под разными фамилиями, именами и отчествами, судом могут лишь устанавливаться факты выдачи того или иного правоустанавливающего документа (диплома, пенсионной книжки) заявителю, который по этому документу значится под другим именем, отчеством или фамилией, чем по паспорту или свидетельству о рождении.

В сберегательной книжке фамилия вкладчика указана «Голобов» вместо Гололобов. Нарсуд Краснобаварского района г. Харькова постановил признать факт тождества личности Голобова В. В. и Гололобова В. В.¹

Репихова Дарья обратилась в тот же суд с заявлением, в котором объяснила, что в решении суда от 6 февраля 1929 г. о праве собственности на домостроение была неправильно указана её фамилия — Репих вместо Репихова. Свидетели подтвердили, что её муж Петр Демьянович писался «Репихов». Суд постановил признать, что Репих и Репихов Петр Демьянович, а также Репихова Дарья Власовна и их дети — Марк, Яков, Мария, Алексей, Петр являются одними и теми же лицами. Помимо неграмотности такого определения, оно неправильно и по существу, так как нужно было установить, что решением суда право собственности признано за лицом, обозначенным в паспорте, как Репихова².

Постановление Пленума Верховного суда от 7 мая 1954 г. исправляет эти недостатки. Однако и это постановление не устраняет всех затруднений, возникающих в судебной практике. На основании п. д ст. 2 этого постановления могут быть устанавливаемы факты принадлежности правоустанавливающих документы лицу, имя, отчество и фамилия которого, указанные в документе, не совпадают с именем, отчеством и фамилией этого лица по паспорту или свидетельству о рождении. Дела о принадлежности лицу паспорта и свидетельств, выдаваемых органами загса, судебному рассмотрению не подлежат.

Возникает вопрос, как быть, если есть расхождение между свидетельством о рождении и паспортом или между различными свидетельствами, выдаваемыми органами загса.

Луговая Прасковья Алексеевна просит суд установить факт принадлежности ей свидетельства о рождении, в котором неправильно указаны фамилия и отчество её отца. В свидетельстве (метрической выписи) за 1906 г. о рождении Прасковьи Луго-

¹ Д. № 2—142 1953 г. Нарсуда Краснобаварского р. г. Харькова.

² Д. № 2—11 1953 г. Нарсуда Краснобаварского р. г. Харькова.

вой значится: отец Алексей Стефанович Логовенко. Поэтому она не может получить нотариального свидетельства о праве на получение наследства. Нарсуд после двухкратного разбирательства дела удовлетворил просьбу заявительницы. Президиум Харьковского Областного суда признал, что на основании постановления Пленума Верховного суда СССР от 7 мая 1954 г. дела об установлении факта принадлежности документов, выдаваемых органами Загса, суду не подведомственны, и оставил в силе первое определение нарсуда о прекращении дела производством¹. Президиум Областного суда вынес правильное постановление. Но для Луговой создалось безвыходное положение. Ст. 115 КЗоБ РСФСР допускает возможность исправления неправильных записей в книгах актов гражданского состояния по разрешению вышестоящих органов загса, а ст. 116 того же Кодекса указывает, что записи, внесенные в книгу, могут оспариваться в судебном порядке. Но в КЗоС УССР таких статей нет, так как при переиздании этого кодекса раздел (приложение) об актах гражданского состояния опущен и заменен приложением инструкции НКВД о порядке регистрации рождения, браков и других фактов, связанных с гражданским состоянием, от 20 сентября 1943 г., в которой не упоминается о порядке оспаривания записи². В последующих изданиях кодекса УССР и эта инструкция опущена. Да если бы и применить ст. ст. 115 и 116 КЗоБ РСФСР, сомнительно, можно ли оспаривать теперь запись, совершённую в 1906 г., оспаривание же в судебном порядке было бы равносильно тому действию, которое и приняла Луговая и которое было направлено на исправление свидетельства о рождении, что не допускается по п. д ст. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 7 мая 1954 г. Оспаривать в исковом порядке указанную запись также нельзя, так как нет ответчика, а бюро записей актов гражданского состояния не может быть ответчиком³.

¹ Дело № 3 1956 г. Президиума Харьковского областного суда.

² Положение о регистрации актов гражданского состояния, составляющее приложение к Код. зак. о семье УССР, отменено Указом Президиума Верховного Совета УССР от 15 сентября 1945 г. (Ведомости Верховного Совета УССР, 1947, г., № 1—2, стр. 45).

³ См. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по д. Ташкентского Облвоенкомата с Мануйловой, Судебная практика Верховного суда СССР, 1955 г. № 4, стр. 30. Впрочем практика Верховного суда СССР по этому вопросу непоследовательна. Годом раньше Верховный суд указал, что исправление записей в актах гражданского состояния в порядке ст. 116 КЗоБ РСФСР производится в исковом порядке. См. «Судебная практика» 1954 г., № 2, стр. 43—44, Определение по иску Маруниной. Инструкция НКВД СССР от 20 сентября 1943 г. (ст. 2) допускает исправление неправильных записей органами загса по просьбе заинтересованных лиц. Но едва ли практически возможно исправить запись, совершённую 50 лет тому назад.

Вообще не ясно, в каком порядке и в какие сроки может быть оспорена неправильная запись в книгах актов загса в тех республиках, где это оспаривание допускается. Луговой не остаётся ничего иного, как поменять паспорт на имя Логовенко, но это значит — поменять свою фамилию, под которой она прожила всю свою жизнь и исправить все свои остальные документы. Но дело в том, что и её отец во всех остальных документах значился также Луговой.

В данном случае Луговая могла найти выход из положения другим путём: использовать п. а ст. 3 постановления Пленума и просить суд признать, что она родная дочь Лугового Алексея Стефановича. Так часто и поступает суд. Так, например, Шаповал Сергей Иванович обратился в нарсуд с просьбой признать его сыном Шаповалова Ивана Митрофановича и Шаповаловой Меланьи Петровны, так как сам он значится в свидетельстве о рождении и в паспорте Шаповал, а родители — Шаповаловы. Суд удовлетворил просьбу и признал Шаповала С. И. сыном Шаповалова И. М. и Шаповаловой М. П.¹ Когда речь идёт об оформлении прав на наследство, суды идут по этому пути и при наличии расхождения в именах наследодателей и наследников, устанавливают родственные отношения, если, конечно, таковые доказаны.

Но такого рода просьбы возбуждаются и для других целей. Кроме того, бывают расхождения между документами, выдаваемыми органами загса.

Прохорова Мария Иосифовна вступила в 1923 г. в зарегистрированный брак с Прохоровым Семеном Калистратовичем. При регистрации брака фамилия и отчество мужа были записаны не верно: вместо Прохоров записано Прохоренко, а вместо Калистратович записано Аристархович, а потом муж стал именоваться Прохоровым, а по отчеству Аристархович. В 1951 г. муж умер. В свидетельстве о смерти написано: Прохоров Семен Аристархович. Есть вклад в сберегательной кассе на имя Прохорова Семёна Аристарховича. Поэтому Прохорова просит суд: а) признать, что свидетельство о рождении мужа на имя Прохоренко Семёна Калистратовича принадлежит её мужу Прохорову Семёну Аристарховичу, б) признать, что свидетельство о браке, выданное на имя Прохоренко Семёна Аристарховича, принадлежит Прохорову Семёну Аристарховичу. Здесь расхождение между документами, выданными органами загса. Между тем согласно п. д ст. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 7 мая 1954 г. суд не может устанавливать факт принадлежности лицу свидетельства о рождении или какого-либо другого свидетельства, выдаваемого органами загса. Несмотря на это суд определил: установить факт принадлежности свиде-

¹ Д. № 2—431 1956 г. Нарсуда 5 уч. Краснозаводского р. г. Харькова.

тельства о рождении на имя Прохоренко Семена Калистратовича, а также свидетельства о браке на имя Прохоренко Семена Аристарховича,—Прохорову Семену Аристарховичу¹. Это неправильное решение. Нужно было установить принадлежность сберегательной книжки на имя Прохорова Семена Аристарховича лицу, обозначенному в свидетельстве о рождении как Прохоренко Семен Калистратович, а затем признать, что Прохорова Мария Иосифовна — жена лица, обозначенного в свидетельстве о рождении как Прохоренко Семен Калистратович.

Зуев Я. П. пишет в своем заявлении, что умерла его жена Зуева Наталья Алексеевна, но в брачном свидетельстве она значится: Наталья Алоизовна. Поэтому он не может получить наследство. Суд определил: установить, что Зуев Я. П. — муж Зуевой Натальи Алексеевны и что брачное свидетельство на имя Зуевой Натальи Алоизовны принадлежит Зуевой Наталье Алексеевне². Вторая часть этого определения противоречит постановлению Пленума Верховного суда СССР, которое не допускает установления факта принадлежности лицу свидетельств, выдаваемых органами загса.

Но как указано было выше, установление родственных отношений вместо установления принадлежности правоустанавливающего документа является выходом из положения, когда лицо входит в круг наследников по закону. Между тем бывают и другие случаи.

Калита Вера Адамовна объяснила, что в 1907 г. она вступила в брак с Пискаревским Никанором Осиповичем. Сын от этого брака Павел Никанорович Пискаревский погиб на фронте. Заявительница вступила впоследствии во второй брак с Калитой и приняла его фамилию. Документов о том, что она является матерью погибшего сына Пискаревского П. И. нет, так как в свидетельстве о его рождении записано: мать Пискаревская Вера Адамовна. Для получения пенсии ей необходимо установить, что она является родной матерью П. Н. Пискаревского. Суд определил: установить, что Калита Вера Адамовна — родная мать Павла Пискаревского³. Между тем согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР родственные отношения можно устанавливать через суд только для получения наследства.

Таким образом постановление Пленума Верховного суда СССР от 7 мая 1954 г. об установлении принадлежности правоустанавливающих документов не доработано и не устраняет всех недоумений. Необходимо установить, что только один документ, например, свидетельство о рождении является не подлежащим исправлению первичным документом, от которого нужно отправ-

¹ Д. № 2—350 1956 г. Нарсуда Краснокутского р. Харьковской обл.

² Дело № 2—610 1956 г. Нарсуда 3 уч. Октябрьского р. г. Харькова.

³ Дело № 2—247 1956 г. Нарсуда 1 уч. Лозовского р. г. Харькова.

ляться для установления факта принадлежности других документов, в том числе и других свидетельств, выдаваемых органами загса — свидетельства о браке, смерти, усыновлении и т. п. (кроме партийного, комсомольского, профсоюзного билетов и воинских документов).

Что касается паспорта, то в случае обнаруживания неточности в записях можно просить об обмене паспорта. Паспорты, выданные на срок, также обмениваются по истечении срока на новые, соответствующие свидетельству о рождении. Поэтому расхождение между паспортом и свидетельством о рождении может быть устранено иным путём и паспорт не следовало бы рассматривать, как первичный документ, по которому должны равняться все остальные правоустанавливающие документы. Ст. 116 КЗоБ РСФСР и соответствующие статьи кодексов других союзных республик (где таковые сохранились) следует признать утратившими силу.

2. Дела об установлении факта регистрации брака и фактических брачных отношений.

Количество таких дел в народных судах сильно увеличилось в связи с изданием Закона о государственных пенсиях. Обычно вдовы для получения пенсии за смерть кормильца или для получения наследства просят установить факт регистрации брака, так как в архивах загса не сохранилось записей. Дела эти больших затруднений не вызывают.

Сложнее оказываются дела об установлении фактических брачных отношений.

Как известно, на основании ст. 19 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. лица, фактически состоящие в брачных отношениях до издания этого Указа, могут оформить свои отношения путём регистрации брака с указанием срока фактической совместной жизни.

Но когда оба находящиеся в живых супруга, состоящие в фактических брачных отношениях, отправляются в органы загса для регистрации брака, обнаруживается, что они носят одинаковую фамилию. Поэтому органы загса, предполагая, что они уже состоят в зарегистрированном браке, отказывают им во «вторичной» регистрации и направляют их в суд для установления факта регистрации брака. И супруги, которые знают, что они своего брака не регистрировали, вынуждены доказывать противоположное. Между тем у них одинаковая фамилия потому, что прежде при выдаче паспортов не предъявлялись строгие требования и не требовалось брачное свидетельство. Если же они обращаются в суд с просьбой об установлении фактических брачных отношений, суд им отказывает, направляя их в органы загса для регистрации брака, в порядке ст. 19 Указа от 8 июля 1944 г. Необходимо найти выход из этого заколдованного круга и предоставить сторонам право регистрировать брак, если они сами утверждают, что они состоят в фактических брачных отношениях.

Один из супругов имеет право просить суд установить фактические брачные отношения, когда вследствие смерти или пропажи без вести в период Отечественной войны другого супруга брачные отношения не могли быть оформлены в органах загса.¹ Однако жизнь потребовала распространения этого правила и на другие случаи смерти одного из супругов. Поэтому постановление Пленума Верховного суда СССР от 7 мая 1954 г. допускает установление судом факта состояния в фактических брачных отношениях и в тех отдельных исключительных случаях, когда смерть одного из супругов произошла хотя и после окончания Отечественной войны, но фактические брачные отношения, возникшие до издания Указа от 8 июля 1944 г., продолжались до смерти супруга и объективные обстоятельства не дали возможности супругам зарегистрировать брак.

Лишенко А. М. вступила в брачные отношения в 1939 г. Муж умер в 1956 г. Судья возвратил ей заявление об установлении фактических брачных отношений, так как она не указала, какие объективные причины препятствовали регистрации брака в течение 12 лет после издания Указа от 8 июля 1944 г. Тогда Лишенко вторично подала в суд заявление с таким объяснением: в момент издания Указа ей было уже 55 лет, а мужу 57 лет, детей у них нет. Суд признал достаточным такое объяснение и определил: установить факт состояния в фактических брачных отношениях.²

Стецюра М. И. оформила брак с Стецюрой И. И. «религиозным порядком» в 1922 г. Свидетели это подтвердили. Муж умер. Суд определил: установить факт регистрации брака³, хотя здесь нужно было установить фактические брачные отношения, так как церковные браки, совершённые в УССР после 20 февраля 1919 г., не имеют юридического значения (СУ УССР 1919 г. № 12, ст. 144).

Министерство юстиции СССР письмом от 21 мая 1952 г. разъяснило, что брак, зарегистрированный на временно оккупированной территории и не оформленный впоследствии органами загса, юридической силы не имеет.

Бережная Т. Е. вступила в брак во время оккупации 5 окт. 1942 г. с Олейником О. Т. В 1943 г. Олейник погиб. Свидетели показали, что Бережная и Олейник «расписывались» во время оккупации. Тем не менее суд установил факт регистрации брака вместо установления фактических брачных отношений⁴.

3. Дела об установлении факта владения строением на праве личной собственности

Эти дела занимают значительное место в судебной практике в связи с регистрацией строений. Регистрацию строений произво-

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г.

² Д. № 2—317 1956 г. Нарсуда Краснокутского р. Харьковской обл.

³ Д. № 2—363 1956 г. Нарсуда Краснокутского р. Харьковской обл.

⁴ Д. № 761 1956 г. Нарсуда 4 уч. Харьковского р-на.

дят исполкомы местных Советов депутатов трудящихся через бюро технической инвентаризации или другие соответствующие органы исполкомов. Для регистрации необходимо представить документ, устанавливающий право собственности: акт денационализации (демуниципализации) строения, договор о праве застройки или о предоставлении земельного участка в бессрочное пользование для постройки дома на праве личной собственности, договор купли-продажи дома, свидетельство о праве наследования или нотариальную надпись на завещании и другие.

Однако на территориях, подвергавшихся временной фашистской оккупации, эти документы очень часто оказываются утраченными, и восстановить их не представляется возможным. Кроме того, этот вопрос возникает и в случаях включения в городскую (поселковую) черту сельских населенных пунктов или в случаях преобразования их в город или поселок городского типа, так как документов, доказывающих право собственности на дома в сельской местности, вообще нет, кроме похозяйственных книг местного сельского Совета.

На основании Инструкции Наркомхоза РСФСР от 25 декабря 1945 г., согласованной с НКЮ РСФСР, и аналогичной Инструкции, изданной в УССР 25 декабря 1947 г. при отсутствии документов, устанавливающих право собственности на строение, а также в случае возникновения сомнений в представленных документах, вопрос о принадлежности строения должен был разрешаться в исковом порядке (§ 17 Инструкции РСФСР, § 11 Инструкции УССР), но государственная пошлина на оплату иска взимается в 3 рубля. Но было не ясно, к кому должен быть предъявлен иск. Кроме того, постановление Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. указывало, что дела этого рода рассматриваются в порядке особого производства. Также и постановление Пленума Верховного суда СССР от 7 мая 1954 г. к делам об установлении фактов относит и дела об установлении фактов владения строением на праве личной собственности «в случае утраты документа».

В связи с этим при переиздании Инструкции от 25 декабря 1947 г. Министерство коммунального хозяйства УССР внесло существенное изменение в § 11¹, а именно: в случаях, когда утрачены основные документы, устанавливающие право собственности на строение и документы, косвенно подтверждающие это право, либо сохранились эти документы, но они вызвали сомнение у органов коммунального хозяйства, если никто не оспаривает права на строение, вопрос об установлении факта владения строением на праве личной собственности разрешается судом в порядке особого производства в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда от 7 мая 1954 г. Но указанное постановление до-

¹ См. Инструкция о порядке регистрации строений в городах и поселках городского типа Украинской ССР, Киев, 1955.

пускает возможность установления этого факта только в случае утраты документов, Инструкция же отсылает в суд и в том случае, если документы есть, но вызывают сомнение у органов коммунального хозяйства.

Изучение дел этой категории показывает, что по большей части дела эти неправильно принимаются судом к своему рассмотрению и неправильно разрешаются.

Кабашный Николай Иванович пишет в своём заявлении, что отец его совместно с матерью построили в 1916 г. дом, в котором проживали до смерти. Оба умерли в 1943 г., документы не сохранились. В связи с регистрацией домовладений и вводом в права наследства просит установить факт владения домом на праве личной собственности его родителями. Какой именно документ был у его родителей и был ли вообще документ, заявитель не указывает и суд также этим вопросом не поинтересовался. Да мог ли знать сын, который в то время был малолетним, какой именно документ был у его родителей и был ли он? В деле есть справка, что дом на балансе Горсовета не числится. В деле есть составленный инвентарбюро акт обследования, из которого видно, что согласно подтверждению опрошенных лиц дом построили родители заявителя в 1916 г. Те же лица допрошены как свидетели в суде. Суд определил: «установить факт владения на праве личной собственности за родителями» Кабашного Н. Г.¹ Спрашивается, зачем нужно было посылать Кабашного в суд? Все факты, которые установил суд, были уже раньше установлены самим инвентарбюро и можно было выдать свидетельство о праве личной собственности.

Безбатченко У. П. обратилась в тот же суд с заявлением, в котором пишет: администрация регистрации домовладений меня посылает в суд. Дом принадлежит мне с 1920 г. Есть акт обследования, который подтверждает, что заявительница в 1943 г. восстановила разрушенный дом. Дом на балансе Горсовета не числится. Есть заключение инвентарбюро: дом подлежит регистрации. Зачем же было направлять в суд? Согласно Инструкции о порядке регистрации строений, в свидетельстве о праве собственности на строение должно быть указано, взамен какого утраченного документа выдается свидетельство, но заявительницу даже не спросили, какой у неё был документ².

Павленко Григорий Иванович пишет в суд: ещё до революции я построил дом, проживал в нём до 1943 г., в период оккупации дом сгорел. В 1946 г. заявитель вновь отстроил дом и живёт в нём. В связи с регистрацией домовладений просит установить факт владения домом на праве личной собственности. Есть заключение инвентарбюро: подлежит регистрации. На балансе коммунального хозяйства не числится. Какой был документ? Заявитель должен

¹ Дело № 2—348 1956 г. Нарсуда Краснокутского р. Харьковской обл.

² Д. № 2—414 1956 г. Нарсуда Краснокутского р. Харьковской обл.

был знать это, но об этом его никто не спрашивает. В этом деле суд попытался оказать сопротивление попыткам инвентарбюро направлять ясные дела в суд и признал дело себе неподсудным. Но инвентарбюро вторично направило заявление в суд с требованием установить, по какому праву и по какому документу Павленко владеет домом. На суде выяснилось, что не заявитель (рождения 1904 г.), а его отец построил дом, но он, заявитель вместо сгоревшего дома построил новый. Суд определил: установить факт владения домом на праве собственности¹. Между тем можно было выдать свидетельство о праве личной собственности и без суда. Суд ничего не прибавил к тому, что было установлено раньше и только проштамповал заключение инвентарбюро.

Тарасова Мария Федоровна заявляет, что она совместно с мужем Тарасовым М. И. построили в 1933 г. флигель, а в 1939 г. дом в г. Харькове по Борисовской ул. № 64. Документы утеряны. Свидетельница Хребтова показала, что участок Тарасовы заняли без разрешения комхоза. О документах ничего не знает. Представитель инвентарбюро показал: он знает, что Тарасовы самовольно заняли участок и построили дом. На этот дом им был выдан арендный договор. Договор застройки оформить не успели. Считает возможным установить факт владения домом на праве собственности. Суд определил: считать установленным, что Тарасовы самовольно построили дом². Зачем было обращаться в суд? Этот факт был известен инвентарбюро. Нужно поступить с Тарасовыми как с самовольными застройщиками и если постройкой дома не нарушена планировка города, оформить право собственности посредством заключения с Тарасовой договора о предоставлении ей земельного участка для постройки дома на праве личной собственности.

Бойков Андрей Иванович «купил» в 1942 г. по договору запродажи (совершённой во время оккупации) дом у Зеленской Ирины Павловны. В 1946 г. Нарсуд I уч. Ленинского р. г. Харькова признал за Бойковым право собственности на этот дом. Но в 1956 г. (через 10 лет!) это решение было отменено Областным судом и передано на новое рассмотрение, так как суду надо было установить, действительно ли дом принадлежал Зеленской И. П. Наследники Зеленской подтверждают этот факт. Нарсуд, которому дело передано на новое рассмотрение, приостановил производство по делу и предложил Бойкову обратиться в суд об установлении факта принадлежности строения Зеленской. Акт обследования подтверждает, что дом принадлежал Зеленской. Нарсуд 4 уч. Харьковского района определил: установить факт, что дом принадлежит Зеленской И. П.³. Но она уже умерла! Зачем было заводить отдельное дело? В исковом деле по иску Бойкова о признании за ним права собственности на дом суд

¹ Д. № 2—324 1956 г. Нарсуда Краснокутского р. Харьковской обл.

² Дело № 2—585 1956 г. Нарсуда 4 уч. Кагановичского р. г. Харькова.

³ Д. № 2—682 1956 г. Нарсуда 4 уч. Харьковского р.

должен был выяснить, принадлежал ли дом продавщице Зеленской. Если в предыдущих делах инвентарбюро посылает заявителя в суд, то здесь сам суд отсылает сторону в другой суд для установления факта, который сам должен был подтвердить.

Иногда и нотариальные конторы отсылают в суд для установления фактов, которые они сами должны установить.

Шаповалова Варвара Антоновна вместе с мужем построила дом в г. Балаклее в 1925 г. В декабре 1935 г. муж умер. В 1943 г. дом был разрушен. В 1945 г. заявительница лично построила новый дом. Теперь она хочет его продать, но нотариус требует доказательств, что дом построен лично ею. Свидетели это подтвердили. Суд определил: считать установленным, что Шаповалова построила дом без участия мужа¹. Зачем нужно было обращаться в суд? Устанавливать факты через суд можно, если не сохранились документы, но здесь никаких документов и не было. Нужно было оформить право собственности на дом посредством договора и получить свидетельство о праве личной собственности.

Кадамша Прасковья Николаевна пишет в своём заявлении, что ее дед Кадамша Василий Федорович построил дом еще до революции. Просит установить факт постройки дома без участия ее матери, так как ее брат Кадамша Иван Николаевич уже в 1940 г. не жил в Балаклее и следовательно не был «присутствующим» наследником. Очевидно это дело также возникло по инициативе нотариуса. Повидимому, Прасковья Кадамша хочет получить свидетельство о праве наследования после матери. Но «мешает» второй наследник — ее брат Кадамша Иван. Нужно установить, что дом построен отцом, а не дедом и при том тогда, когда матери уже не было в живых, а брат уже не жил в это время в Балаклее. И действительно, как это выяснилось при разборе дела, отец заявительницы в 1940 г. (когда матери уже не было в живых) перенёс дом в другое место и перестроил его, а брат уже не жил в это время в Балаклее и следовательно заявительница — единственная наследница. Суд определил: считать установленным, что дом построен отцом заявительницы без участия матери². Но если нужно отстранить брата заявительницы от участия в наследстве, то это можно сделать только в исковом порядке. Если же брат на наследство не претендует (а так оно повидимому и было, судя по объяснениям брата в суде), то разве недостаточно было получить от него соответствующее заявление на имя нотариуса? Нотариальные конторы сами придумывают затруднения для оформления не вызывающих спора прав на наследство.

Таким образом изучение этой категории дел показывает, что эти дела либо подменяют иски о признании права собственности, либо искусственно создаются инвентаризационными бюро или нотариальными конторами в целях перестраховки, для того,

¹ Д. № 2—574 1956 г. Нарсуда Балаклеевского р. Харьковской обл.

² Дело № 2—455 1956 г. Нарсуда Балаклеевского р. Харьковской обл.

чтобы освободить себя от ответственности за решение, которое они сами должны принять.

4. Дела об установлении факта проживания в одном месте с наследником

Гражданские кодексы союзных республик (за исключением Белорусской ССР и Грузинской ССР) проводят различие между «присутствующими» и «отсутствующими» наследниками. Присутствующие наследники считаются принявшими наследство, если в течение трех месяцев со дня открытия наследства не заявят нотариусу об отказе от наследства (ст. 429 ГК). Отсутствующие наследники теряют право на наследство, если в течение шести месяцев со дня открытия наследства не заявят о принятии наследства (ст. 430 ГК). Подача просьбы о выдаче нотариального свидетельства, подтверждающего право на наследство, никаким сроком не ограничена.

Поэтому в практике нотариальных органов часто встречаются случаи, когда наследник спустя много лет обращается к нотариусу с просьбой о выдаче указанного свидетельства. У нотариуса возникает вопрос, «присутствовал» ли наследник в момент открытия наследства. В противном случае он утратил право на наследство. За разрешением этого вопроса нотариус отсылает заявителя в суд.

Кустов А. П. в своем заявлении пишет: в 1940 г. умерший отец оставил домовладение. Наследство я фактически принял. Домовая книга не сохранилась. Просит признать факт, что проживал в 1940 г. в г. Харькове. Суд определил: признать, что Кустов проживал в г. Харькове и фактически принял наследство¹. Кустов и сейчас живет в этом доме. Казалось бы, пока никто этого не опровергает и не оспаривает, нужно исходить из предположения, что наследник принял наследство.

Александрова М. С. пишет: домовладение принадлежало сыну моему, умершему в 1954 г. Я проживала и проживаю в этом доме. Документа о проживании в этом доме на день смерти нет. Свидетели подтвердили, что заявительница проживала и проживает в доме сына. Суд определил: считать установленным, что Александрова М. С. проживала в доме на момент смерти сына и фактически приняла наследство². Почему нет документа? Почему Александрова не может доказать, что она была прописана в г. Харькове в 1954 г. Где ее паспорт с отметкой о прописке? Суд этим не поинтересовался.

Ворона Анна Савельевна, Ворона Виктор Георгиевич и Ворона Тамара Георгиевна пишут: муж первой и отец остальных Георгий Семенович Ворона умер в 1950 г. в с. Лозоватка Полтавской обл.,

¹ Дело № 2—415 1956 г. Нарсуда 2 уч. Сталинского р. г. Харькова.

² Дело № 2—508 1956 г. Нарсуда 2 уч. Сталинского р. г. Харькова.

где он работал в Сахаротресте. В Харькове у него дом. Заявители жили и живут в этом доме. Нотариус потребовал — пишут они, — чтобы они обратились в суд для установления факта принятия наследства, так как Ворона Г. С. не был прописан в г. Харькове. Суд установил факт принятия наследства¹. Если заявителей считать присутствующими, то незачем обращаться в суд. Достаточно представить справку о прописке. Если же местом открытия наследства считать место смерти Г. С. Ворона, то они «отсутствующие» наследники и следовательно утратили право на получение наследства.

Кравцова Анастасия Денисовна, Кравцов Константин Федорович и Лавриненко Пелагея Федоровна обратились в суд с следующим заявлением: Домовладение принадлежало Кравцову Федору Тимофеевичу. Муж первой заявительницы, умерший в 1955 г. Матвей Федорович Кравцов и остальные заявители — брат и сестра его фактически приняли наследство после смерти отца в 1942 г. Свидетели это подтвердили. Но оказалось, что есть ещё три сестры. Однако отец написал завещание только на нас троих, остальные живут отдельно. Мы заново отстроили дом и докармливали отца. Суд дело отложил и привлек в «качестве третьих лиц» трёх сестер. После вторичного рассмотрения дела суд определил: признать факт, что на момент смерти Ф. Т. Кравцова Матвей, Константин Кравцовы и Пелагея Лавриненко проживали в г. Харькове.

Эти дела возникают в связи с тем, что нотариус сам не решается признать заявителей «присутствующими» наследниками и передоверяет проверку этого факта суду, чтобы снять с себя ответственность. В ряде случаев (когда наследодатель умер недавно) это легко мог бы установить и сам нотариус. У заявителей должны быть документы (паспорт, справка о прописке и т. п.) Труднее выяснить это, если наследодатель умер до войны и документы утрачены.

Однако в настоящее время в литературе считается признанным, что в будущем желательно установить это различие между присутствующими и отсутствующими наследниками. Поэтому ст. ст. 429 и 430 ГК следует объединить в одну статью следующего содержания:

Для получения наследства требуется принятие его наследником. Наследство может быть принято в течение одного года со дня открытия наследства. Принятое наследство считается принадлежащим наследнику со времени открытия наследства.

Признаётся, что наследник принял наследство:

а) если он подал нотариальному органу заявление о выдаче ему свидетельства о праве на наследство.

б) если он фактически вступил во владение имуществом. Наследник предполагается вступившим во владение, если права его

¹ Дело № 2—621 1956 г. Нарсуда 3 уч. Октябрьского р. г. Харькова.

ником не оспариваются или с его стороны не последовало отказа от наследства.

Такая статья 1) устранил спор о том, кого из наследников следует считать «присутствующим» и тем самым устранил необходимость доказывать «факт проживания» в месте открытия наследства, 2) создаст предположение принятия наследства и устранил необходимость устанавливать «факт принятия наследства» в судебном порядке. Практика судов показывает, что суд, устанавливая «факт проживания» в месте открытия наследства или факт принятия наследства, фактически ничего не прибавляет к тому, что может выяснить сам нотариус.

5. Дела об установлении факта нахождения на иждивении

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 7 мая 1954 г. допускает судебное установление факта нахождения лица на иждивении наследодателя. Установление такого факта вызывается необходимостью, когда лица, состоявшие на иждивении умершего, призываются к наследованию в порядке ст. 418 ГК.

Между тем суды принимают к своему рассмотрению также дела и в других случаях: когда, например, нужно установить этот факт для получения пенсии.

Мельникова А. М. просит установить факт, что она была на иждивении сына, умершего в 1956 г. Установление этого факта необходимо ей для получения пенсии. Суд определил: установить, что Мельникова находилась на иждивении сына¹.

Коржеева А. А. для получения пенсии за смерть мужа, умершего в 1952 г. просит установить факт, что она находилась на его иждивении, так как у неё нет документов, подтверждающих этот факт. Есть все документы, подтверждающие, что она жена умершего: брачное свидетельство и др. Заявительнице 65 лет. Суд определил: установить, что Коржеева была на иждивении мужа². Есть ли необходимость устанавливать такие факты? На основании п. 145 Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий этот факт удостоверяется справкой домоуправления или сельского Совета о составе членов семьи кормильца, находившихся на его иждивении, и только при отсутствии соответствующих документов и невозможности их восстановления этот факт может устанавливаться определением суда (п. 148 Положения)³.

¹ Д. № 2—633 1956 г. 5 уч. Краснозаводского р. г. Харькова.

² Д. 2—618 3 уч. Октябрьского р. г. Харькова.

³ Согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 12 октября 1956 г. факт нахождения лица на иждивении можно устанавливать не только для получения наследства. Но все же сохраняет силу п. 4 постановления Пленума от 7 мая 1954 г.: при невозможности получения надлежащих документов или невозможности их восстановления.

6. Установление факта смерти

Суды не проводят ясного различия между признанием безвестно отсутствующего лица умершим и установлением факта смерти. Признание безвестно отсутствующего умершим устанавливает только предположение смерти, тогда как установление факта смерти обозначает конец правоспособности. Безвестное отсутствие не является необходимой предпосылкой для установления факта смерти. Необходимость признания лица умершим возникает тогда, когда вследствие продолжительного безвестного отсутствия лица возникает предположение, что это лицо не находится в живых. Необходимость установить факт смерти возникает тогда, когда есть доказательства, подтверждающие смерть, но нет записи о смерти в актах гражданского состояния. Между тем суды вместо установления факта смерти, применяют ст. 12 ГК, и в тех республиках, в которых объявление безвестно отсутствующего умершим относится к ведению суда, сначала признают лицо безвестно отсутствующим, а затем, по истечении установленного законного срока — умершим.

Так, например, в 1949 г. гражданка Н. обратилась в народный суд 4 уч. Ленинского р. г. Харькова с заявлением, в котором она просила установить факт смерти мужа, умершего в 1918 г. и похороненного на Холодногорском кладбище. Два свидетеля — участники похорон должны были подтвердить факт смерти. К делу представлена справка отдела загса о том, что архив за 1918 г. не сохранился. Между тем народный судья дал публикацию в газете о вызове покойника как безвестно отсутствующего.

В последнее время суды уже не допускают этой ошибки и устанавливают факт смерти, когда смерть доказана. Но иногда суды впадают в противоположную ошибку.

В народный суд была подана просьба о признании факта смерти И. Я. Шкилько, который в августе 1950 г. с группой туристов-спортсменов на двух байдарках проходил пороги по протоку Енисея (реке Бейхем). При прохождении порогов туристы потерпели аварию, при чём один из них, Шкилько, нигде не был обнаружен и, по показанию спасшегося свидетеля, «мог погибнуть», так как попал в водоворот, где были большие камни, от ударов которых он «мог умереть». Гибели Шкилько никто не видел. Суд постановил: «признать факт, что Шкилько И. Я. умер 5 сентября 1950 г.»¹

Вот здесь нельзя было выносить такого определения. Исчезновение произошло при обстоятельствах, дающих основание предполагать гибель его от несчастного случая, а потому суд должен был признать его безвестно отсутствующим, а затем, по истечении сокращенного 6-месячного срока — умершим, если к тому времени о нём не будет никаких известий.

¹ Д. № 2—189 1951 г. Нарсуда 1 уч. Кагановического р. г. Харькова.

7. Дела об установлении факта получения пенсии

Министерство юстиции СССР в 1953 г. разъяснило, что народные суды должны принимать к своему рассмотрению дела об установлении факта получения до войны пенсии по инвалидности или по старости, так как действующим законодательством не предусмотрен иной порядок установления этих фактов. Но установление размера получаемой пенсии не входит в компетенцию суда (письмо Министерства юстиции СССР от 24 марта 1953 г.)

Акиншина К. П. с апреля 1941 г. по октябрь 1941 г. получала пенсию за смерть мужа. Документы не сохранились. Свидетели подтвердили этот факт. Суд определил: признать, что Акиншина получала пенсию в размере 88 р. 20 к.¹

Аналогичное дело было рассмотрено Народным судом Краснокутского района. Дело было вызвано тем, что отдел социального обеспечения на просьбу заявительницы о выплате ей пенсии сообщил: Вам следует установить факт получения пенсии через суд².

Не говоря уже о том, что в этих делах речь идет не о факте получения пенсии по инвалидности или по старости, а по случаю смерти кормильца, и что суд вопреки указаниям Министерства юстиции СССР установил не только факт получения, но и размер пенсии, следует полагать, что с изданием Закона о государственных пенсиях указанное разъяснение Министерства юстиции СССР утратило силу, так как в настоящее время лица, имеющие право на получение пенсии, могут обращаться в отдел социального обеспечения с заявлением о назначении им пенсии в порядке, установленном в Положении о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, независимо от того, получали ли они пенсию до войны или нет.

Размер статьи не позволяет рассмотреть другие категории дел об установлении фактов. Но и изложенного здесь достаточно, чтобы сделать некоторые выводы.

Нахлынувший в суды поток этих дел объясняется отчасти тем, что в суды направляются дела, не требующие обращения в суд, другими органами в целях перестраховки. В рассмотренных нескольких стах делах почти не было случаев отказа в просьбе заявителей. Суды всегда устанавливают факты, об установлении которых просят заявители, не выясняют, почему невозможно восстановить документы, какие именно документы утрачены.

Постановление Пленума Верховного суда СССР нуждается в уточнении. Необходимо устранить противоречия между постановлением Пленума и другими нормативными актами. Необходимо внести в гражданско-процессуальные кодексы союзных республик правила о порядке установления фактов, от которых зависит возникновение личных и имущественных прав граждан, в частности внести существенные изменения в ст. 239 ГПК УССР.

¹ Дело № 2—547 1956 г. Нарсуда 9 уч. Сталинского р. г. Харькова.

² Дело № 2—392 1956 г. Нарсуда Краснокутского р. Харьковской обл.

А. М. СМЕЦКАЯ

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ О РАЗДЕЛЕ ДОВОЛАДЕНИЯ В ГОРОДАХ

Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно заботятся о неуклонном соблюдении начал законности в деятельности наших государственных учреждений, общественных организаций, органов юстиции в целях дальнейшего укрепления советского строя, основным законом которого является всемерная забота о человеке.

Законы нашего государства не только разрешают гражданам иметь на праве личной собственности жилой дом, но и обеспечивают собственнику возможность реального осуществления всех его правомочий. Деятельность судебных органов по спорам о доволадениях между собственниками направлена на охрану законных прав всех совладельцев.

Домовладение часто является объектом права общей собственности: либо совместной, либо долевой, что вытекает из неделимости домовладения и оснований возникновения права личной собственности на домовладение. Если домовладение создается в результате труда супругов, т. е. лиц, связанных особыми личными отношениями, тогда домовладение принадлежит супругам на праве общей совместной собственности, при которой доля каждого соучастника как правило неизвестна до раздела домовладения между супругами. Если домовладение приобретено или возведено на общие средства несколькими гражданами, связанными только имущественными интересами, либо возведено сообща лицами, связанными семейно-бытовыми отношениями, или получено несколькими лицами в порядке наследования или дарения, тогда домовладение принадлежит соучастникам на праве общей долевой собственности, при которой каждый собственник имеет определенную долю в праве собственности.

Владение, пользование и распоряжение общей собственностью производится по взаимному согласию собственников, а в случае разногласия — по большинству голосов, а совместной собствен-

ностью супругов — по взаимному согласию супругов (ст. 62 ГК, ст. 9 КЗОБСО РСФСР).

Изучение практики показывает, что в случаях недостижения взаимного соглашения о порядке владения и пользования общей собственностью часть совладельцев обращается в суд, добиваясь принудительного осуществления своих прав путем предъявления исков о разделе домовладения. Удельный вес этих споров невелик (не свыше 2 — 3% от общего числа годового поступления гражданских дел), но разрешение их связано с целым рядом затруднений в связи с отсутствием в законе и в подзаконных актах ясных и четких указаний по вопросам о разделе домовладений.

В правовой литературе за последние годы неоднократно обсуждались вопросы о разделе домовладения на два или несколько самостоятельных домовладений, о реальном разделе домовладения, о распределении пользования частями домовладения, но единообразное решение по этим вопросам до сих пор не достигнуто.

Что же является объектом раздела?

Объектом раздела признается домовладение, т. е. жилое строение — одно или несколько — и все прочие, примыкающие к нему и обслуживающие его постройки, находящиеся на одном земельном участке¹.

В практике иногда имеют место случаи раздела домовладений, имеющих в своем составе несколько жилых построек, находящихся на одном участке, размер и конфигурация которого позволяют образовать из одного — два или больше самостоятельных домовладений, под отдельными номерами по улице, под которыми эти домовладения будут зарегистрированы в органах коммунального хозяйства. Такие разделы домовладений производятся по просьбе собственников с разрешения исполкома местных Советов при условии соответствия этого раздела проекту планировки данного населенного пункта и в компетенцию судебных органов не входят². В этом случае имеет место раздел домовладения на реальные части, каждая из которых в результате раздела превращается в самостоятельное домовладение.

¹ Следует отметить, что как в законе, так и в литературе и в судебной практике нет достаточного единообразия в терминологии, применяемой для обозначения домовладения. Ст. 182 ГК РСФСР (примечание) признает владением дом с примыкающими к нему жилыми и служебными дворовыми постройками. Ст. 182 ГК УССР в прежней редакции определяла домовладение как «...одно или несколько домостроений с принадлежащими к ним постройками, находящимися на том же самом земельном участке». Но при изложении ст. 182 ГК УССР в редакции Указа Президиума Верховного Совета УССР от 8 марта 1954 г. не воспроизведено примечание, дававшее приведенное выше определение понятия домовладения.

² Инструкция НКЮ УССР от 11 июня 1940 г., журн. «Революційне право», 1941 р. № 15—16, стр. 47; Инструктивное письмо ГКК Верх. суда РСФСР № 1, 1927 г. Источники сов. гражд. права, 1938 г. т. I, стр. 285; Правила совершения нотариальных действий в УССР, § 63, сб. Нотаріат УРСР, 1946 р., стр. 35.

Спорным является вопрос о возможности раздела домовладения, состоящего из одного жилого дома, на реальные части. В законе нет прямого указания о делимости или неделимости жилого дома на реальные части. Основывать такой раздел правилам ст. 65 ГК не представляется возможным, так как в ней речь идет, как об этом справедливо пишет И. Л. Брауде¹ о разделе имущества в натуре, а не о разделе вещи. Раздел в натуре сводится к созданию путем физического деления нескольких самостоятельных объектов, распределяемых затем между участниками общей собственности в соответствии с их долей в праве. Такой раздел возможен только в том случае, если в раздел поступает совокупность отдельных вещей. Физический раздел вещи допустим только при делимости ее, при неделимости вещи возможно только распределение долей в праве собственности на эту вещь между собственниками.

Инструкции НККХ РСФСР от 25 декабря 1945 г. и НККХ УССР от 23—25 декабря 1947 г. о порядке регистрации строений в городах², в ст. 5 закрепляют положение о недробимости жилого дома. Та же мысль выражена в § 39 Инструкции МЮ РСФСР по применению Положения о государственном нотариате РСФСР от 31 декабря 1947 г.³, в §§ 63, 80 Правил совершения нотариальных действий нотариальными конторами УССР⁴.

Практика коммунальных и высших отдельных органов, руководствуясь указаниями директивных органов⁵, твердо придерживается принципа недопустимости раздела строения между совладельцами его в натуре на реальные доли, исходя из понятия строения как единого хозяйственного объекта и архитектурного целого.

В литературе такую же точку зрения поддерживают И. Л. Брауде⁶, С. Н. Братусь⁷, Р. О. Халфина⁸. Признают возможность раздела домовладения между собственниками на конкрет-

¹ Право на строение и сделки по строениям, Госюриздат, М., 1954 г., стр. 10.

² Сб. Жилищное законодательство, 1950 г., стр. 78, Цивильный Кодекс УРСР, 1950 р., dodatki.

³ Сб. Жилищное законодательство, 1950 г., стр. 109.

⁴ 36 Нотариат УРСР, 1946 р., стор. 35—39.

⁵ Инструктивное письмо ГКК Верх. суда РСФСР, 1927 г., № 1, Источники советского гражданского права, 1938 г., т. I, стр. 285; Инструкция НКЮ УССР от 11/VI—1940 г. «Революційне право», 1941 р., № 15—16, стр. 47; Инструкция по применению Положения о государственном нотариате РСФСР, Жилищное законодательство, 1950 г., стр. 109; Правила совершения нотариальных действий нотариальными органами УССР, 36. Нотариат УРСР, 1946 р. стор. 35—39; Приказ НКЮ СССР от 4/XI—1940 г. № 158, сб. Нотариат, 1950 г., стр. 6; Приказ НКЮ СССР от 26 авг. 1942 г. № 83, сб. Нотариат, 1950 г. стр. 27, Инструкция НККХ РСФСР от 25 XII. 1945 г. и Инструкция НККХ УССР от 23—25 дек. 1947 г.

⁶ Указанная работа.

⁷ Учебник Гражданского права, 1947 г., стр. 102.

⁸ Р. О. Халфина, Право личной собственности граждан СССР, М., 1955 г., стр. 72—73.

ные его части М. В. Зимелева¹, Д. М. Генкин², В. Ф. Маслов³, а также Н. Фаустов⁴ и С. Коровкин⁵.

Д. М. Генкин обосновывает свое мнение ссылкой на одно определение Верховного суда за 1939 г., из которого он делает такой вывод: «Поскольку допускается продажа части дома, постольку следует прийти к выводу, что возможен и раздел в натуре дома, находящегося в общей собственности».

С таким выводом согласиться нельзя, так как он расходится с содержанием ст. ст. 61, 65 ГК, а также с практикой коммунальных и нотариальных органов, признающих жилой дом неделимым имуществом.

В. Ф. Маслов, как и М. В. Зимелева, полагает, что делимость дома допустима по общему правилу ст. 65 ГК в тех случаях, когда каждая из частей дома может быть использована самостоятельно, независимо от других частей его и что нет препятствий ни теоретических, ни практических против признания права собственности на реальную часть строения с сохранением общей собственности на неделимые части, что такой раздел полезен тем, что содержание и сохранность реальной части дома только улучшаются, так как каждый из собственников оберегает свою реальную долю как свою собственность; что санкции можно применить к конкретным лицам, виновным в нарушении правил содержания дома; что такой раздел уменьшит число споров по поводу домовладений; что при отчуждении реальной доли легко указать какая конкретная доля отчуждается и, наконец, основное, что раздел дома на реальные доли придает пользованию стабильный характер.

Согласиться полностью с указанными положениями нельзя по ряду соображений. Следует признать правильными замечания рецензентов Г. С. Амерханова и С. М. Корнеева⁶ о слабости предложенной В. Ф. Масловым конструкции права собственности на реальные части строения, связанного с наличием общей собственности на все основные материальные части жилого помещения. И действительно такое двойное право собственника — одно общее — на крышу, фундамент и проч., другое раздельное — на конкретный этаж, квартиру или комнату может только усложнить взаимоотношения между сособственниками и затруднит со-

¹ Общая собственность, Ученые записки ВЮОН, в. II. 1941 г., стр. 85—89.

² Гражданское право, 1944 г., т. I, стр. 243.

³ Вопросы общей собственности на жилой дом в судебной практике, Ученые записки Харьковского юридического института, 1954 г., в. V, стр. 154—156.

⁴ О реальном разделе домовладений, журн. «Социалистическая законность», № 5, 1955 г., стр. 35—37.

⁵ С. К о р о в к и н, Против формального понимания законов, журн. «Социалистическая законность», № 10, 1955 г.

⁶ Вопросы гражданского и семейного права в ученых записках юридических вузов за 1954 г. «Советское государство и право», 1955 г., № 5, стр. 137—144.

держание дома в исправности. Необходимо также отметить, что В. Ф. Маслов несколько непоследователен в вопросе о допустимости деления дома на реальные части.

Так, в изданной в том же 1954 году работе В. Ф. Маслова «О праве личной собственности на жилой дом в городе и рабочем поселке»¹ автор утверждает, что реальный раздел домовладения возможен только в случае, когда домовладение состоит из нескольких жилых строений и когда исполком местного Совета находит возможным произвести такой раздел и дальше заявляет: «В домовладениях, которые не могут быть разделены на несколько самостоятельных домовладений, собственники могут производить только распределение пользования отдельными частями домовладений (этажами, квартирами, комнатами, сараями)». В статье «Вопросы общей собственности на жилой дом в судебной практике»² В. Ф. Маслов обосновывает противоположную точку зрения, выдвинутую им еще в 1952 году в диссертационной работе (В. Ф. Маслов, Право личной собственности на жилой дом граждан СССР, Автореферат), т. е. считает возможным раздел жилого дома на реальные части.

Не в пользу мнения автора говорит и выдвинутый В. Ф. Масловым критерий возможности такого раздела. На стр. 156 Ученых записок В. Ф. Маслов пишет, что делимость дома возможна в тех случаях, когда каждая из самостоятельных частей его может быть использована (подч. А. С.) самостоятельно, независимо от других частей его.

Пользование долей это только одно из правомочий собственника и одного этого правомочия недостаточно для определения содержания права собственности на реальную часть жилого дома, так как такое правомочие может иметь и наниматель. И как раз именно этот критерий вполне пригоден для решения вопроса о распределении между собственниками пользования отдельными частями домовладения, иначе говоря, этот критерий делимости жилого дома как раз обосновывает правильность позиции о неделимости дома, изложенной В. Ф. Масловым в его популярной брошюре «Право личной собственности на жилой дом в городах и рабочих поселках».

Преследуемая (по мнению В. Ф. Маслова) реальным разделом цель — установление стабильности пользования частями жилого дома — в большей степени достигается установлением между сособственниками права пользования отдельными частями домовладения, а не разделом дома на реальные части. Если исходить из потребительского характера права личной собственности, то личное владение и особенно личное пользование домом следует признать основным правомочием собственника, поэтому деятельность всех органов государства должна в первую очередь обес-

¹ Госюриздат, М., 1954 г., стр. 84—85.

² Ученые записки Харьковского юридического института, в. 5, 1954 г., стр. 15.

печить осуществление личным собственником этого правомочия. Из этого следует сделать вывод о том, что в отношениях между сособственниками жизненно необходимым является не раздел дома на реальные части, а распределение пользования отдельными частями домовладения (этажами, квартирами, комнатами и служебными постройками).

Установление конкретного права пользования уменьшит число споров между сособственниками, обеспечит сохранность жилого дома в целом и каждой квартиры или комнаты в отдельности и, поскольку доля в пользовании в основном будет соответствовать доле в праве собственности, то при продаже части дома стороны всегда смогут указать в договоре размер отчуждаемой доли в праве и реальную долю в пользовании, от чего стабильность права пользования других сособственников не будет поколеблена.

Некоторые практические работники нотариальных органов¹ признают желательным удовлетворение просьб граждан об указании в договорах об отчуждении строения реальной части дома, мотивируя это соображением тем, что каждый из сособственников заинтересован в документальном закреплении за собой в собственность той части строения, которой он будет пользоваться или пользуется. Однако такое мнение противоречит указаниям директивных органов², а просьбы граждан о документальном закреплении за ними части строений, фактически занимаемых сособственниками или поступающих в пользование покупателей можно удовлетворить путем оформления договора о конкретном пользовании, в котором будут указаны закрепляемые в пользование за каждым собственником реальные части дома, соответствующие их долям в праве.

Установление права конкретного пользования домовладением получает все большее признание среди граждан и поэтому вопросы о распределении права пользования все чаще и чаще встречаются в практике нотариальных и судебных органов. Нотариальные органы оформляют договоры о конкретном пользовании в тех случаях, когда сособственники по взаимному соглашению договариваются о распределении среди них в пользование отдельных квартир, комнат и служб и желают оформить это соглашение в

¹ С. К о р о в к и н, Против формального понимания закона, журн. «Социалистическая законность», 1955 г., № 10, стр. 38 и другие.

² Инструктивное письмо ГKK Верховного суда РСФСР, 1927 г., № 1, Источники советского гражданского права, 1938 г., том I, стр. 285; Инструкция НКЮ УССР от 11/VI—1940 г. «Революційне право», 1941 р. № 15—16, стр. 47; Инструкция по применению Положения о государственном нотариате РСФСР, Жилищное законодательство, 1950 г. стр. 109; Правила совершения нотариальных действий нотариальными органами УССР, сб. Нотариат УРСР, 1946 р, стор. 35—39; Приказ НКЮ СССР от 4/XI—1940 г., № 158, сб. Нотариат, 1950 г., стр. 6; Приказ НКЮ СССР от 26 августа 1942 г., № 83, сб. Нотариат, 1950 г., стр. 27; Инструкция НККХ РСФСР от 25 декабря 1945 г. и Инструкция НККХ УССР от 23—25 декабря 1947 г.

нотариальном порядке. Обычно это бывает при переходе жилого дома в порядке наследования к нескольким наследникам, при покупке жилого дома сообща несколькими лицами, при покупке доли в праве собственности на жилой дом.

Нотариусы, совершая нотариальные действия по поводу домовладения, при наличии сособственников, должны рекомендовать им заключать договоры конкретного пользования для предотвращения возможных в будущем споров. До недавнего времени договоры о конкретном пользовании, в соответствии с правилами совершения нотариальных действий¹, оформлялись всегда в виде отдельных договоров, не связанных с договором об отчуждении домовладения или части его. Такое двойное оформление прав сособственников было неудобным (оно было связано с составлением двух отдельных проектов договоров, несением двойных расходов по составлению проектов и по удостоверению договоров), поэтому сейчас, в соответствии с разработанными в 1955 г. Министерством юстиции СССР формами договоров² вводится практика одновременного оформления отчуждения домовладения по частям или части его и соглашения о конкретном пользовании в одном договоре.

Поскольку общая собственность возможна в двух видах — долевая и совместная, в судебной практике также встречаются дела по спорам о разделах как долевой, так и совместной собственности.

Раздел совместной собственности супругов на жилой дом по долям в практике нарсудов сравнительно редкий случай, так как совместное имущество супругов обычно делится при разводе облсудом, раздел же имущества супругов без развода производится в исключительных случаях: когда супруги фактически прекратили брачные отношения, когда они проживают раздельно, когда один из супругов ущемляет имущественные права другого супруга, а также при необходимости обращения взыскания на имущество одного из супругов. В случае раздела жилого дома, нажитого супругами в период брака, совместная собственность супругов на основе судебного решения преобразуется в общую долевую собственность супругов. Такого рода споры решаются судами на основании ст. 10 КЗоБСО РСФСР (ст. 125 в Кодексе УССР) обычно с распределением совместного имущества между супругами в равных долях. Иногда встречаются случаи отступления от правил ст. 10 КЗоБСО РСФСР (ст. 125 — в Кодексе УССР) о порядке

¹ § 64, ч. II Правил совершения нотариальных действий нотариальными конторами УССР, сб. Нотаріат УРСР, 1946 р., стр. 35; Примерные формы договоров в нотариальных органах, М. 1950 г., стр. 152; Нотариальные действия, Пособие для работников Государственных нотариальных контор, М., 1954 г., стр. 35.

² Сб. Альбом образцов договоров, доверенностей, заявлений, Министерство юстиции СССР, 1955 г., стр. 6.

определения размера долей. Принцип равенства долей применяется судами и в тех случаях, когда один из супругов некоторое время по уважительным причинам не участвовал ни трудом, ни средствами в приобретении совместного имущества и в ведении общего хозяйства. Так, нарсуд 8 участка Ленинского района Харькова по делу 2—437 решением от 8 июня 1955 года признал за истицей Ильговой Ф. А. право собственности на половину домовладения, построенного в период пребывания ее в браке с ответчиком Ильговым П. Е., несмотря на то, что истица в течение ряда лет в виду тяжелого заболевания находилась в больнице и не могла участвовать ни в строительстве дома, ни в ведении общего хозяйства в целом. Такое решение суда представляется совершенно справедливым, ибо в жизни любой семьи участие супругов в ведении общего хозяйства нормировать невозможно, к тому же нельзя игнорировать обстоятельство, помешавшее одному из супругов трудиться.

В практике бывают случаи приема судами заявлений о разделе домовладения между супругами в нарушение ст. 2 ГК и ст. 10 КЗоБСО (ст. 125 в Кодексе УССР), т. е. возбуждение дел в суде при отсутствии между собственниками споров о порядке пользования домом, при отсутствии спора о размере долей. Граждане обращаются в суд в этих случаях не за разрешением спора, а с целью документального оформления своих прав в общем имуществе.

Так, нарсуд 3-го участка Октябрьского района Харькова вынес решение по делу 2-615-55 по иску Степаненко Василия к его жене Степаненко Екатерине о праве пользования домовладением, хотя из обстоятельств дела видно, что истец просил предоставить ему в пользование любую часть дома, а ответчица никаких возражений не заявила.

Тот же нарсуд, по делу 2-898/55 по иску Батый Андрея к его жене Батый Пелагее о разделе домовладения в порядке ст. 125 КЗСОБ УССР, вынес решение, определив долю каждого из супругов в общем домовладении, хотя спора о размере долей между сторонами не было.

Такую практику судов следует признать ошибочной. Все разделы домовладений между супругами по долям (в порядке ст. 10 КЗоБСО РСФСР, ст. 125 КЗСОБ УССР) как и разделы о порядке пользования частями общего домовладения, при отсутствии и между супругами споров о размере долей или о порядке пользования должны оформлять не суды, а нотариальные конторы путем удостоверения договоров о разделе совместного имущества в соответствии со ст. 10 КЗоБСО РСФСР (125 УССР) и ст. 43 Положения о Государственном Нотариате УССР от 26 декабря 1956 г. по долям или о разделе пользования.

По сравнению с исками о разделе домовладений между супругами, в судебной практике гораздо чаще встречаются иски о разделе домовладений, принадлежащих собственникам по долям. Причем указания Верховного суда СССР по отдельным делам, опубликованные в 1951, 1953, 1954 и 1955 г. г. в основном ориентируют нижестоящие суды на производства раздела пользования общим домовладением¹.

Практика местных судов в этих вопросах не всюду является единообразной в связи с отсутствием специальных указаний в законе и наличием спора в литературе. Отрицательно сказывается на практике также отсутствие руководящих указаний Пленума Верховного суда СССР по данной категории дел.

Изучение практики нарсудов г. Харькова позволяет сделать вывод о том, что нарсуды разрешают споры о разделе домовладений между сособственниками в основном в соответствии с практикой, проводимой Верховным судом СССР, т. е. распределяют между сособственниками пользование отдельными частями домовладений (этажами, квартирами, комнатами и обслуживающими строениями). Однако отсутствие специальных указаний в законе, наличие спора в правовой литературе отрицательно сказалось и на судебной практике нарсудов Харькова. Но все же ошибок и колебаний в решении основного вопроса — вопроса о том следует ли распределять между сособственниками конкретные части домовладения в пользование или распределять конкретные квартиры и комнаты между соучастниками в собственность — не было. Во всех случаях в решениях суда говорилось о распределении пользования домовладением, хотя наименование данной категории дел было часто неправильным и терминология в исковых заявлениях, протоколах и определениях была явно не выдержанной.

Так, в нарсуде 8-го участка Ленинского района Харькова дело № 2-708-55 именуется как иск Островерхова У. А. к Бражниковой Н. Н. о реальном разделе домовладения, в решении же по этому делу говорится о разделе права пользования.

Дела № 2-8, 2-749, 2-967, 2-1080, рассмотренные в 1955 году нарсудом 7-го участка Ленинского района именуются делами о реальном разделе домовладения, а в резолютивной части решений по этим делам указано о распределении между сособственниками права пользования конкретными помещениями.

С другой стороны, в народном суде 3-го участка Октябрьского и 3-го участка Краснозаводского районов г. Харькова дела данной категории квалифицируются правильно, как дела о разделе пользования домовладением.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР, 1951 г., №—10, д. 36/676; 1952 г., №—8 д. 03/312; 1953 г. №—3, д. 03/128; 1954 г. №—5, д. д. 03/1091—54, 03/237—54; 1955 г., № 4, д. 03/184—54.

Изучение практики Верховного суда СССР показывает, что и судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР также не совсем последовательна в этом вопросе. Так, в определениях по делам № 36/1198 за 1951 г.¹ №№—03/1091; 03/273 за 1954 г.² и в других случаях, дела именуются как споры о разделе дома, а в мотивировочной и резолютивной части определений говорится то о разделе дома в натуре, то о выделе в порядке пользования части дома, о закреплении в порядке пользования частей дома. Такого рода нечеткость в терминологии, допускаемая Верховным судом СССР, не способствует установлению единой терминологии в практике низовых звеньев судебной системы.

По большинству изученных дел нарсуды основывали свои решения ссылкой на ст. 65 ГК, что представляется неправильным так как правила ст. 65 регулируют раздел общей собственности, а не распределение пользования частями ее. Далее при разделах, производимых на основании ст. 65 ГК общая собственность на имущество прекращается, а при распределении между собственниками пользования общей собственностью — право общей собственности остается нерушимым. Правильнее было бы основывать решения о праве пользования домовладением ссылкой на ст. ст. 2,58 и 62 ГК РСФСР (ст. ст. 2,58, 62 ГК УССР), так как решением суда защищается возможность осуществления правомочия пользования имуществом в случаях, когда сособственники добровольно, в бесспорном порядке, не смогли установить порядок пользования.

Применение нарсудами ст. 65 ГК, а также некритическое использование ими заключений бюро технической инвентаризации, вызвало еще одну ошибку, заключающуюся в присуждении (по некоторым делам) денежной компенсации наряду с распределением пользования домовладением в тех случаях, когда выделенная в пользование часть дома не соответствовала размеру доли в праве. Хотя Верховный суд СССР не раз указывал, что размер находящихся в пользовании каждого собственника помещений дома не должен обязательно соответствовать размеру их доли в праве общей собственности, так как практически не всегда возможно соблюдение такого соответствия, к тому же от него возможны отступления, в связи с учетом нуждаемости отдельных сособственников в жилье, — однако эти указания восприняты не всеми судами. Так, например, нарсуд 7-го участка Ленинского района г. Харькова по делу № 2-8 по иску Желтухиной к Белозоровым и Гуденко о разделе пользования домовладением присудил с ответчиков Гуденко в пользу истицы Желтухиной 274 рубля как компенсацию за излишек жилплощади, а по такому же иску Воронцова Н. Г. к Чистяковой и Золотько (дело 2-749/55) обязал

¹ «Судебная практика», 1951 г., №—3, стр. 33.

² «Судебная практика», 1954 г. №—5, стр. 30—32.

истца за переданный в его пользование излишек жилых и нежилых помещений выплатить ответчикам 1165 рублей, чем суд фактически увеличил доли одних соучастников без всяких к тому поводов и оснований, так как вопрос об изменении доли в праве собственности не возбуждался.

Присуждение компенсации представляется возможным лишь в случае, когда стоит вопрос о разделе общей собственности, производимом на основании ст. 65 ГК. Если же при распределении пользования домовладением создается значительное несоответствие доли пользования — доле в праве, то только при наличии согласия сторон по делу на перераспределение долей с выплатой компенсации, следует ее присуждать, полагая, что согласие сторон на выплату компенсации за излишек передаваемой площади означает согласие на покупку — продажу определенной части своей доли на строение. При этом суд должен в решении указать об изменении долей собственников в праве общей собственности.

В практике народных судов г. Харькова изредка встречаются случаи вынесения решений без учета существенных обстоятельств дела.

Так, например, нарсуд 7-го участка Ленинского района по делу № 2-967/55 по иску Удовикова Петра Емельяновича к своей бывшей жене Удовиковой Евдокии Ивановне и к ее отцу Антипову И. А. решением установил такой порядок пользования общим домовладением, при котором две неприязненно настроенные по отношению друг к другу семьи будут иметь некоторые помещения в общем пользовании, что постоянно будет вызывать ссоры между ними. Кассационную жалобу Удовиковой Е. И., по этому поводу Харьковский областной суд оставил без удовлетворения (определения Харьковского областного суда № 4684 от 4 ноября 1955 года), а доводы кассатора — без ответа. Ошибка нарсуда не была исправлена, а ошибочное решение до сих пор остается неисполненным.

По общему правилу нарсуды Харькова при распределении пользования домовладениями между сособственниками, учитывая данные акта обследования домовладения Горбюро технической инвентаризации, генерального плана, поэтажных планов, выписок из журнала внутренних обмеров и подсчета площадей всех помещений домовладения, вычисляют полагающуюся каждому из сособственников жилую и не жилую площадь с учетом доли в праве каждого совладельца и, сопоставляя данные вычислений с размерами площади, занимаемой каждым из сособственников, решают вопрос о том, какой вариант раздела, из числа предложенных в акте обследования, обеспечит лучшее соотношение между долей в праве и долей в пользовании. При этом нарсуды стремятся распределять пользование таким образом, чтобы избежать больших затрат на перепланировку и переоборудование и вместе с

тем учесть пожелания сособственников, нуждаемость каждого из них в жилплощади, характер взаимоотношений между сособственниками и другие обстоятельства.

*
*
*

При разрешении споров о праве пользования домовладением суды, в том числе и нарсуды Харькова, обсуждают и разрешают также и вопрос о распределении пользования земельным участком, хотя бы в исковом заявлении просьбы об этом не было. Такую практику следует признать правильной. Несмотря на то, что земельный участок представляется не в собственность, а в пользование, он все же входит в состав домовладения (см. ст. 5 Инструкции НККХ РСФСР, Инструкции НКХ УССР о регистрации домовладений)¹, домовладение без земельного участка немыслимо, поэтому, поскольку иск предъявляется о разделе домовладения в пользование, суды вправе и обязаны при этом разрешать вопрос и о разделе пользования земельным участком.

Исключение из этого правила возможно только в случае, если собственники сами установили порядок пользования земельным участком и при распределении судом пользования строениями домовладения можно этот порядок оставить без изменения. При распределении пользования земельным участком суды, руководствуясь циркуляром НККХ и НКЮ РСФСР № 50—а/14 от 13 марта 1936 года² и установившейся судебной практикой, разрешают вопросы о праве землепользования сособственников с учетом существующих санитарных, строительных и противопожарных правил, с учетом размеров долей соучастников в праве на домовладение, с учетом размера и конфигурации участка и пр. При этом суды в первую очередь обеспечивают общие для всех сособственников, проживающих в данном домовладении, интересы и интересы общественные, выделяя площадь двора для служебных построек, выходов и выезда на улицу, которая остается в общем пользовании, а оставшаяся часть земельного участка (сад, огород, цветник) распределяется в пользование между сособственниками. При наличии возможностей суды распределяют пользование земельным участком таким образом, чтобы обеспечить для каждого сособственника самостоятельный выход на улицу и на выделенную ему часть участка, а если это невозможно, — стараются закрепить в пользование каждого сособственника ту часть земельного участка, которая прилегает к части выделенного ему в пользование домовладения.

При разделе пользования земельным участком суды всегда принимают во внимание: кем из сособственников произведены улучшения определенной части земельного участка (выравнива-

¹ Жилищное законодательство, Госюриздат, 1950 г., стр. 78.

² Жилищное законодательство, Госюриздат, 1950 г., стр. 442.

ние участка, привоз плодородной земли, внесение удобрений); кем произведена посадка плодовых насаждений и кто осуществляет уход за ними. По общему правилу нарсуды Харькова присуждают в пользование сособственника домовладения ту часть земельного участка, на которой находятся посаженные лично им плодовые насаждения. Харьковский областной суд не допускает нарушений этого правила. Так, например, Нарсуд 7 участка Ленинского района по иску Золотько-Воронцова к Чистяковой и Воронцовой, рассмотренному в декабре 1955 г., отказал истцу в его просьбе о закреплении за ним в пользование части земельного участка площадью в 49 кв. м., на котором росли посаженные им 7 штук сливовых деревьев, мотивируя отказ тем, что эта часть земельного участка — единственный зеленый уголок двора, где обычно играют все дети жильцов данного дома, и поэтому он должен быть оставлен в общем пользовании всех сособственников. Харьковский Областной суд по жалобе истца, отменил это решение, указав нарсуду на нарушение прав истца в пользовании той частью участка, в которую он вложил труд и средства для выращивания плодовых деревьев.

Если раздел в пользование земельного участка невозможен, в решении указывается, что земельный участок остается в общем пользовании всех проживающих в данном домовладении сособственников.

При распределении или перераспределении земельных участков суды обычно учитывают доли сособственников в праве собственности на домовладение, однако полную соразмерность в пользовании земельным участком и долей в праве на домовладение или в праве пользования частью строений не всегда устанавливают, так как это иногда практически невозможно, а иногда нецелесообразно ввиду того, что порядок пользования совладельцами общим земельным участком сложился много лет назад и нарушать его только по причине несоразмерности нет смысла.

Отказывают суды в исках о перераспределении пользования земельным участком по мотивам несоразмерности и в тех случаях, когда перераспределение будет связано с большими непроизводительными затратами по переносу служб (сарая, погребов и проч.) и плодовых насаждений¹.

Верховный суд СССР не раз указывал на то, что изменение доли в праве собственности на домовладение, например, вследствие пристройки квартиры к дому или постройки флигеля на том же участке, не создает для этого сособственника права требовать перераспределения пользования земельным участком².

Изложив особенности разрешения дел о разделе права общей собственности по долям и дел об установлении порядка

¹ Определение Верх. суда СССР по делу № 03/1120-53, «Судебная практика», 1954 г., № 3, стр. 43-44.

² «Судебная практика», 1955 г., №3, стр. 37, Определение № 3/1102-54 по иску Закриничного к Михно и др.

пользования реальными частями общего домовладения, следует отметить также и отличие в последствиях разрешения этих дел. На основе решений о разделе права общей собственности по долям должны быть внесены соответствующие изменения в реестровых книгах бюро инвентаризации. Решения, устанавливающие только порядок пользования частями строений и земельным участком, таких последствий не вызывают, так как они не меняют доли в праве собственности.

* *

Изучение дел по спорам о разделах домовладений позволяет сделать следующие выводы:

1. Судебная практика в основном подтверждает правильность мнения о недопустимости раздела общего домовладения между его совладельцами на конкретные части в собственность и дает основание считать приемлемым только раздел пользования частями домовладения.

2. Неправильным в практике нарсудов является принятие к производству суда и разрешение бесспорных дел о разделе домовладения по долям между супругами и о разделе пользования общим домовладением.

Эти вопросы должны разрешаться в нотариальных органах путем заключения договоров о разделе совместного домовладения по долям и договоров о конкретном пользовании общим домовладением.

3. В виду отсутствия в законе ясных указаний по вопросу о разделах домовладений, в виду наличия спора в литературе по этому вопросу, а также в связи с тем, что не все суды единообразно решают споры о разделах, признать желательным получение руководящих указаний Пленума Верховного суда СССР по данной категории дел.

А. А. СЕРГИЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА В СВЯЗИ С ПРИЧИНЕНИЕМ УВЕЧЬЯ РАБОЧИМ И СЛУЖАЩИМ.

1. «Сопряжение» ст. ст. 403, 404 ГК со ст. ст. 413—415 ГК.

Забота Партии и Советского Правительства о здоровье трудящихся вызывает усиленный интерес к вопросу о правовых средствах наиболее полного обеспечения прав трудящихся, потерпевших увечье. Поэтому за последние годы дела по искам о возмещении ущерба, причиненного здоровью трудящихся (увечья), привлекают к себе большое внимание как судебной практики, так и юридической литературы.

При анализе этой категории дел естественно следует выяснить, подлежат ли они разрешению только лишь на основании ст. ст. 413, 414, 415 ГК, специально посвященных ответственности за повреждение здоровья, или же следует руководствоваться также и общими нормами, установленными в ст. ст. 403, 404 ГК. Применение наряду со ст. ст. 413—415 ГК также ст. 403 ГК либо ст. 404 ГК получило в литературе наименование «сопряжения».

Проблема «сопряжения» имеет значение не только для судебной практики. В зависимости от решения вопроса о «сопряжении» будет решен и вопрос о том, следует ли в будущем при пересмотре ГК устанавливать специальные правила для решения такого рода дел, или можно будет ограничиться ссылкой на общие положения об обязательствах из причинения вреда, добавив лишь некоторые специфические нормы, пригодные для дел о причинении вреда здоровью. Если сторонники «сопряжения» правы и нормы ст. ст. 413 и 414 ГК содержат лишь некоторые исключения из общих правил, тогда надо будет решить вопрос о целесообразности сохранения таких исключений.

В литературе, при наличии множества вариантов, создались две основные точки зрения: одни считают такое «сопряжение» естественным выводом из общего смысла главы XIII Обязатель-

ственного права ГК, по мнению других — противников «сопряжения» — самое существование специальных статей 413—415 ГК говорит о том, что в них речь идет об особых правилах и, следовательно, «сопряжения» быть не должно.

При всей спорности этого вопроса нет сомнения в том, что общие условия ответственности за причинение вреда, равно как и случаи освобождения от такой ответственности, регулируются ст. ст. 403—404 ГК, в связи с чем изолированное применение ст. ст. 413—415 ГК, которые не содержат подобных условий, вообще невозможно.

Несмотря на вескость этого общего аргумента, вплоть до настоящего времени некоторые авторы считают, что «сопряжение» ст. ст. 413—415 ГК невозможно ни со ст. 403 ГК, ни со ст. 404 ГК¹.

Другие авторы полагают возможным «сопряжение» ст. 413 ГК со ст. 403 ГК, но не со ст. 404 ГК².

Третьи авторы утверждают, что ст. 413 ГК не может «сопрягаться» ни со ст. 403 ГК, ни со ст. 404 ГК, но такое «сопряжение» необходимо для ст. ст. 414, 415 ГК, которые должны применяться либо со ст. 403 ГК, либо со ст. 404 ГК³.

Наконец, четвертые авторы стоят на точке зрения «универсального сопряжения», т. е. считают возможным и необходимым «сопряжение» ст. ст. 413—415 ГК либо со ст. 403 ГК, либо со ст. 404 ГК⁴.

Здесь нет необходимости останавливаться подробно на каждой из четырех изложенных выше точек зрения, так как не в этом мы видим свою задачу. Выясним лишь те причины, которые приводят к такой пестроте во взглядах на возможность «сопряжения».

Прежде всего следует отметить, что различные суждения авторов по указанному вопросу исходят из различного понимания ими характера ст. ст. 413—415 ГК.

Авторы, отстаивающие невозможность «сопряжения» ст. ст. 413—415 ГК ни со ст. 403 ГК, ни со ст. 404 ГК, исходят из того, что ст. ст. 413—415 ГК являются самостоятельными статьями, не отсылающими ни к какой другой норме.

Сторонники «универсального сопряжения», наоборот, полагают, что ст. ст. 413—415 ГК не являются самостоятельными нормами.

¹ См. Н. С. Малеин «Об ответственности за вред, причиненный жизни или здоровью застрахованного», «Советское государство и право» 1953 г. № 6 с. 137.

² Г. К. Матвеев «О вине как основании деликтной ответственности», «Наукові записки» Київського Державного Університету, том IX, вип. IV, Юридичний збірник 1950 р. № 4, с. 75.

³ Б. Б. Черепашин — рецензия на книгу Б. С. Антимонова «Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности», «Советское государство и право», 1953 г., № 6, с. 183.

⁴ Б. С. Антимонов «Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности», М. 1952 г., с. 121.

Е. А. Флейшиц «Основные вопросы гражданской ответственности за повреждение здоровья» «Ученые записки», ВЮОН, вып. I, 1955 г. с. 8—10.

Авторы, стоящие на промежуточной точке зрения, полагают, что несамостоятельный характер носят лишь ст. ст. 414, 415 ГК, тогда как ст. 413 ГК является самостоятельной статьей.

Другим обстоятельством, обусловившем различные суждения о «сопряжении», является различный взгляд на отличие ст. 403 ГК от ст. 404 ГК.

Противники «универсального сопряжения» сводят различия между ст. 403 ГК и ст. 404 ГК лишь к тому, что по ст. 403 ГК наступает ответственность *за вину*, а по ст. 404 ГК — *и без вины*. Между тем сторонники «универсального сопряжения» указывают на то, что различие между ст. 403 ГК и ст. 404 ГК нельзя сводить к этому обстоятельству, поскольку смысл ответственности по ст. 404 ГК заключается в том, что по этой статье несет ответственность владелец «источника повышенной опасности»¹ (*за вину и без вины*). Кроме того, сторонники «универсального сопряжения» приводят и другие существенные различия между ст. 403 ГК и ст. 404 ГК, указывая на сокращенный срок исковой давности (2 года) по ст. 404 ГК², на отсутствие в ст. 404 ГК такого основания освобождения от ответственности, как правомочие на причинение вреда, содержащегося в ст. 403 ГК³.

Таковы основные причины, приведшие к различному пониманию возможности «сопряжения», различными авторами — цивилистами.

Хотя судебная практика Верховного Суда СССР, как это показали Б. С. Антимонов и Е. А. Флейшиц⁴, идет по пути «универсального сопряжения» и по этому же пути идет также судебная практика Верховного суда УССР⁵, областных⁶ и народных судов⁷, однако это еще не означает, что «универсальное сопряжение» радикально разрешает вопрос об условиях ответственности за причиненный вред здоровью рабочих и служащих.

Да и вообще возникает сомнение в необходимости сохранения ст. ст. 412—415 ГК при пересмотре гражданских кодексов союзных республик.

По этому вопросу вряд ли можно поддержать точку зрения Е. А. Флейшиц о том, что ст. ст. 412—415 ГК исходят из общих начал, выраженных в первых статьях главы XIII ГК¹. На самом

¹ Понятия «источника повышенной опасности» мы не касаемся.

² В ст. 404 ГК УССР нет сокращенного срока исковой давности.

³ Б. С. Антимонов, цитированная работа с. 123

⁴ См. определения Верховного Суда СССР, приведенные Б. С. Антимоновым в его работе «Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности» 1952 г. с. 121-122, а также определения Верховного Суда СССР, приведенные Е. А. Флейшиц в цитированной работе на с. 9-10.

⁵ См. определения Верховного Суда УССР по делам № 06—3354 п/53 г., № 06-3519/53 г. и др.

⁶ См. определения Харьковского облсуда по делам № 5389/53 г., № 3893/54 г., № 4049/54 г., № 1186/55 г. и др.

⁷ См. решения: нарсуда 1 уч. Ленинского района г. Харькова по делу № 2-798/53 г., нарсуда 2 уч. Кагановичского района г. Харькова по делу № 2-336/56 г. и др.

деле статьи 412—415 ГК стоят вне общих принципов ответственности за вред по ГК, определяя не условия возложения ответственности за причиненный вред здоровью, а лишь условия возникновения права на «дополнительное требование». Это дополнительное требование возникает не из принципов ответственности за вред, а из существования особого порядка обеспечения пострадавшего путем социального страхования (социального обеспечения).

Как известно, ст. ст. 413, 414, 415 ГК исходят из разграничения ответственности страхователя и нестрахователя перед застрахованными и незастрахованными лицами, которым причинен вред. Необходимость такого разграничения возникла в свое время в связи с условиями деятельности органов социального страхования в период издания ГК.

ГК был издан в период НЕПа, когда социальное страхование применялось также на частных предприятиях. Страхователь уплатой страховой премии освобождал себя от гражданской ответственности за возможное причинение вреда здоровью застрахованного им работника. Ответственным за вред, причиненный здоровью застрахованного являлся лишь страховщик, уплачивавший потерпевшему возмещение за счет страховых взносов страхователя. Это правило и было сформулировано в ст. 412 ГК.

Из этого общего правила допускалось существенное исключение, заключавшееся в том, что если страхователь своим преступным действием или бездействием причинил вред здоровью застрахованного лица, то страховщик мог требовать от страхователя уплаты выплаченных потерпевшему сумм (регресс), а потерпевший мог требовать от причинителя вреда (страхователя) дополнительное возмещение.

Это правило было сформулировано в ст. 413 ГК, которая являлась, таким образом, исключением из ст. 412 ГК, устанавливавшей гражданскую безответственность страхователя перед потерпевшим увечье застрахованным лицом.

Если же вред здоровью был причинен потерпевшему не страхователем, то ответственность носила иной характер. За причиненный вред здоровью застрахованного работника ответственность нес в конечном итоге не соцстрах, а причинитель, причем эта ответственность наступала вне зависимости от наличия гражданской либо уголовной вины причинителя вреда, безразлично причинен ли вред обычной деятельностью или же действием источника повышенной опасности.

Так понималась ст. 414 ГК в первое время как в теории, так и в судебной практике².

Таким образом, в силу специфики социального страхования в 1922 году между гражданской ответственностью страхователя и нестрахователя существовала резкая грань.

¹ Е. А. Флейшиц, цитированная работа, с. 9.

² См., например, «Практика Найвищого суду УРСР в справах покалічених», Харків, 1930 р. с. 9 /дело № 5/ и др.

Однако, столь резкое отграничение двух видов ответственности, вполне пригодное при наличии частных предприятий, нельзя было применять полностью к ответственности социалистических организаций перед потерпевшим, когда частных предприятий больше не существовало.

В связи с этим судебная практика провела большую и длительную работу для того, чтобы приспособить правила ст. ст. 413 и 414 ГК к новой обстановке. Для этого пришлось вложить в эти статьи несколько иной смысл, чем это предполагалось при создании Гражданского Кодекса.

Понятие уголовной вины, ранее вкладываемое в слова «преступное действие или бездействие страхователя» (ст. 413 ГК), было вскоре заменено понятием административного проступка¹, а затем понятием обычной гражданской вины², что значительно расширило гражданскую ответственность страхователя по ст. 413 ГК. В то же время в связи с победой принципа «вины»³ условием применения ст. 414 ГК также стала вина (если вред причинен не источником повышенной опасности), что естественно, сузило ответственность по ст. 414 ГК. Однако, это сближение в принципах ответственности по ст. 413 ГК и ст. 414 ГК не стало полным их отождествлением, так как согласно установившейся судебной практике при причинении вреда источником повышенной опасности эта ответственность для страхователя и нестрахователя осталась все же различной. Дело в том, что при причинении вреда источником повышенной опасности, владелец которого является страхователем потерпевшего (т. е. при «сопряжении» ст. 404 ГК и ст. 413 ГК), гражданская ответственность наступает лишь при наличии вины владельца источника повышенной опасности. Между тем при причинении вреда источником повышенной опасности, владелец которого не является страхователем потерпевшего (т. е. при «сопряжении» ст. 404 ГК со ст. 414 ГК), гражданская ответственность наступает и без вины владельца источника повышенной опасности.

Насколько правильна эта судебная практика и следует ли ее сохранять в дальнейшем? Большинство авторов высказывается против сохранения такой судебной практики.

Нельзя не отметить, что различия, установленные судебной практикой для ответственности страхователя и нестрахователя при причинении вреда источником повышенной опасности, являются довольно шаткими. Действительно, ничем нельзя объяснить, в том числе и ссылкой на особенности социального страхования в 1922 году, такое несуразное положение, когда лица, застрахованные владельцем источника повышенной опасности, оказываются в худ-

¹ Циркуляр Верховного суда РСФСР от 18 июля 1924 г. № 18, п. 2.

² п. 18 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г.

³ Мы не касаемся этого вопроса подробно, о чем, см., например, у Б. С. Антимонава «Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении» 1950 г., с. 10-21.

шем положении, нежели лица, посторонние для данного владельца, хотя застрахованные лица прежде всего и в большей мере испытывают на себе риск производственной травмы в связи с действием данного источника повышенной опасности.

Ограничение ответственности страхователя — владельца источника повышенной опасности — противоречит общему правилу о повышенной ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности и не должно быть сохранено¹.

Такое ограничение ст. 404 ГК в настоящее время ничем не оправдывается и даже более того — оно противоречит духу советского закона и, в частности, — нового Закона о пенсиях, принятого Верховным Советом СССР 14 августа 1956 г. Как известно, новый Закон о пенсиях вносит существенные улучшения в дело пенсионного обеспечения граждан СССР, в том числе и граждан, ставших инвалидами в связи с увечьем. Новый Закон о пенсиях, исходя из интересов граждан, увеличил размер пенсий инвалидам, а также расширил круг лиц, имеющих право на пенсию.

Поскольку институт пенсионного обеспечения тесно связан с институтом возмещения вреда, следует полагать, что интересы потерпевшего увечье должны найти более полную защиту и в ГК. В тех случаях, когда вред причинен действием источника повышенной опасности, интересы потерпевшего увечье будут более полно защищены, если для возложения ответственности не потребуются установления вины причинителя вреда. Конечно, это поведет в первое время к некоторому повышению денежных расходов государственных предприятий. Однако, можно думать, что это повышение будет крайне незначительным.

Во-первых, судебная практика уже и сейчас настолько широко толкует понятие вины администрации предприятия — владельца источника повышенной опасности, — что отказ в иске по мотиву отсутствия этой вины при наличии малейших признаков противоправного поведения администрации встречается крайне редко. По данному вопросу в литературе справедливо было отмечено, что судебная практика растворила понятие вины администрации в понятии ее противоправного поведения².

Во-вторых незначительное увеличение количества удовлетворенных исков и, следовательно, размера взыскиваемых сумм, будет компенсировано уменьшением размера дополнительного возмещения в связи с увеличением размера пенсий по новому Закону от 14 июля 1956 года.

Наконец, некоторое усиление ответственности предприятий будет стимулировать улучшение общей постановки дела охраны

¹ Подобное соображение было высказано рядом цивилистов: Г. К. Матвеевым — цитированная работа, с. 76. О. С. Иоффе «Ответственность по советскому гражданскому праву» 1955 г., с. 283. Е. А. Флейшиц — цитированная работа, с. 26 и другими.

² См. об этом, например, у О. С. Иоффе «К вопросу об объеме возмещения в делах о причинении увечья» — Вестник ЛГУ 1951 г., № 4.

труда и техники безопасности, что в свою очередь не может не повлечь в будущем уменьшения количества несчастных случаев, а значит и снижения расходов предприятий на выплату возмещений по увечью.

В последнее время правило о регрессе, содержащееся в ст. ст. 413, 414 ГК, почти не находило применения в судебной практике. Как показывает, например, судебная практика Верховного суда УССР, областных и народных судов УССР, регрессные иски были до настоящего времени редким явлением.

В настоящее время регрессные требования по временной нетрудоспособности будут реализовываться почти всегда, поскольку устанавливается бесспорный порядок взыскания регрессных сумм при наличии акта технического инспектора профсоюза о том, что повреждение здоровья работника произошло в результате нарушения администрацией предприятия действующих правил охраны труда и техники безопасности.

Этим самым регрессные иски, связанные с возмещением вреда при временной нетрудоспособности потерпевшего, сводятся почти на — нет, хотя и не исключаются вовсе. Очевидно, что в случае, когда отсутствует заключение технического инспектора профсоюза о наличии вины администрации в несчастном случае с потерпевшим, органы социального страхования не лишены права доказывать обоснованность регрессных требований судебным порядком. В судебном порядке также по-прежнему подлежат рассмотрению регрессные иски, если утрата потерпевшим трудоспособности является стойкой.

Таким образом, хотя форма осуществления регрессных требований сейчас различна (судебная и административная), однако воспитательная роль этих требований сохраняется и усиливается во всех случаях, предусмотренных как ст. 413 ГК, так и ст. 414 ГК.

Из изложенного видно, что нет более необходимости в установлении разграничения ответственности по ст. ст. 413, 414 ГК, а значит и в сохранении ст. ст. 413, 414 ГК в их нынешней редакции.

Ответственность за причиненный вред здоровью должна возлагаться при наличии условий, установленных ст. 403 ГК, а когда вред причинен действием источника повышенной опасности, то при наличии условий, установленных ст. 404 ГК вне зависимости от того, является ли потерпевший застрахованным или незастрахованным лицом, а причинитель вреда — страхователем или нестрахователем потерпевшего.

В настоящее время, таким образом, сохраняет свое значение лишь часть 3 ст. 413 ГК и первая фраза ст. 414 ГК, где говорится о праве дополнительного требования к причинителю вреда, а также правило о регрессном требовании органов социального страхования к причинителю вреда.

Что касается ст. 412 ГК, то поскольку установленное в ней общее правило о безответственности страхователя за случайно на-

ступивший вред утратило свое значение, ибо практически сейчас речь идет о том же, о чем говорит ст. 413 ГК, нет никакой необходимости в сохранении этой статьи.

Относительно ст. 415 ГК необходимо отметить, что она имела в свое время существенное значение для решения вопросов, возникших в случае причинения увечья нетрудовым элементам. В отношении же трудящихся правило ст. 415 ГК является простым логическим выводом из общих положений ст. 410 ГК, здесь лишь несколько осложняется порядок расчетов утраченного заработка для незастрахованного трудящегося. Этот осложненный порядок расчетов заработка незастрахованных трудящихся может быть легко разъяснен в инструкционном порядке. В связи с ликвидацией нетрудовых элементов СССР и возможностью более точно определить порядок установления утраченного заработка незастрахованных лиц в разъяснениях Верховного Суда СССР, необходимость существования ст. 415 ГК также отпала.

Отсюда следует, что вместо статей 412—415 ГК в настоящее время следует сохранить лишь одну статью, в которой содержалось бы правило о праве дополнительного требования потерпевшего увечье к причинителю вреда.

Эту статью можно было бы сформулировать, примерно, следующим образом:

Ст. 412 «Потерпевший увечье, поскольку он в порядке социального страхования или социального обеспечения не получает полного возмещения вреда, имеет право дополнительного требования к причинителю вреда при наличии условий, содержащихся в ст. 403 ГК, а когда вред причинен действием источника повышенной опасности, то при наличии условий, содержащихся в ст. 404 ГК». К этой статье, конечно, необходимо будет добавить правило о праве регресса для органов социального страхования.

Таким образом, будет ликвидирована проблема «сопряжения» ст. ст. 403, 404 ГК со ст. ст. 413—415 ГК, спор о которой вызывает столь различные мнения в теории права и вряд ли помогает установлению единой судебной практики.

2. Зачет нового заработка.

В судебной практике вопрос о зачете заработка потерпевшего после увечья возник в связи с тем, что при частичной утрате трудоспособности потерпевший зачастую получает новый заработок, который вместе с другими выплатами, производимыми в связи с увечьем (пенсией и дополнительным возмещением по нормам ГК), превышает его средний заработок до увечья.

Это положение может быть результатом того, что потеря профессиональной трудоспособности потерпевшего была неправильно определена. Возможно, что наличие нового заработка явилось ре-

результатом неучтенной экспертизой возможности применить сохранившуюся часть трудоспособности. Возможно и другое. Бывают случаи, когда потерпевший меняет свою специальность и по новой профессии может получить даже больше того, что он получал до увечья. В обоих случаях потерпевший оказывается в таком положении, когда он получает по судебному решению сумму в возмещение якобы потерянного заработка, которая ему не следует. Заставить стороны при каждом изменении фактического заработка потерпевшего вновь обращаться в суд для изменения размера присужденного дополнительного возмещения, конечно, нет возможности. В связи с этим судебная практика постепенно выработала правило, согласно которому размер дополнительного возмещения, присуждаемого с причинителя вреда, подлежит уменьшению так, чтобы все выплаты, производимые потерпевшему в связи с увечьем, вместе с новым заработком не превышали размера среднего заработка потерпевшего до увечья.

Это право уменьшения дополнительного возмещения вреда и есть «зачет» нового заработка потерпевшего.

Таким образом, «зачет» возник как способ соблюдения принципа полного возмещения вреда, установленного ст. 410 ГК.

Впервые «зачет» нового заработка потерпевшего был введен в судебную практику постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 июня 1926 г. (протокол № 10) ¹. Однако, в соответствии с указанным постановлением Пленума «зачет» не применялся в следующих трех случаях:

1) Когда потерпевший не работал более *на данном* предприятии.

2) Когда зарплата потерпевшего после увечья уменьшилась, либо, хотя и не уменьшилась для него лично, но она менее зарплаты работников этой же квалификации.

3) Когда потерпевший работал в данном предприятии, но по другой профессии.

Судебная практика Верховных судов СССР, РСФСР и УССР, а также областных и народных судов вплоть до недавнего времени не допускала применения зачета в указанных трех случаях.

Так, например, в определении Верховного Суда СССР за 1945 г. по делу Бойченко отмечалось, что право зачета не может быть предоставлено, если потерпевший работает в другом предприятии ².

По делу Веселкова Верховный Суд РСФСР указал в своем определении на невозможность применения зачета ввиду того, что потерпевший получает зарплату меньше той, которую он имел до увечья.

По делу Гордиенко Верховный Суд РСФСР указал, что зачет

¹ См. «Справочник по вопросам судебной практики» Юриздат 1937 г., с. 47.

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1945 г., вып. I, с. 29,

не может быть предоставлен ввиду работы Гордиенко в другой должности, чем до увечья¹.

Однако в течение последних 8—10 лет в судебной практике Верховного Суда СССР, Верховного Суда УССР, народных и областных судов по вопросу зачета произошли изменения; ограничения в применении зачета стали отпадать одно за другим и суды пошли по линии применения зачета во всех случаях без исключения.

Этот процесс «универсализации» зачета в судебной практике Верховного Суда СССР можно проследить по целому ряду определений судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР, вынесенным в последнее время². Но «универсализация» зачета заключается не только в том, что отменяются в сторону все ограничения зачета, установленные ранее. Процесс «универсализации» зачета в судебной практике пошел значительно дальше, поскольку Верховный Суд СССР стал допускать зачет не только действительного, но и *возможного* заработка потерпевшего.

Нельзя сказать, что «универсализация» зачета встретила единодушное одобрение среди теоретиков-цивилистов и практических работников. Наоборот, в настоящее время большинство авторов придерживается той точки зрения, что зачет должен быть ограничен.

Правда, по вопросу о том, в каких случаях зачет должен быть ограничен, различными авторами выдвигаются разные предложения, однако все сходятся на том, что эти ограничения не должны воспроизводить в точности те условия зачета, которые были установлены постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 июня 1926 г.

Некоторые же практические работники, ссылаясь на отсутствие в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. указаний о праве зачета нового заработка, высказали мнение о том, что зачет вообще не должен иметь места, как не имеющий правового основания³.

Для решения вопроса о том, следует ли применять зачет во всех случаях, ограничить ли его применение, либо вовсе отказаться от применения зачета, надо учесть, что система зачета фактического заработка не только не противоречит принципу полного возмещения вреда, но даже позволяет применять этот принцип наиболее точно.

¹ Примеры заимствованы из статьи В. Панюгина «Зачет заработка потерпевшего при частичной утрате трудоспособности от увечья», «Социалистическая законность» 1955 г. № 4, с. 21-22.

² См., например, определение по делу Крылова, приведенное в цитированной статье В. Панюгина. «Социалистическая законность» 1955 г. № 4, с. 23, а также определение по делу Ашмарина «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1952 г. № 8, с. 55.

³ См. статью членов московского городского суда К. Анохина и О. Финикова «Неразрешенные вопросы судебной практики по искам из причинения вреда» — «Социалистическая законность» 1954 г. № 12, с. 18.

Отказ от применения зачета не может быть аргументирован ссылкой на отсутствие в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. указаний на применение зачета. Применение зачета стало общим правилом в силу сложившейся судебной практики, в том числе судебной практики Верховного Суда СССР.

Поскольку зачет есть способ соблюдения принципа полного возмещения вреда, установленного ст. 410 ГК, отказ от применения зачета означал бы отступление от этого принципа и привел бы к неосновательному обогащению потерпевшего увечье в тех случаях, когда в связи с получением нового заработка у потерпевшего фактически отсутствует ущерб. Потерпевшему во всех случаях должен быть возмещен лишь *понесенный им* ущерб в зарботке.

Однако, с другой стороны, сам факт получения потерпевшим нового заработка в размере большем, либо равном заработку потерпевшего до увечья, не всегда говорит об отсутствии ущерба.

Дело в том, что в ряде случаев, на которых мы остановимся ниже, новый заработок после увечья приобретает потерпевшим в связи с такими обстоятельствами, которые не дают основания засчитывать весь этот новый заработок, либо его часть, в счет присужденного дополнительного возмещения.

Поэтому применение зачета во всех случаях, так же, как и полный отказ от применения зачета, будет означать нарушение принципа полного возмещения вреда, с той лишь разницей, что универсализация зачета привела бы к существенному нарушению интересов потерпевших, а полный отказ от зачета — к существенному нарушению интересов тех, кто платит возмещение, т. е. в большинстве случаев интересов государственных предприятий.

Вот почему единственно правильным выходом, дающим возможность соблюсти принцип полного возмещения вреда, установленный ст. 410 ГК, и в то же время не нарушить интересы плательщика является применение зачета в строго ограниченных случаях.

Конечно, надо отметить, что ограничения зачета, установленные постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 июня 1926 г., устарели и не могут служить основанием для решения данного вопроса в настоящее время.

Как уже отмечалось в литературе, принципиальные позиции, из которых исходил Пленум Верховного Суда РСФСР от 28 июня 1926 г. трудно уловимы, они не могут быть обоснованы ни теоретическими, ни практическими соображениями¹.

Поэтому судебная практика правильно пошла по линии отказа от тех ограничений зачета, которые были установлены постанов-

¹ См. об этом подробно у Е. А. Флейшиц «Основные вопросы гражданской ответственности за повреждение здоровья». Ученые записки ВЮОН, вып. I 1955 г., с. 76-78, также О. С. Иоффе «К вопросу об объеме возмещения в делах о причинении увечья». Вестник ЛГУ, 1951 г. № 4, с. 85-87.

лением Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 июня 1926 г., признав, что в деле установления границ зачета нужно идти по иному пути.

В литературе были высказаны различные суждения по вопросу о том, как же теперь лимитировать зачет.

Так, Е. А. Флейшиц предлагает, чтобы зачет не применялся к инвалидам I и II группы, а также к престарелым инвалидам III группы (мужчинам старше 60 лет и женщинам старше 55 лет). Что касается инвалидов III группы, не достигших престарелого возраста, то Е. А. Флейшиц предлагает установить правило, согласно которому дополнительное возмещение не уменьшалось бы более, чем на 50%. Только в тех случаях, когда потерпевший не признан ВТЭК инвалидом, зачет — по мнению Е. А. Флейшиц — должен применяться без всяких ограничений¹.

Иначе говоря, Е. А. Флейшиц предлагает ограничить зачет в соответствии с принципами пенсионного законодательства, устанавливающего правило о сохранении во всех случаях за инвалидами I и II групп назначенной пенсии, а за инвалидами III группы — 50% назначенной пенсии².

Однако такое решение вопроса об ограничении зачета нельзя признать удовлетворительным, поскольку дополнительное возмещение вреда по нормам ГК нельзя приравнивать к пенсии. Кроме того, такое ограничение зачета не решает задачи полного возмещения вреда.

Несколько иное решение данного вопроса было предложено А. К. Сергун в кандидатской диссертации «Обязательства, возникающие вследствие повреждения здоровья или причинения смерти». Предложение А. К. Сергун сводится к тому, чтобы зачет не применялся в тех случаях, когда наступившее повреждение здоровья препятствует повышению квалификации потерпевшего и, следовательно, возрастанию заработка потерпевшего, а также в тех случаях, когда заработок потерпевшего, хотя и не уменьшился, но менее того, который получают в настоящее время лица, работающие по его прежней специальности и обладающие его прежней квалификацией. Кроме того — по мнению А. К. Сергун — во всех случаях зачету подлежит заработок не в полном объеме, а только определенная его часть, размер которой следует определить в законе³.

Последнее предложение об ограничении зачета во всех случаях путем установления определенной процентной доли к

¹ Е. А. Флейшиц, «Гражданская ответственность за повреждение здоровья» — «Советское государство и право», 1954 г., № 8, с. 32—33.

² Ст. ст. 169, 170 Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 4 августа 1956 г. за № 1044.

³ А. К. Сергун — Автореферат указанной кандидатской диссертации. 1952 г., МЮИ, с. 17.

размеру дополнительного возмещения вреда было выдвинуто и другими цивилистами¹.

Таким образом, наряду с сохранением одного из случаев ограничения зачета, установленных постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 июня 1926 г., А. К. Сергун предложила еще один случай, когда зачет не должен применяться, а также проектирует ограничение зачета во всех случаях путем установления определенного процента дополнительного возмещения вреда, который не подлежит уменьшению.

Последние два предложения А. К. Сергун безусловно заслуживают внимания, однако и эти предложения не исчерпывают проблемы ограничения зачета.

При решении вопроса об ограничении зачета необходимо исходить из следующих отправных положений:

1) Надо учитывать причины, по которым новый заработок потерпевшего оказался выше теоретически вычисленного возможного заработка потерпевшего при сохранившейся степени трудоспособности.

2) Надо выяснить, виновен ли потерпевший в том, что не имеет нового заработка после увечья.

3) Надо найти пути для сочетания интересов потерпевшего с интересами платящего возмещение, в большинстве случаев являющегося государственным предприятием, либо государственным учреждением.

При анализе причины того, что новый заработок потерпевшего оказался выше теоретически вычисленного заработка, который потерпевший мог бы иметь при сохранившейся степени трудоспособности, следует различать два случая:

1) когда потерпевший сохранил часть профессиональной трудоспособности;

2) когда потерпевший утратил полностью профессиональную трудоспособность, но сохранил частично общую трудоспособность.

Причинами того, что новый заработок оказался выше теоретически возможного заработка при оставшейся части профессиональной трудоспособности могут являться: повышение квалификации потерпевшего, общий рост заработной платы работников данной профессии в результате общего повышения производительности труда, а также интенсификация труда потерпевшего. Например, возможно, что столяр 5 разряда Б., несмотря на утрату 30% профессиональной трудоспособности, повысил свою квалификацию и стал столяром 7 разряда, получая зарплату такую же, как и до увечья — 800 рублей. Поскольку он пенсию не получает, решением суда в его пользу было взыскано дополнительное возмещение в размере 240 руб. (30% от 800 рублей).

¹ См., например, О. С. Иоффе — «К вопросу об объеме возмещения в делах о причинении увечья» — Вестник Ленинградского Университета, 1951 г., № 4.

Токарь 4 разряда К., продолжающий работать после увечья по той же профессии, при той же квалификации получает 760 руб. зарплаты, хотя до увечья получал 700 руб. Это увеличение заработка, несмотря на потерю 20% профессиональной трудоспособности, связано с общим ростом производительности труда на данном предприятии (применение более совершенных орудий и методов труда). По решению народного суда К., который не признан инвалидом, получает дополнительное возмещение в размере 140 руб. (20% от 700 руб.).

Слесарь 5 разряда М. получил увечье и утратил на 25% профессиональную трудоспособность. Поскольку до увечья М. получал 600 руб. зарплаты, инвалидом не признан, то по решению суда ему выплачивается дополнительное возмещение в размере 150 руб. (25% от 600 рублей). Несмотря на потерю части профессиональной трудоспособности, М. после увечья продолжает работать по той же профессии, при той же квалификации и получает 700 руб. зарплаты в связи с интенсификацией своего труда (до увечья М. не выполнял нормы выработки, после увечья стал лучше работать, перевыполняет нормы выработки, хотя орудия и методы труда остались те же, что и до его увечья).

Применим ли зачет нового заработка столяра Б., токаря К., слесаря М.?

Представляется, что для всех этих трех случаев нельзя дать одинакового ответа.

Для столяра Б. зачет должен быть применен, поскольку повышение квалификации потерпевшего есть естественный процесс совершенствования трудовых навыков и после увечья потерпевший не затрачивает дополнительных трудовых усилий по сравнению с трудовыми усилиями до увечья. Однако столяр Б. вправе требовать того, чтобы зачет не был использован для ущемления его заработка в соответствии с достигнутой квалификацией и, чтобы ему, во всяком случае, был гарантирован средний заработок работников той же, что и он квалификации на данном предприятии. Иначе говоря, зачет должен быть не полным, а частичным. В примере со столяром Б., если считать, что средний заработок столяров 7 разряда данного предприятия составляет 1000 руб., зачету подлежат не все 240 руб., получаемые потерпевшим Б. по решению суда, как это можно было полагать, а только 40 руб. ($800 \text{ р.} + 240 \text{ р.} = 1000 \text{ р.} = 40 \text{ руб.}$).

В примере с токарем К. вопрос о зачете должен быть решен таким же образом, поскольку никаких дополнительных трудовых усилий в связи с травмой потерпевший К. не затрачивает. Однако, как и в случае со столяром Б., потерпевшему К. должно быть гарантировано увеличение заработка в соответствии со средним возрастанием заработной платы работников одной с К. профессии и квалификации на данном предприятии. Если, скажем, средняя зарплата токарей 4 разряда на данном пред-

приятии возросла с 700 руб. до 850 руб. в месяц, то зачету подлежат не все 140 руб., получаемые К. по решению суда, а лишь 50 руб. (760 руб. + 140 руб. — 850 руб. = 50 руб.).

Что касается примера со слесарем М., то здесь вопрос о зачете выглядит иначе.

Поскольку М. после увечья затрачивает дополнительные трудовые усилия, которые являются единственной причиной повышения его заработка, зачет в подобных случаях не должен иметь места, так как не давал бы стимула для продолжения трудовой деятельности потерпевшего¹.

Причиной того, что новый заработок потерпевшего оказался больше теоретически исчисленного его заработка может являться также и такая работа потерпевшего, когда он пренебрегает интересами своего здоровья и работает сверх нормальных своих возможностей.

В одном судебном деле² было установлено, что Москаленко, работая шофером стройуправления ХАРГЭС получил травму: удар в грудь кузовом автомашины, в результате чего стал инвалидом III группы. По заключению судебно-медицинской экспертизы Москаленко утратил на 100% профессиональную трудоспособность, на 50% общую трудоспособность и ему запрещена работа, связанная с физическим напряжением и ходьбой (в том числе противопоказана работа шофера, как связанная с физической нагрузкой). Народный суд своим решением от 12 августа 1955 г. взыскал в пользу Москаленко 181 р. 20 коп. ежемесячно, не предоставив ответчику права зачета фактического заработка, поскольку Москаленко в момент вынесения решения не работал. Однако через некоторое время Москаленко, несмотря на противопоказание, стал работать шофером и получает ту же зарплату, что и до увечья — 550 рублей.

Следует полагать, что применение зачета в приведенном случае означало бы существенное нарушение интересов потерпевшего, который по ряду соображений вынужден продолжать прежнюю работу, пренебрегая своим здоровьем (оставление прежней работы может быть тяжело для потерпевшего с моральной либо материальной точки зрения).

При продолжении работы потерпевшим по той же профессии, то обстоятельство, что фактический заработок оказался выше теоретически возможного, может являться также следствием неточного исчисления процента утраты потерпевшим профессиональной трудоспособности. В судебной практике подобные случаи встречаются в связи с тем, что в деятельности судебно-медицинской экспертизы, устанавливающей процент утраты

¹ Конечно, приведенные случаи со столяром Б., токарем К., слесарем М. имеют значение для решения вопроса о зачете, когда потерпевшие находятся на сдельной оплате труда.

² Решение нарсуда Печенежского района Харьковской области по делу № 2—168/55 г.

профессиональной трудоспособности, есть еще существенные недостатки. Дело в том, что никаких таблиц для определения процента утраты профессиональной трудоспособности нет и судебно-медицинский эксперт определяет этот процент как бы «на-глазок»¹.

Безусловно, в случае неточного исчисления процента утраченной трудоспособности зачет должен быть применен, поскольку при помощи зачета только и может быть ликвидирована неточность в исчислении размера ущерба и, таким образом, гарантировано соблюдение принципа полного возмещения вреда, установленного ст. 410 ГК.

Иначе решаются все приведенные вопросы, если потерпевший полностью потерял профессиональную трудоспособность, но частично сохранил общую трудоспособность.

Как известно, в силу п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. при полной утрате потерпевшим профессиональной трудоспособности и сохранении части общей трудоспособности размер дополнительного возмещения вреда уменьшается на ту сумму, которую мог бы заработать неквалифицированный рабочий или служащий в соответствии с сохранившейся степенью (процентом) общей трудоспособности.

Таким образом, п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. исходит из предположения, что потерпевший, полностью утративший профессиональную трудоспособность, в случае продолжения работы после увечья может выполнять только неквалифицированную работу.

Однако на практике зачастую имеют место случаи, когда потерпевший либо приобретает новую профессию, либо имеет другую профессию, по которой труд оплачивается выше, чем труд неквалифицированный.

Каминский, работая на Харьковском Электротехническом заводе заливщиком литейного цеха, получил увечье (оторвало три пальца правой руки), в результате чего Каминский стал инвалидом III гр. и по заключению судебно-медицинской экспертизы утратил на 100% профессиональную трудоспособность и на 45% общую трудоспособность. Согласно решению народного суда ему присуждено дополнительное возмещение в размере 413 руб., исходя из среднего заработка 695 руб., пенсии 150 руб. и возможности заработать 132 руб. В настоящее время истец работает на том же заводе, но по другой профессии — формовщиком — получает 550 руб. в месяц².

В приведенном случае зачет, как мы полагаем, должен быть применен. Поскольку приобретение новой профессии является ре-

¹ См., например, И. Скопин — «Судебно-медицинская экспертиза утраты трудоспособности при несчастных случаях на производстве» — «Социалистическая законность» 1953 г. № 10, с. 29

² См. определение Харьковского областного суда по делу № 2177 за 1953 г.

лизацией ранее скрытых возможностей приспособления потерпевшего к труду, то при наличии заработка по новой профессии, превышающего заработок, теоретически рассчитанный по прежней профессии, следует допускать зачет этого нового заработка но с некоторыми ограничениями.

Абстрактная форма учета сохранившейся общей трудоспособности, установленная п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г., корректируется путем зачета, который в данном случае служит той же цели установления размера возмещения вреда в соответствии со ст. 410 ГК. Однако потерпевший, который имел ранее или заново приобрел другую профессию, должен быть гарантирован, что оплата труда по новой профессии не будет снижена путем применения зачета. Иначе говоря, зачет должен быть применен не в полном объеме. В примере с Каминским, потерпевшему должно быть гарантировано получение всех выплат в связи с увечьем (плюс новый заработок) до тех пор, пока заработок не превысит среднего заработка формовщика.

Может быть и так, что потерпевший, утративший полностью профессиональную трудоспособность, не имеет другой профессии или не приобрел новой профессии после увечья, а продолжает работать в качестве неквалифицированного работника, однако несмотря на это фактически зарабатывает больше, чем теоретически учтено было судом при применении п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г.

Неделькин, работая кузнецом со средним месячным заработком 1178 руб., потерпел увечье (осколком раскаленного железа поврежден правый глаз), в результате чего Неделькин признан инвалидом III гр., а судебно-медицинская экспертиза установила утрату 100% профессиональной трудоспособности и 35% общей трудоспособности. Народный суд, определяя размер дополнительного возмещения, уменьшил сумму возмещения на 234 руб. (65% от 360 руб. — ставки неквалифицированного работника), которые потерпевший может заработать на оставшуюся часть трудоспособности. Между тем, после увечья Неделькин работает разнорабочим и получает зарплату не 234 р., а 360 руб.¹ Что же является причиной того, что Неделькин зарабатывает после увечья 360 руб., а не 234 руб., как это считал суд? Здесь следует остановиться на двух обстоятельствах.

Первое обстоятельство состоит в том, что суд принимает во внимание только тот заработок, который потерпевший может иметь на сохранившуюся часть общей трудоспособности, иначе говоря, принимает во внимание *часть* средней ставки неквалифицированного работника, тогда как, работая после увечья, потерпевший получает новый заработок *в полном* размере, поскольку

¹ Решение нарсуда I уч. Лозовского района Харьковской области по делу № 2-86/55 г.

трудовое законодательство не знает правила о выплате части заработка, соответствующей проценту сохранившейся общей трудоспособности у потерпевшего.

Анализ судебной практики показывает, что почти во всех случаях, за редчайшими исключениями, потерпевший на сохранившуюся часть общей трудоспособности имеет заработок больший, чем тот теоретически вероятный заработок, который был учтен судом.

Второе обстоятельство заключается в том, что при учете сохранившейся степени общей трудоспособности суды обычно принимают среднюю ставку неквалифицированного работника равной 240—260 руб., тогда как в большинстве случаев конкретная ставка, получаемая потерпевшим, оказывается большей. Это обстоятельство является следствием того, что в одной местности, даже в одном предприятии различны по величине ставки неквалифицированных работников и что суды в большинстве случаев пользуются заниженными средними ставками¹.

Таким образом, оба эти обстоятельства свидетельствуют о несовершенстве принципа, установленного в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г., поскольку в случае полной утраты потерпевшим профессиональной трудоспособности, последний, продолжая работу, как правило, получает заработок больший, чем предполагаемая часть заработка неквалифицированного работника, пропорциональная оставшейся степени общей трудоспособности пострадавшего.

Отсюда следует, что в примере с Неделькиным применение зачета является единственным выходом, позволяющим соблюсти принцип ст. 410 ГК.

Анализ причин превышения нового заработка потерпевшего над теоретически рассчитанным заработком, который потерпевший мог бы иметь на сохранившуюся часть профессиональной или общей трудоспособности, приводит нас к выводу, что в ряде случаев зачет следует применять без ограничений, в других случаях — с ограничениями в размерах сумм, а в некоторых случаях следует вовсе отказаться от применения зачета.

Однако этим не исчерпывается проблема зачета фактического заработка.

Как указывалось выше, судебная практика в последнее время, идя по линии универсализации зачета, считает необходимым пре-

¹ В настоящее время, когда постановлением Совета Министров СССР, ЦК КПСС и ВЦСПС от 8 сентября 1956 года «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим» установлено общее повышение заработной платы для низкооплачиваемых работников, есть все основания ставить вопрос о введении в практику рассмотрения дел об увеличении единой ставки неквалифицированного работника для всех местностей. Различие следует провести лишь для городских и сельских местностей. С учетом указанного постановления эта единая ставка неквалифицированного работника должна быть установлена в размере 300 руб. для городов и рабочих поселков и 270 руб. для сельской местности.

доставление зачета не только фактически получаемого заработка, но и *возможного* заработка. Иначе говоря, если в соответствии с заключением ВТЭК'а потерпевший, полностью утративший трудоспособность по своей профессии, может выполнять работу по другой профессии, скажем, кондуктора, табельщика, сигнальщика и т. д., то суды производят зачет заработка кондуктора, табельщика, сигнальщика и т. д., хотя бы в действительности потерпевший вообще и не работал по этой профессии до или после увечья.

Такой подход к вопросу о зачете *возможного* заработка вне зависимости от причин, по которым потерпевший не работает после увечья, не может быть признан правильным. Однако нельзя не признать, что в некоторых случаях предоставление зачета *возможного* заработка вытекает из смысла ст. 410 ГК и в то же время находится в интересах предприятия, уплачивающего возмещение за увечье.

Слесарь Земцев во время работы на заводе дорожных машин потерпел увечье, в результате чего вначале был признан инвалидом II группы, а затем инвалидом III группы с трудовой рекомендацией: может работать слесарем мелких деталей. Земцев в течение полугода выполнял рекомендованную ему работу слесаря мелких деталей с окладом 550 руб. в месяц, однако затем отказался работать без всяких на то причин.

Народный суд 4 уч. Краснозаводского района гор. Харькова своим решением от 31 июля 1953 г. принял во внимание то обстоятельство, что Земцев уклонился от предоставленной ему работы, а поэтому уменьшил размер дополнительного возмещения на 550 руб., которые он мог, но не хотел заработать. Харьковский облсуд, рассматривая дело Земцева в кассационном порядке, оставил это решение народного суда в силе¹.

Должен ли потерпевший нести невыгодные последствия в приведенном примере с Земцевым и аналогичных случаях, т. е. в связи с нежеланием иметь гарантированный заработок после увечья? Представляется, что должен. Иное решение данного вопроса означало бы перенесение последствий поведения потерпевшего на предприятие, платящее возмещение. Предоставление зачета будет здесь единственно правильным решением, ограждающим интересы плательщика от недобросовестности потерпевшего.

Однако зачет *возможного* заработка нельзя применять в тех случаях, когда потерпевший фактически лишен возможности иметь заработок на оставшуюся часть трудоспособности, например, когда отсутствует возможность трудоустройства по рекомендованной профессии в данной местности, либо когда потерпевший временно вынужден оставить работу в связи с уважительными причинами (например, в связи с необходимостью ухода за тяжело больным членом семьи, переездом в другую местность и т. д.).

¹ Определение Харьковского облсуда по делу № 3328 за 1953 г.

При рассмотрении вопроса о случаях ограничения зачета, нельзя пройти также мимо предложения ряда авторов ограничить зачет определенным процентом к дополнительному возмещению вреда. Как уже говорилось выше, ряд цивилистов, например, О. С. Иоффе, А. К. Сергун, предлагают применить это правило ограничения зачета во всех случаях, а Е. А. Флейшиц — только в отношении инвалидов III группы.

Между тем, данный способ ограничения зачета может быть применен в случае, когда надо обеспечить выполнение одной из задач дополнительного к пенсии возмещения вреда. Речь идет о задаче, справедливо сформулированной Е. А. Флейшиц как задаче «материальной компенсации тех дополнительных усилий, которых при уменьшенной, а тем более при утраченной трудоспособности, по общему правилу, требует трудовая деятельность». Под «дополнительными усилиями» подразумевается «большее напряжение сил» которое... «не может не требовать особых расходов потерпевшего»¹.

Поскольку практически трудно определить размер «дополнительных усилий» и «большее напряжение сил» потерпевшего, следует полагать, что ограничение зачета путем установления процента, до которого может быть уменьшено дополнительное возмещение вреда, будет той мерой, которая в данном случае соответствовала бы как интересам потерпевшего, так и интересам платящего возмещение. Естественно, что такое правило ограничения зачета в процентном отношении к размеру дополнительного возмещения вреда может иметь место лишь в том случае, если суд придет к выводу, что потерпевший действительно в связи с травмой затрачивает эти «дополнительные усилия». Желательно, чтобы дополнительное возмещение вреда уменьшалось бы в этом случае не более, чем на 50%.

Подводя итоги сказанному о необходимости применения зачета, мы приходим к следующим выводам:

1. Зачет применим без ограничения в размере, если причинами того, что новый заработок потерпевшего оказался выше теоретически подсчитанного судом явилось неточное исчисление судебно-медицинской экспертизой утраты части профессиональной трудоспособности потерпевшим, либо абстрактный характер учета возможного заработка потерпевшего, установ-

¹ Е. А. Флейшиц, «О гражданской ответственности за повреждение здоровья», «Советское государство и право» 1954 г. № 8, с. 32. Следует отметить, что «дополнительные усилия», которые имеет в виду Е. А. Флейшиц, носят совершенно иной характер, нежели «дополнительные усилия», о которых мы говорили, разбирая случай ограничения зачета при интенсификации труда потерпевшего. Мы имели в виду дополнительные усилия, которые не обусловлены характером травмы, а являются следствием того, что потерпевший стал лучше работать (быстрее и т. д.), Е. А. Флейшиц же имеет в виду дополнительные усилия, связанные с характером травмы и являющиеся следствием того, что потерпевшему стало физически труднее работать.

ленный п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 года для случая полной утраты профессиональной трудоспособности потерпевшим.

2. Зачет применим, но с ограничением в размере, если причинами такого превышения являются повышение квалификации потерпевшего по той же профессии, либо приобретение потерпевшим после увечья новой профессии, либо общий рост производительности труда лиц одной профессии с потерпевшим.

Ограничение зачета в данном случае должно состоять в том, что сумма всех выплат, производимых потерпевшему в связи с увечьем (пенсия плюс дополнительное возмещение), вместе с новым его заработком не должна быть ниже среднего заработка лиц той же профессии и той квалификации, какую имеет потерпевший.

3. Зачет не применим вовсе, если причинами такого превышения являются интенсификация труда потерпевшего получение заработка потерпевшим после увечья, либо в условиях, когда в связи с травмой данная работа ему противопоказана по заключению судебно-медицинской, либо врачебно-трудовой экспертизы.

4. Зачет применим также в том случае, когда потерпевший после травмы не работает, но по своей вине уклоняется от получения постоянного заработка. Зачет в этом случае применяется в размере не выше среднего заработка по работе той профессии и квалификации, какую потерпевший без уважительных причин отказался выполнять.

5. Зачет, в случаях его применения, должен ограничиваться путем уменьшения размера дополнительного возмещения, присужденного судом, не более чем до 50%, если потерпевший в связи с травмой затрачивает дополнительные трудовые усилия, которые не имели бы места при отсутствии травмы и которые вызывают необходимость особых расходов потерпевшего, носящих имущественный характер.

Вопрос о зачете ждет своего разрешения в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР.

Канд. юридич. наук З. А. ПОДОПРИГОРА

ЗАЩИТА КОЛХОЗНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ КОЛХОЗОВ

XX съезд КПСС поставил задачу добиться дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления материального благосостояния колхозного крестьянства.

Большое значение в деле выполнения этой задачи сыграет новая система планирования, дальнейшая механизация и электрификация трудоемких процессов, укрепление колхозов опытными кадрами.

Наряду с указанными мероприятиями, одним из важных средств дальнейшего укрепления колхозного строя является и всемерная охрана колхозной собственности, в частности, судебная защита имущественных интересов колхозов при рассмотрении исков, вытекающих из договоров, заключаемых колхозами.

Колхозы, как юридические лица, участвуют в гражданском обороте через посредство своих органов или через своих представителей. Это положение прямо вытекает из содержания ст. 16 ГК. Общее собрание членов колхоза является высшим органом управления колхозом.

Основу всей системы организации управления в колхозах составляют принципы колхозной демократии, обеспечивающие самостоятельность и инициативу самих колхозников при решении важнейших вопросов колхозной жизни на общих собраниях.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» от 6 марта 1956 года указывается на необходимость точного и неуклонного соблюдения важнейшего принципа колхозного строительства — принципа колхозной демократии. «Коммунистическая партия и Советское государство исходили и исходят из того, — указано в постановлении, — что высшая производительность труда и дальнейшее укрепление в

колхозах новой общественной дисциплины могут быть достигнуты лишь на основе подлинной самостоятельности и активного участия колхозников в управлении хозяйством артели».

Следовательно, важнейшим принципом колхозной демократии является сочетание государственного руководства с развитием самостоятельности и инициативы колхозников в управлении хозяйственной деятельностью колхозов. Общее собрание колхоза, как высший орган управления, решает все важнейшие вопросы колхозной жизни.

Однако в отдельных случаях еще и сейчас наблюдаются незаконные действия правлений или председателей колхозов, которые реализуют колхозную продукцию по явно заниженным ценам в противоречии с производственным и финансовым планом колхозов, утвержденным общим собранием колхозников, обменивают малопродуктивный скот, принадлежащий отдельным гражданам на высокопродуктивный скот, принадлежащий колхозам.

Такого рода сделки, заключенные председателем колхоза без решения общего собрания колхозников, направлены по существу на разбазаривание колхозной собственности.

Конечно, при современных размерах укрупненных колхозов практически невозможно, чтобы общее собрание санкционировало каждую сделку, но общее собрание должно утвердить приходо-расходную смету, план распределения доходов, устанавливая при этом, какие виды колхозной продукции, в каком размере и каким путем (государственные закупки, контрактация, колхозная торговля и т. д.) подлежат отчуждению. Поэтому в том случае, когда сделки, совершенные председателем колхоза или членами правления, не вытекают из указанных постановлений общего собрания и при том нарушают имущественные интересы колхоза, они являются недействительными, как противозаконные. Они противоречат положениям ст. ст. 19—22 Устава сельскохозяйственной артели, определяющим полномочия общего собрания колхоза, как органа, через посредство которого, колхоз, как юридическое лицо, принимает участие в гражданском обороте. В этом вопросе нельзя разделить точку зрения Ц. В. Боцяна¹, которая полагает, что сделка, совершенная председателем колхоза без разрешения общего собрания колхозников по поводу распоряжения колхозной собственностью, является недействительной в силу того, что она «...заключена в нарушение предусмотренного Уставом сельскохозяйственной артели порядка...», а поэтому недействительность этой сделки квалифицирует по ст. 29 ГК. Такой же точки зрения придерживается А. А. Рускол, который приходит к такому выводу: «когда председатель артели и правление в целом заключает договор с третьим лицом с нарушением определенного Уставом порядка его заключения,

¹ Ц. В. Боця н. «Договірні відносини колгоспів з державними і кооперативними організаціями», «Питання колгоспного права». Видавництво Академії Наук УРСР, Київ, 1954 р., стор.149.

то это можно рассматривать как нарушение порядка оформления договора и подводить эти случаи под действие ст. 29 ГК с последствиями, предусмотренными ст. 151 ГК»¹. Таким образом, А. А. Рускол и Ц. В. Боцян считают, что в данном случае сделка недействительна ввиду несоблюдения сторонами требуемой законом формы.

Полагаем, что этот вывод является неправильным. Нельзя свести решение общего собрания колхоза к простой формальности. В этом вопросе следует разделить точку зрения И. Б. Новицкого, который считает, что «решение общего собрания колхоза — не формальность, а требуемый Уставом путь образования воли юридического лица»².

Иногда действительно правление колхоза или председатель заключают сделки на реализацию колхозной продукции, которые не вытекают из производственно-финансового плана, но совершение их необходимо в силу конкретно сложившихся условий (например, в результате перевыполнения планов, высокой урожайности и продуктивности животноводства увеличилось количество продукции, которую можно реализовать). Правление колхоза поставит вопрос об обсуждении общего собрания колхоза и действия правления получают одобрение со стороны колхозников.

Мы говорим о неправомерности сделок, которые заключены правлением колхоза без решения общего собрания и при этом в ущерб интересам колхоза, когда общее собрание не санкционирует и не может санкционировать действий председателя колхоза, членов правления.

Разве в этом случае сделка недействительна в силу формальных оснований, в силу того, что нет решения общего собрания колхоза, в силу того, что не соблюден порядок совершения этих сделок?

Дело в том, что на совершение такой сделки общее собрание не даст никогда своего согласия, следовательно, дело не только в форме. Сделка является недействительной в силу того, что она совершена в противоречии с Уставом сельскохозяйственной артели, с нарушением полномочий общего собрания в области охраны и укрепления колхозной собственности. Она недействительна по своему существу. Такие сделки должны признаваться противозаконными и их следует квалифицировать по ст. 30 ГК. Характерно, что и Верховный суд СССР в ряде определений по вопросу о недействительности сделок, заключенных председателем колхоза без решения общего собрания колхозников в ущерб интересам колхоза не ориентирует суды на признание сделки недействительной в силу нарушения формы.

¹ А. А. Рускол, Судебное рассмотрение имущественных споров колхозов, М., 1949 г., стр. 19.

² И. Б. Новицкий, Сделки. Исковая давность, Госюриздат, 1954 г., стр. 75.

Об этом свидетельствует определение Верховного Суда СССР по делу № 03/775 по иску прокурора о недействительности сделки, заключенной Квакиным с председателем колхоза «Большевик»¹. Судебная коллегия по гражданским делам установила, что в 1951 году Квакин по договоренности с председателем колхоза «Большевик» — Бурковым купил поросенка, принадлежащего колхозу, за 300 руб. Прокурор Унинского района, считая, что указанная сделка была совершена с нарушением Устава сельскохозяйственной артели, так как решения общего собрания членов колхоза о продаже поросят не было, предъявил, в порядке ст. 2 ГПК РСФСР, к Квакину иск о признании сделки недействительной и о возврате поросенка колхозу.

Народный суд Унинского района решением от 5 июля 1951 г. признал сделку недействительной, поскольку эта сделка совершена председателем колхоза «Большевик» с нарушением Устава сельскохозяйственной артели. В соответствии со ст. 151 ГК РСФСР суд привел стороны в первоначальное положение. По протесту Председателя Верховного суда РСФСР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 27 декабря 1951 года решение народного суда Унинского района от 5 июля 1951 года отменила. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила определение Судебной коллегии по гражданским делам РСФСР и оставила в силе решение народного суда от 5 июля 1951 года, указав при этом, что в соответствии с Уставом сельскохозяйственной артели всякого рода самовольное распоряжение имуществом колхоза правлением колхоза не допускается. Из дела видно, что председатель колхоза «Большевик» Бурков без разрешения общего собрания членов колхоза в ущерб интересам колхоза продал поросят. Верховный суд РСФСР, — отмечено в определении Верховного суда СССР, — отменяя решение народного суда Унинского района от 5-го июля 1951 года, в определении дал указания, противоречащие постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 года «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах».

Изложенное свидетельствует о том, что и народный суд и Верховный суд СССР признали сделку, направленную на отчуждение колхозного имущества без решения общего собрания колхозников, недействительной в силу того, что она совершена председателем колхоза с нарушением Устава сельскохозяйственной артели и Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 года, направленных на борьбу с разбазариванием колхозной собственности.

Ссылки народного суда и Верховного суда СССР на ст. 151 ГК РСФСР не дают основания предполагать, что характер недействительности сделки в этом случае определен судебными

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1952 г., № 11, стр. 39.

органами на основании ст. 29 ГК РСФСР. Следует отметить, что в настоящее время в отдельных случаях суды, признавая сделку противозаконной на основании ст. 30 ГК РСФСР определяют последствия по ст. 151 ГК и соответствующим статьям ГК других союзных республик, т. е. восстанавливают стороны в первоначальное положение.

Интересно с этой точки зрения дело № 36/1301 — 1949 года, приведенное в работе И. Б. Новицкого¹. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР установила, что заведующий одним социалистическим предприятием продал председателю колхоза оборудование пригородного хозяйства, находящегося на территории колхоза. Председатель колхоза обязался уплатить за оборудование 25000 рублей. Суд признал сделку недействительной на том основании, что она была совершена председателем колхоза без решения общего собрания колхоза, что противоречит Уставу сельскохозяйственной артели. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР согласилась с доводами народного суда в отношении определения характера недействительности сделки.

Однако при этом коллегия указала суду, что он должен был применить ст. 151 ГК и привести стороны в первоначальное положение.

Чаще встречаются такие решения в практике Государственного арбитража. Признавая сделку недействительной по ст. 30 ГК, арбитраж не всегда определяет последствия по ст. 147 ГК. В зависимости от конкретных обстоятельств дела, учитывая характер поведения сторон, Госарбитраж в случае признания сделки противозаконной допускает применение последствий по ст. 151 ГК.

Формально такие решения судебных органов не соответствуют положениям гражданского законодательства. Согласно ст. 147 ГК к сторонам, заключившим противозаконную сделку, должна быть применена карательная санкция ст. 147 ГК.

Однако жизнь свидетельствует о том, что не всегда эти санкции соответствуют обстоятельствам дела.

В литературе уже давно исследуется вопрос о характере противозаконных сделок и их последствиях. Такая работа ведется не случайно. Признание судом сделки противозаконной имеет политическое значение. Решение по такому делу показывает, кто является нарушителем социалистической законности в СССР, кто нарушает принципы колхозного строительства.

Исследуя этот вопрос, Д. М. Генкин сделал вывод, что нарушение закона при совершении сделки не всегда влечет применение штрафной санкции по ст. 147 ГК. Эти последствия могут быть применены лишь в тех случаях, когда заключены сделки, «про-

¹ И. Б. Новицкий, Сделки. Исковая давность, Госюриздат, 1954 г., стр. 75.

тиворечащие нормам, вытекающим из положений, определяющих социальный строй СССР как социалистической страны, противоречащие экономической основе СССР, базирующейся на социалистической системе хозяйства, социалистической собственности, на отмене частной собственности на орудия и средства производства, на запрещении эксплуатации человека человеком, на социалистическом планировании, на всеобщей обязанности к труду, т. е. на тех принципах социализма, которые изложены в Конституции СССР»¹.

Эту точку зрения разделяет А. В. Венедиктов, И. Б. Новицкий, В. Рясенцев².

А. В. Венедиктов допускает, «что в виде общего правила заключение противозаконной сделки само по себе может еще не влечь конфискации условленных предметов сделки» «... целесообразно,—полагает А. В. Венедиктов,—предоставить суду и арбитражу возможность применения последствий противозаконных сделок с учетом характера поведения сторон, заключивших сделку».

И. Б. Новицкий, соглашаясь с точкой зрения Д. М. Генкина относительно характера противозаконных сделок, последствия которых определяются по ст. 147 ГК, полагает, что вторую группу сделок, совершенных в противоречии с законом, должны составлять сделки, которые нарушают не такие принципиальные нормы права. В этих случаях,— пишет И. Б. Новицкий,— можно ограничиться признанием сделки недействительной, отменив все, что совершенно во исполнение сделки, но не устанавливая карательных санкций³.

Едва ли удачна такая дифференциация противозаконных сделок в зависимости от нарушения норм принципиальных и менее принципиальных. В этом вопросе следует разделить точку зрения А. В. Венедиктова, который полагает, что при решении вопроса о применении штрафной санкции к противозаконным сделкам следует исходить из характера поведения сторон, заключивших противозаконную сделку.

К этому следует дополнить еще такой критерий, как учет степени нарушения интересов государства заключенным противозаконным соглашением.

Если противозаконной сделкой причинен ущерб имущественным интересам государства, суд должен применить карательную санкцию ст. 147 ГК.

Руководствуясь изложенным следует признать, что сделка, совершенная председателем колхоза или членом правления по по-

¹ Д. М. Генкин, Недействительность сделок с целью противной закону, Ученые записки ВЮИОН, 1947 г., вып. 5, стр. 42.

² А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, 1954 г., стр. 245—248. И. Б. Новицкий, Сделки. Исковая давность, 1954 г., стр. 74—75. В. Рясенцев, Вопросы недействительности сделок в судебной практике, «Социалистическая законность», 1950 г., № 8, стр. 38—44.

³ И. Б. Новицкий. Сделки. Исковая давность, 1954 г., стр. 74.

воду распоряжения колхозной собственностью, с нарушением требований Устава сельскохозяйственной артели, является по своему характеру противозаконной. Однако, в том случае, когда этой сделкой стороны не нарушили интересов государства, при этом действовали добросовестно вопрос о последствиях этой противозаконной сделки должен быть разрешен на основании ст. 151 ГК.

Согласно ст. 151 ГК каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по договору. Однако, в том случае, когда контрагент при заключении сделки действовал недобросовестно, когда он знал, что на реализацию приобретаемых объектов колхозной собственности не было согласия общего собрания колхоза, когда покупная цена не соответствует действительной стоимости приобретаемого объекта, т. е. когда объекты колхозной собственности приобретаются по явно заниженной цене, двухсторонняя реституция не должна иметь места.

Нельзя признать достаточным разъяснение, данное Пленумом Верховного суда СССР в Постановлении от 5 мая 1950 года «О судебной практике по гражданским колхозным делам»¹ по этому вопросу.

В ст. 2. п. «в» этого Постановления отмечено, что продукты, скот и другое имущество, полученное организациями и отдельными лицами от колхозов по явно заниженной цене с нарушением Устава сельскохозяйственной артели, должны присуждаться в пользу колхозов в натуре с возвратом ответчику колхозом денег, полученных за имущество.

Таким образом, Пленум Верховного суда СССР в этом случае ориентирует суды на применение ст. 151 ГК. Такая мера не соответствует задачам усиления борьбы с противозаконными договорами, направленными на разбазаривание колхозной собственности. В решениях партии и правительства резко осуждают действия некоторых работников партийных, советских и сельскохозяйственных органов, которые вместо того, чтобы стоять на страже интересов общественного хозяйства колхозов, сами занимаются растаскиванием колхозного добра, становятся на путь грубого нарушения советских законов, на путь произвола и беззакония в отношении колхозов. Такие работники, используя свое служебное положение, занимают общественные земли, понуждают правления и председателей колхозов отпускать им бесплатно или за низкие цены зерно, мясо, молоко и другие продукты, обменивать принадлежащий им малопродуктивный скот на высокопродуктивный, более ценный скот колхозов и т. п.

Для борьбы с такими противозаконными сделками явно недостаточно применение двухсторонней реституции. В постановле-

¹ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1951 г.г., Госюриздат, 1952 г., стр. 206.

нии Пленума Верховного суда от 5 мая 1950 г. недостаточно полно разрешен этот вопрос.

В практике Верховного суда СССР намечено решение этого вопроса. По делу № 03/775 по иску прокурора Унинского района к Квакину о признании недействительной сделки, заключенной между Квакиным и председателем колхоза «Большевик» о продаже поросенка Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила, что народный суд Унинского района решением от 5 июля 1951 года правильно признал сделку недействительной и что в соответствии со ст. 151 ГК Суд правильно привел стороны в первоначальное положение, так как не установил, что ответчик Квакин действовал недобросовестно¹.

Из этого определения Коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР следует, что не всегда в случае признания судом сделки недействительной, совершенной с нарушением Устава сельскохозяйственной артели, стороны могут быть приведены в первоначальное положение.

Следовательно, в том случае, когда стороны действовали недобросовестно при заключении сделки, возможны другие последствия.

В решении этого вопроса следует разделить точку зрения А. В. Венедиктова и И. Б. Новицкого².

В целях усиления борьбы с противозаконными договорами необходимо установить штрафную санкцию в виде односторонней реституции.

Продукты, скот и другое имущество, полученное недобросовестно организациями и отдельными лицами от колхозов по явно заниженной цене с нарушением Устава сельскохозяйственной артели, должны присуждаться в пользу колхозов. Деньги, полученные колхозом за реализованную продукцию по таким сделкам должны взыскиваться в доход государства.

В целях усиления охраны колхозной собственности это положение следует закрепить в законодательстве.

До 1932 года путем контрактации заготавливались все виды сельскохозяйственной продукции.

Начиная с 1932 года контрактация, как вид заготовок приме-

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1952 г., стр. 11.

² А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности, 1954 г., стр. стр. 232, 242—243.

И. Б. Новицкий. Сделки. Исковая давность, 1954 г., стр. стр. 121, 122. Соглашаясь с автором в вопросе о последствиях сделок, совершенных председателем колхоза по поводу распоряжения колхозной продукцией по явно заниженной цене, мы не разделяем точку зрения И. Б. Новицкого в определении характера недействительности этих сделок.

В отдельных случаях действительно эти сделки могут быть совершены путем злонамеренного соглашения председателя колхоза с контрагентом. Однако, как общее правило, эти сделки являются по своему характеру противозаконными, так как они заключаются с нарушением Устава сельскохозяйственной артели.

влялась только в отношении основных видов технических культур, семян, овощей и кормовых трав. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 апреля 1940 года отменило систему контрактации овощей, семян, трав и оставило ее лишь в области технических культур (хлопок, лен, сахарная свекла и др.). В области животноводства государство и колхозы контрактуют лишь племенной молодняк. Заготовка всех других видов сельскохозяйственной продукции осуществляется в настоящее время путем: а) обязательных государственных поставок; б) государственных закупок; в) децентрализованных заготовок.

На определенных этапах развития Советского государства договоры контрактации содействовали выполнению особо важных хозяйственно-политических задач. Велика роль договоров контрактации в деле вовлечения крестьян в коллективное социалистическое земледелие. До периода перехода к сплошной коллективизации, заключая договоры контрактации как с отдельными крестьянскими хозяйствами, так и с объединениями крестьян, Советское государство оказывало крестьянству помощь в поднятии культуры земледелия; оно вытесняло спекулянтов, перекупщиков, освобождая таким образом крестьянство от кулацкой кабалы. Через систему контрактации государство устанавливало смычку между социалистической промышленностью и сельским хозяйством, что содействовало переходу крестьян на путь коллективизации.

Секретарь ЦК КПСС тов. Хрущев Н. С. в докладе на Пленуме ЦК КПСС 3 сентября 1953 года указал, что при снижении норм обязательных поставок колхозы и колхозники будут иметь излишки продукции для продажи. Сейчас, следовательно, необходимо определить правовую форму сбыта продукции, причем эта форма должна обеспечить сочетание интересов государства, колхозов и колхозников. Н. С. Хрущев отметил, что в настоящее время необходимо переходить от действующего порядка закупок к контрактации, которая позволит государству заранее планировать количество продукции, поступающей сверх обязательных поставок, а колхозам и колхозникам иметь гарантию сбыта продукции, получать денежные авансы и приобретать необходимые промышленные товары в порядке встречной их продажи¹.

В связи с этим перед советскими, партийными и сельскохозяйственными работниками, а также судебными органами стоит задача — последовательно претворять в жизнь положения договоров контрактации.

Мы ознакомились с практикой народных судов Харьковской области по рассмотрению споров, вытекающих из договоров контрактации скота — молодняка.

По договору контрактации молодняка одна сторона в лице

¹ Н. С. Хрущев, «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», Госполитиздат, 1953 г., стр. 14.

колхозного двора или двора рабочего, служащего, единоличника берет на себя обязательство вырастить теленка до 6-ти месячного возраста и передать его на колхозную ферму, а другая сторона — колхоз обязана внести вознаграждение. В соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1943 года¹, вознаграждение за молодняк определяется общим собранием колхозников в размере 1 кг зерновых или 10 кг грубых кормов за каждый килограмм живого веса теленка. Постановление допускает также в качестве вознаграждения за скот-молодняк в возрасте свыше 6-ти месяцев выполнение колхозом обязательных поставок мяса в размере годовой нормы за те колхозные дворы, которые сдали скот по договору контрактации.

В основном договоры контрактации скота-молодняка выполняются сторонами добросовестно. Система продуктообмена, установленная этим договором выгодна и колхозам и колхозникам. Колхозам она выгодна потому, что обеспечивает укрепление колхозных животноводческих ферм продуктивным молодняком, а колхозникам она обеспечивает получение необходимой им продукции.

Однако, все еще имеют место случаи, когда сторона, законтрактовав свой молодняк, уклоняется от выполнения договора. В этих случаях задача суда заключается в том, чтобы в его решении нашел свое последовательное отражение принцип реального исполнения обязательств, который направлен на выполнение социалистическими организациями производственных планов, на защиту их имущественных интересов.

Так, если колхозник, законтрактовав своего теленка, уклоняется поставить его на колхозную ферму, то суд по иску колхоза должен вынести решение, которым обязать колхозника выполнить взятое им обязательство по договору, т. е. передать колхозу законтрактованного теленка.

Подобное решение, например, вынесено Коломакским народным судом Харьковской области (дело № 2—331) по иску колхоза им. Хрущева к колхознице Голик М. П. Из обстоятельств дела видно, что по договору контрактации 22 июня 1951 года Голик М. П. законтрактовала теленка. В соответствии с этим договором колхозница взяла на себя обязательство вырастить и поставить на колхозную ферму теленка в возрасте 6 месяцев, а колхоз обязался выдать Голик 900 кг сена, 23 августа 1952 года колхоз свое обязательство выполнил, т. е. выдал колхознице 900 килограмм сена. Однако, Голик М. П. не передала колхозу теленка и объяснила суду, что «...бычка продала вместе с коровой». Народный суд Коломакского района своим решением от 12 сентября 1952 года обязал колхозницу Голик М. П. поставить на ферму им. Хрущева в соответствии с условиями договора контрактации от 22 июня 1951 года теленка 6-ти месячного возраста не ниже средней упитанности.

¹ Газета «Правда», 14 апреля 1943 г.

Подобное же решение вынес народный суд данного района по делу 2—329, обязав колхозника Чишко А. И. в соответствии с договором контрактации, заключенным сторонами 1-го июня 1952 года, поставить на ферму колхоза теленка 6-ти месячного возраста.

Несколько по-иному, однако правильно с нашей точки зрения, решено дело 2—305 народным судом Боровского района Харьковской области. Из материалов дела видно, что в декабре 1951 года колхоз «Шлях до коммунизму» заключил договор контрактации с колхозницей Врюкало Е. В. Согласно условиям договора, колхоз обязался выдать Врюкало Е. В. 1000 кг сена, а последняя взяла обязательство передать колхозу 6-ти месячного теленка весом 100 кг. Колхоз свое обязательство выполнил, колхозница же уклонилась от исполнения обязательства по договору. Народный суд 23 июня 1952 года решил: «Взыскать с Врюкало Е. В. в пользу артели «Шлях до коммунизму» одного шестимесячного теленка весом не меньше 100 кг, а в случае невозможности — его рыночную стоимость — 500 руб.»

Такие решения с нашей точки зрения вынесены в соответствии с принципом реального исполнения обязательств, выраженным в ст. 189 ГК РСФСР и в соответствующих статьях гражданских кодексов других союзных республик. Лишь в том случае, когда суд установит невозможность исполнения обязательства в натуре, он должен вынести решение, о взыскании с контрактанта рыночной стоимости законтрактованного объекта. Здесь мы руководствуемся постановлением Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 года «О судебной практике по гражданским колхозным делам». В п. 2 этого постановления указано, что семена, фураж и другое колхозное имущество, данное колхозами в займы другим колхозам, государственным или общественным организациям должны присуждаться с должников в натуре. Только в исключительных случаях при невозможности возврата долга в натуре допустимо присуждение денежной компенсации, исходя из стоимости невозвращенных продуктов по среднерыночным ценам, существующим в данной местности на день предъявления иска. Мы считаем, это положение должно быть применено судом и при решении вопроса о последствиях невыполнения контрактантом своих обязательств по договору контрактации молодняка.

Однако некоторые суды не учитывают этих указаний, а поэтому при рассмотрении исков, вытекающих из договоров контрактации допускают ошибки. Примером может быть дело 2 — 310 по иску колхоза «Карла Маркса» Ольховатского района к колхознице Есиповой о взыскании 110 рублей в виду неисполнения договора контрактации. Из обстоятельств дела видно, что 29 августа 1951 года Есипова И. А. заключила договор контрактации с колхозом им. Карла Маркса. Есипова И. А. взяла на себя обязательство поставить на колхозную ферму шестимесячного теленка средней упитанности, а колхоз обязался выполнить за колхозный двор

Есиповой И. А. обязательную государственную поставку мяса в размере 22 кг. Колхоз свое обязательство по договору выполнил. Колхозница Есипова теленка продала и от выполнения обязательства уклонилась. Народный суд Ольховатского района Харьковской области, руководствуясь ст. 117 ГК УССР вынес решение, которым взыскал с Есиповой И. А. в пользу колхоза им. Карла Маркса 110 рублей, т. е. стоимость 22 кг. мяса (по 5 рублей за кг. в живом весе). К сожалению такие решения не единичны. По иску колхоза им. Куйбышева к колхознице Злобиной П. М. о взыскании теленка, народный суд Ольховатского района вынес подобное же решение (дело 2 — 317).

В соответствии с условиями договора контрактации Злобина П. М. обязана была передать колхозу шестимесячного теленка, а колхоз — выполнить за колхозный двор Злобиной П. М. обязательную государственную поставку мяса в размере 20 кг. Колхоз выполнил взятое на себя обязательство, а колхозница забила теленка на мясо и таким образом не выполнила договора контрактации. Несмотря на то, что в судебном заседании представитель колхоза настаивал на взыскании с колхозницы Злобиной П. М. теленка (в отличие от первого изложенного дела) все же народный суд, руководствуясь ст. 117 ГК УССР взыскал с колхозницы Злобиной П. М. в пользу колхоза им. Куйбышева 100 рублей, т. е. стоимость мяса, сданного колхозом государству в порядке обязательной поставки.

В отдельных случаях имеют место ошибки также и со стороны прокуроров, которые защищая имущественные интересы колхозов, обращаются в суды с исками в порядке ст. 3 ГПК УССР¹.

Так, прокурор Ольховатского района Харьковской области (дело 2—325) обратился в народный суд этого района с иском заявлением, в котором просил народный суд на основании ст. 117 ГК УССР взыскать с колхозницы Буншаковой А. С. в пользу колхоза им. Карла Маркса 360 рублей. Из обстоятельств дела видно, что Буншакова А. С. 23 мая 1951 года заключила с колхозом им. Карла Маркса договор контрактации теленка. Колхоз выполнил взятые обязательства по этому договору, передал Буншаковой А. С. 500 кг. сена и выполнил государственную поставку мяса — 22 кг. Буншакова А. С. отказалась поставить на колхозную ферму 6-ти месячного теленка. Прокурор вместо того, чтобы поставить вопрос о реальном исполнении данного договора, определил стоимость 500 кг. сена по государственной цене (50 коп. за 1 кг.) и стоимость 22 кг. мяса (5 руб. за 1 кг.) и просил суд взыскать в пользу колхоза общую стоимость этой продукции, т. е. 360 рублей. Подобное исковое заявление в порядке ст. 3 ГПК УССР мы находим и в деле № 2—326 народного суда Ольховатского района. Прокурор просил взыскать с колхозницы Буншаковой М. С., невыполнившей договора контрактации в

¹ Ст. 2 ГПК РСФСР.

пользу колхоза Буденовского сельского Совета Харьковской области 410 руб., т. е. стоимость продукции, полученной ответчицей с колхоза по договору. Прокурор, следовательно, не уяснил значения и юридической природы договора контрактации молодняка; суд не критически руководствовался исковыми требованиями прокурора и в результате решения суда по этим делам вынесены неправильно в ущерб имущественным интересам колхозов.

В чем же заключается неправильность указанных решений?

Народные суды при рассмотрении этой категории дел руководствуются ст. 117 ГК, ссылаясь на то, что в случае неисполнения должником обязательства он обязан возместить кредитору причиненные неисполнением убытки. Нам представляется, что суды при рассмотрении исков, вытекающих из договоров контрактации молодняка, должны прежде всего ставить вопрос о проведении в жизнь важнейшего принципа советского обязательственного права — принципа реального исполнения обязательств, закрепленного в ст. ст. 120, 158, 189, 410 ГК и других нормативных актах.

Применение правовых положений, изложенных в указанных статьях Гражданского Кодекса связано с детальнейшим выяснением, почему сторона не выполнила взятых обязательств. Задача суда, следовательно, заключается в том, чтобы в судебном заседании установить истинные причины неисполнения обязательств.

Из приведенных примеров видно, что в одном случае сторона просто уклонялась от исполнения договора (отказывалась поставить теленка на колхозную ферму), в другом случае теленок был забит на мясо, в третьем — продан и т. д. Встречались в судебной практике и такие дела, где невозможность исполнения обязательств наступала в результате гибели законтрактованного объекта. Таким образом, недостаточно ограничиться применением ст. 117 ГК, а надо установить обстоятельства, вызвавшие неисполнение обязательств и применить в соответствии с этим правовые положения ст. ст. 118, 119, и 189 ГК.

Так, если будет установлено, что сторона просто уклоняется от исполнения обязательств, то суд должен вынести решение, которым обязать сторону выполнить обязательства, взятые по договору контрактации, т. е. обязать ответчика доставить законтрактованного теленка на колхозную ферму. Здесь суд в основание своего решения должен положить ст. 189 ГК, в соответствии с которой кредитор вправе требовать по суду отобрания вещи у должника, если последний уклоняется исполнить обязательство добровольно. Наряду со ст. 189 ГК, суд должен руководствоваться постановлениями ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1935 года¹ и СНК СССР от 13 апреля 1943 года, которые придают договорам контрактации силу закона «...обязательного к точному и безусловному исполнению...» сторонами. Следовательно, задача суда за-

¹ СЗ СССР 1935 г., № 51, ст. 422.

ключается в том, чтобы обеспечить реальное исполнение договора, а не взыскать с ответчика стоимость продуктов, полученных им по договору контрактации. Взыскивая стоимость выданных продуктов суд, очевидно, рассматривает уклонение стороны от исполнения обязательств, как обстоятельство, повлекшее прекращение договора, а поэтому и решает вопрос лишь о возмещении убытков на основании ст. 117 ГК. Однако это не так. В ст. 189 ГК нет и в помине ссылки на то, что уклонение стороны от исполнения обязательств может повлечь прекращение последнего.

Нельзя оправдать неправильность вынесенного решения и в том случае, когда представитель колхоза по своей юридической неосведомленности просит суд взыскать стоимость продукции, полученной ответчиком от колхоза по договору. И действительно, на совещании судебных работников Харьковской области в апреле 1953 года отдельные судьи пытались доказать правомерность вынесенных ими решений, ссылкой на то, что таковы были исковые требования колхоза. Однако, здесь следует учесть, что суд решает дело, руководствуясь прежде всего положениями закона. Согласно ст. 2 ГПК УССР истец имеет право в течение всего времени рассмотрения дела по существу изменить основание и предмет иска, увеличить или уменьшить свои исковые требования, отказаться от иска или заключить мировое соглашение. Суд принимает отказ стороны от принадлежащих ей прав, а также заявления об изменении оснований иска, либо его размере лишь в том случае, если «этот отказ не противоречит закону, интересам государства, или интересам трудящихся»¹.

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 13 апреля 1943 года, договор контрактации имеет силу закона и, следовательно, права и обязанности сторон, предусмотренные этим договором не могут быть изменены соглашением. Поэтому суд должен руководствоваться законом и удовлетворять только законные исковые требования сторон.

Следовательно, если представитель просит суд взыскать стоимость продукции, полученной ответчиком от колхоза по договору контрактации, а суд, руководствуясь законом, считает, что следует взыскать законтрактованного теленка, или его рыночную стоимость, то решение суда должно быть вынесено в соответствии с законом, а не с требованиями стороны.

В отдельных случаях, как видно из приведенных дел, сторона, неисполнившая своих обязательств по договору контрактации, ссылается на невозможность исполнения. При наличии таких обстоятельств суд должен руководствоваться ст. ст. 118, 119 ГК РСФСР и соответствующими статьями гражданских кодексов других союзных республик. Согласно ст. 118 ГК должник освобождается от ответственности за невыполнение, если докажет, что невозможность исполнения обусловлена обстоятельством, кото-

¹ Ст. 2 ГПК УССР.

рого он не мог предотвратить, либо создано вследствие умысла или неосторожности кредитора.

В судебной практике имеется значительное число дел, которые разрешены совершенно правильно с применением ст. 118 ГК. Например, дело, рассмотренное народным судом Коломакского района Харьковской области по иску колхоза им. Хрущева к колхознице Перец С. И. Из материалов дела видно, что 12 июня 1951 года колхозница Перец С. И. заключила с колхозом им. Хрущева договор контрактации, в соответствии с которым Перец С. И. взяла обязательство передать колхозу шестимесячного теленка весом не менее 100 кг, а колхоз обязался выдать колхознице рожь из расчета за 1 кг живого веса теленка 1 кг зерна. Колхоз свое обязательство выполнил, передав по акту от 5 сентября 1951 года колхознице Перец С. И. 100 кг. зерна. Однако, колхозница своих обязательств по договору не выполнила и пояснила суду, что законтрактрованный теленок пал в возрасте 4,5 месяцев. В деле имеется справка Харьковской областной ветеринарно-бактериологической лаборатории от 30 октября 1951 г., № 462, в которой указано, что гибель бычка наступила в результате бешенства. Руководствуясь этими данными, суд признал, что невозможность исполнения договора контрактации наступила в результате такого обстоятельства, которого не могла предотвратить колхозница Перец С. И. Поэтому народный суд Коломакского района Харьковской области на основании ст. ст. 118 и 129 п. «д» ГК УССР признал обязательство колхозницы Перец С. И. прекращенным за невозможностью исполнения, за которую Перец С. И. не несет ответственности и присудил — «взыскать с Перец С. И. в пользу колхоза им. Хрущева 100 кг. ржи, полученной последней по договору контрактации, а в случае невозможности взыскания зерна в натуре его рыночную стоимость 200 руб.»

Мы считаем, что это решение вынесено в точном соответствии с законом. Здесь правильно разрешены два правовых вопроса: 1) вопрос о невозможности исполнения и 2) в связи с этим вопрос о последствиях такого неисполнения договора контрактации.

Однако некоторые судебные работники считают, что в этом случае контрактант не обязан возвращать колхозу стоимость продукции, полученной им в счет выполнения договора. Обосновывая свою точку зрения, они ссылаются на то, что колхозник содержал теленка, затратил труд и, так как обязательство не выполнено не по вине контрактанта, то последний не обязан возвращать колхозу полученное по договору. Мы не разделяем эту точку зрения и считаем, что такое решение противоречит юридической природе договора контрактации. Как по договору подряда, так и по договору контрактации одна сторона (подрядчик или контрактант) обязуется за свой риск выполнить определенную работу, а другая сторона (заказчик) обязуется дать вознаграждение за выполнение задания. Отсюда следует, что, во-первых, контрактант выполняет обязательство за свой риск, а во-вто-

рых, он получает вознаграждение тогда, когда обязательство выполнено и результат работы передан заказчику. Следовательно, если теленок пал и, значит, контрактант не может передать колхозу результат работы, то в этом случае он не имеет права на вознаграждение, ибо контрактант, также как и подрядчик, выполняет работу за свой риск. В том же случае, когда колхоз выдал контрактанту аванс или вообще оплатил работу до исполнения договора, контрактант обязан возратить колхозу все полученное в счет исполнения договора.

В отдельных случаях суды неправильно решают вопрос о невозможности исполнения, а в связи с этим приходят к незаконным выводам в отношении последствий. Ознакомление с судебной практикой дает основание сделать вывод, что суды при решении вопроса о невозможности исполнения не учитывают ст. ст. 119 и 129 п. «д» ГК РСФСР и соответствующих статей гражданских кодексов других союзных республик. Из ряда приведенных дел видно, что в отдельных случаях невыполнение договора имело место ввиду того, что законтрактованный теленок был контрактантом или продан или забит на мясо. Однако суды не учитывают, что невозможность исполнения обязательства наступила по вине самих контрактантов, и в результате были вынесены неправильные решения о взыскании с ответчиков стоимости продукции, полученной ими от колхоза по договору контрактации. А между тем такое решение может быть вынесено судом только в том случае, если имеет место прекращение обязательства в силу невозможности исполнения, за которую контрактант не несет ответственности. Но ведь продажа законтрактованного объекта, убой и т. д. являются обстоятельствами, наступившими по воле самого ответчика, поэтому здесь нельзя ставить вопрос о прекращении обязательства и о передаче колхозу стоимости той продукции, которую получил контрактант по договору. В этом случае суд, руководствуясь постановлением Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 года, должен вынести решение, которым или обязать ответчика поставить на колхозную ферму такого же теленка или взыскать в пользу колхоза его рыночную стоимость. Только такие решения являются законными, направленными на защиту имущественных интересов колхозов.

Канд. юридич. наук А. Т. БАРАБАШ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОЧИХ ТРАКТОРНЫХ БРИГАД ЗА УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ МАШИННО-ТРАКТОРНОЙ СТАНЦИИ

Машинно-тракторные станции представляют собой индустриальную материально-техническую базу колхозного строя и являются решающей силой в развитии колхозного производства, важнейшими опорными пунктами в руководстве колхозами со стороны социалистического государства. Поэтому сентябрьский (1953 г.), а также январский (1955 г.) Пленумы ЦК КПСС указали, что дальнейший подъем всех отраслей колхозного производства зависит прежде всего от машинно-тракторных станций.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС отметил в качестве одного из основных недостатков МТС и главной причиной отставания жизненно важных отраслей сельского хозяйства совершенно неудовлетворительное использование техники, допущение больших простоев машин, неудовлетворительное качество работ, производимых машинно-тракторными станциями, небрежное отношение к агротехнике возделывания сельскохозяйственных культур и другие нарушения.

В отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии Н. С. Хрущев отметил, что принятые меры привели к некоторому улучшению деятельности МТС. Однако еще нельзя сказать, что она в полной мере отвечает современным требованиям¹.

Еще имеют место простои машин, ряд важнейших сельскохозяйственных работ не выполняется или выполняется с опозданием. Имеют место случаи недоброкачественного выполнения работ с нарушением агротехнических правил.

¹ Н. С. Хрущев, Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Госполитиздат, М., 1956 г., стр. 73.

В связи с этим мероприятия по улучшению работы МТС, в том числе улучшение организации труда, правильное использование и хранение техники, борьба с простоями, с низким качеством и несвоевременным выполнением сельскохозяйственных работ и другими нарушениями трудовой дисциплины приобретают особое значение для дальнейшего развития сельского хозяйства СССР.

Укрепление трудовой дисциплины достигается различными методами. Главное место среди них занимают такие методы воспитания как развертывание социалистического соревнования и принятие на себя социалистических обязательств, обсуждение важнейших вопросов организации трудовых процессов на производственных совещаниях, обсуждение этих вопросов на партийных, комсомольских, профсоюзных собраниях, а также в печати.

Наряду с этим средством воспитания сознательного отношения к общественному имуществу и к своим трудовым обязанностям со стороны части работников, еще полностью не осознавших важнейшего значения бережливого, экономного расходования вверенного им имущества и бдительной его охраны, является установленная советским трудовым правом имущественная ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный по их вине предприятию или учреждению.

В правовой литературе отсутствуют специальные работы, посвященные вопросу о материальной ответственности рабочих тракторных бригад за ущерб, причиненный МТС. Между тем этот вопрос вызывает большой теоретический и практический интерес. Нельзя сказать, что практика привлечения к материальной ответственности за ущерб, причиненный МТС, во всех случаях соответствует действующему законодательству. При этом в одних случаях МТС не привлекают виновных в причинении имущественного ущерба к материальной ответственности, хотя согласно действующему законодательству МТС вправе и обязаны это делать; в других же случаях работники незаконно привлекаются к материальной ответственности, чем нарушаются их трудовые права. Выяснение вопроса о материальной ответственности работников тракторных бригад имеет важное значение для обеспечения всемерной охраны социалистической собственности, для укрепления трудовой дисциплины в машинно-тракторных станциях, а также для охраны заработной платы рабочих тракторных бригад от неправильных и необоснованных удержаний.

В настоящее время правовое положение работников тракторных бригад определяется тем, что на основании постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС¹ они являются постоянными рабочими МТС, а прицепщики и машинисты на сельскохо-

¹ См. «Известия» 1 октября 1953 г.

зяйственных и землеройных машинах и помощники комбайнеров являются сезонными рабочими. Их правовое положение, несмотря на некоторые особенности в условиях труда, аналогично положению промышленных рабочих, так как они являются работниками государственного предприятия — МТС.

На постоянных, а также сезонных работников МТС распространяются общие нормы законодательства о труде рабочих и служащих, в том числе нормы о материальной ответственности за причиненный предприятию или учреждению при исполнении своих трудовых обязанностей ущерб, за исключением некоторых особых правил, предусмотренных специальными постановлениями, исходя из специфики условий работы в МТС.

К возмещению вреда, причиненного работниками предприятию или учреждению при исполнении трудовых обязанностей, должны применяться ст. 83 КЗоТ и постановление ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г.¹

Материальная ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию (учреждению) преследует двуединую цель: во-первых, оказание дисциплинирующего и воспитательного воздействия на работника и, во-вторых, задачу возмещения причиненного вреда. Общеупреждающие задачи по оказанию дисциплинирующего и воспитательного воздействия на причинивших ущерб при помощи материальной ответственности превалирует над задачами возмещения причиненного вреда². Этим самым материальная ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву существенно отличается от гражданско-правовой ответственности за причинение вреда. Поэтому и размер ответственности по трудовому праву в значительно большей мере, чем в гражданском праве, дифференцирован в зависимости от целого ряда подлежащих учету субъективных и объективных факторов — таких, как назначение имущества, основание и цель его нахождения у работника, форма и степень вины работника, причинившего ущерб и др.

Борьба с нарушением трудовой дисциплины и с производственным браком ведется разнообразными мерами общественного воздействия, превращающими эту борьбу в одно из важнейших звеньев всенародного движения за максимальное повышение всех количественных и качественных показателей в работе.

¹ См. вводную часть постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1951 г. г.», Юриздат, 1952 г., стр. 137. См. по этому поводу также статью С. С. Каринского, «Об отличии материальной ответственности по трудовому праву от гражданско-правовой ответственности за ущерб» («Советское государство и право», 1955 г., № 5).

² См. статью С. С. Каринского «Об отличии материальной ответственности по трудовому праву от гражданско-правовой ответственности за ущерб», «Советское государство и право», 1955 г., № 5., стр. 82—90.

Рабочие тракторных бригад, допустившие противоправные действия, выразившиеся в нарушении своих трудовых обязанностей, установленных действующим законодательством, правилами внутреннего трудового распорядка, изданными администрацией в установленном порядке приказами, специальными инструкциями и другими аналогичными актами (техническими правилами эксплуатации, правилами производства работ и т. п.)¹ и причинившие своими виновными действиями имущественный ущерб машинно-тракторной станции, привлекаются, помимо применения к ним мер дисциплинарного воздействия, и к материальной ответственности. К таким противоправным действиям, влекущим зачастую для МТС имущественный ущерб, относятся, например, нарушение правил технической эксплуатации сельскохозяйственных машин, правил хранения и ухода за ними; нарушение агротехнических правил выполнения сельскохозяйственных или иных работ (обработка почвы, посев, культивация, уборка, переработка, транспортировка и т. п.). Материальная ответственность рабочих тракторных бригад за причиненный имущественный ущерб не может превышать одной трети месячной заработной платы работника. Причинение ущерба при наличии условий, предусмотренных ст. 2 постановления ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г., влечет за собой ответственность в пределах полного размера ущерба, причиненного противоправным виновным действием (бездействием) работника.

Ведомственная и судебная практика показывает, что имеется много неясных вопросов, важных с точки зрения борьбы за укрепление трудовой дисциплины, охраны социалистической собственности, а также охраны заработной платы рабочих тракторных бригад от различного рода неправильных и необоснованных удержаний и требующих своего теоретического разрешения.

Материальная ответственность рабочих и служащих возможна лишь при обязательном условии установления ущерба для предприятия и учреждения в результате их противоправных действий (или бездействия). При этом материальная ответственность наступает лишь в размере действительного ущерба (ст. 1 постановления ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г.)¹. В случае отсутствия действительного ущерба, понесенного предприятием или учреждением вследствие противоправных действий (или бездействия) того или иного работника вопрос об их материальной ответственности возникнуть не может.

При возмещении ущерба по нормам гражданского права (ст. 117, 410 ГК) убытки исчисляются, как правило, в полном объеме

¹ См. об этом подробнее — С. С. Каринский, «Материальная ответственность за небрежное отношение к социалистическому имуществу» в журнале «Социалистическая законность», 1953 г., № 4.

² Здесь мы не касаемся вопроса о пределах материальной ответственности, установленных этим законом, который требует особого рассмотрения.

причиненного ущерба, т. е. возмещаются как положительный ущерб в имуществе, так и упущенная потерпевшим выгода, возможная при обычных условиях оборота или, применяя эту формулу к условиям деятельности социалистических предприятий, та плановая прибыль, которую предприятие должно было бы реально получить в нормальных условиях своей деятельности и которой оно не получило именно вследствие вреда, причиненного его имуществу в сфере его договорных или внедоговорных отношений¹.

При определении убытков по нормам трудового права принимается во внимание только положительный ущерб, но не упущенная предприятием выгода². Следовательно, рабочие и служащие, причинившие по своей вине ущерб предприятию или учреждению, возмещают последнему во всех без исключения случаях лишь положительный ущерб, а не полный объем ущерба, причиненного их действиями (или бездействием). Это принцип, твердо установленный действующим законодательством и судебной практикой³.

Таким образом, ущербом, причиненным работником предприятию или учреждению, должно считаться всякое действительное умаление по вине работника имущественного блага, принадлежащего предприятию или учреждению (либо другому предприятию или учреждению, если этот ущерб возмещен ему тем предприятием или учреждением, в котором занят работник)⁴.

Поэтому следует признать неправильным взыскание 238 р. 88 к. с тракториста Харьковской МТС Затолокина, который, получив от бригадира тракторной бригады указание о производстве работы, не выполнил это указание, в результате чего трактор по его вине простоял 10 часов. С заработной платы Затолокина была удержана себестоимость тех работ, в переводе на мягкую пахоту, которые можно было бы выполнить при отсутствии простоя трактора⁵.

В Комаровской МТС три трактора двенадцатой тракторной бригады простояли полтора часа в результате того, что бригадир тракторной бригады Ксенофонтова, помощник бригадира Андриенко и учетчик-заправщик Костяница отсутствовали на работе и не обеспечили подвоз горючего. Приказом по МТС бухгалтерии

¹ См. об этом—Л. А. Лунц в книге Н. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, *Общее учение об обязательстве*, Госюриздат, М., 1950 г., стр. 370—373; А. В. Венедиктов, *Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР*, Издательство АН СССР, М—Л., 1954 г., стр. 200.

² Ст. 3 постановления ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г.

³ См., например, Определение ГСК Верховного суда СССР от 14 августа 1954 г. по делу автотранспортной конторы к Виндавс, «Судебная практика Верховного суда СССР», 1955 г., № 1, стр. 28.

⁴ С. Каринский, *Понятие действительного ущерба по делам о материальной ответственности рабочих и служащих*, «Социалистическая законность», 1950 г., № 10, стр. 35.

⁵ Приказ по Харьковской МТС от 27 июня 1954 г.

было предложено удержать за простой трех тракторов в течение полутора часов поровну с перечисленных лиц¹.

Те же ошибки имеются и в судебной практике. Тракторист Несваян оставил трактор в поле, и три дня не выходил на работу. МТС предъявила иск на сумму в 412 р. 60 к. из расчета себестоимости тех работ, которые он мог бы выполнить при отсутствии простоя. Народный суд Карпинского района Молдавской ССР иск удовлетворил, Верховный суд Молдавской ССР это решение оставил в силе.

В приведенных случаях убытки определены в размере себестоимости тех работ, в переводе на условную пахоту, которые можно было бы выполнить на данном типе машин при нормальной их работе.

Такая практика не отвечает действующему законодательству.

Если, несмотря на имевшие место простои сельскохозяйственных машин, МТС выполнила работы, предусмотренные договором, то никаких дополнительных обязательств перед колхозом она не несет. Различные нарушения производственного процесса, не влияющие на выполнение договора, имеют внутреннее значение для МТС, они, в конечном счете, отражаются на себестоимости работ, но прямых убытков МТС не имеет. С другой стороны, заработная плата работникам тракторной бригады, в том числе помощнику бригадира и бригадиру, в случае простоев не выплачивается². Следовательно, нет важнейшего обстоятельства, влекущего материальную ответственность — нет положительного ущерба в имуществе. Поэтому возложение в приведенных случаях на виновных в простое сельскохозяйственных машин материальной ответственности являлось бы удержанием упущенной выгоды. Определяя ответственность виновных в размере себестоимости тех работ, которые можно было бы выполнить на данном классе машин при отсутствии простоя, МТС тем самым возлагает на работников ответственность за производительность труда, за экономичность использования машин, а не за имущественный ущерб, причиненный МТС.

Однако в одном случае возможна материальная ответственность работников тракторных бригад в случае простоя, а именно тогда, когда МТС в установленном законом порядке обязана возместить колхозу убытки, причиненные невыполнением предусмотренных договором работ.

Типовой договор машинно-тракторной станции с колхозом, утвержденный постановлением Совета Министров СССР от 20 февраля 1954 года в ст. 43 предусматривает, что в случае невыполнения по вине МТС или колхоза тех или иных работ, преду-

¹ Приказ по Комаровской МТС № 178 от 12 августа 1954 г.

² Постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС от 21 сентября 1953 г., № 2458 «О мерах по дальнейшему улучшению работы машинно-тракторных станций» оплату за время простоя всех видов не предусматривает.

смотренных договором, виновная сторона возмещает другой стороне в полуторном размере понесенные убытки. Следовательно, у МТС по вине ее работников могут возникнуть особые обязательства, не вытекающие из нормальной деятельности МТС, например, работник тракторной бригады оставил машину, занялся своими личными делами и несколько дней не появлялся на работу, в результате чего МТС обязана была возместить колхозу убытки, причиненные высыпанием семян, уходом урожая под снег и т. п. Выплаченные колхозу суммы и составляют положительный ущерб в имуществе МТС. Поскольку этот ущерб обусловлен простоями сельскохозяйственных машин по вине работников тракторной бригады, то на них возлагается регрессная обязанность покрыть этот ущерб в пределах, установленных законом. При этом учитываются не только причиненные убытки, но и та конкретная обстановка, при которой убыток был причинен, а также материальное положение работника. Следует также учесть, что недопустимо возложение на работника ответственности за такой ущерб, который не может быть отнесен к категории нормального производственно-хозяйственного риска.

Отсюда следует важный вывод, что в тех случаях, когда МТС не обязана к уплате колхозу соответствующего возмещения, требование МТС к работнику о возмещении ущерба не имеет под собой основания. Даже в тех случаях, если по вине МТС и не выполнены предусмотренные договором работы, но колхоз по каким-либо причинам не предъявил соответствующих требований к МТС (хотя в интересах своего хозяйства и должен был предъявить такие требования), то в этом случае требование МТС к работникам являлось бы преждевременным.

Основанием для регрессных требований к работникам, 'по вине которых предприятие, где работает данный работник, не выполнило своих обязательств, в силу чего обязано нести ответственность перед третьими лицами, является п. «б» ст. I постановления ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 года. Рабочие и служащие в силу этого постановления несут имущественную ответственность перед своим предприятием или учреждением в случае «недобора денежных сумм, утраты документов, полного или частичного обесценения документов, необходимости для нанимателя произвести излишние или штрафные выплаты».

Необходимость произвести излишние выплаты возникает вследствие невыполнения обязательств, лежащих на данной МТС перед колхозом, если невыполнение обязательств повлекло выплату колхозу причиненных убытков на основании ст. 43 Типового договора. Поэтому на основании п. «б» ст. 83 КЗоТ и в пределах, предусмотренных этой статьей, лица, по вине которых были выплачены убытки, должны нести регрессную ответственность перед МТС. Такая практика имеет большое воспитательное и дисциплинирующее значение. Она также позволит МТС в известной мере покрыть ущерб, причиненный ей виновными дейст-

виями работников МТС и в целом будет способствовать укреплению договорной дисциплины.

Значительный теоретический и практический интерес вызывает вопрос об ответственности работников тракторных бригад за выполнение сельскохозяйственных работ с нарушением установленных агротехнических требований, т. е. в тех случаях, когда работа признана недоброкачественно выполненной и забракована.

Борьба с браком в нашем народном хозяйстве играет огромную роль, это борьба за выполнение народнохозяйственных планов, за укрепление и умножение социалистической собственности. Ущерб социалистической собственности причиняется не только хищением, разбазариванием отдельных ее объектов, но и браком в работе.

На XX съезде КПСС были резко осуждены случаи выпуска недоброкачественной продукции, недоброкачественного выполнения работ и подчеркнута необходимость повышения дисциплины трудящихся, улучшения организации труда и ликвидации потерь материальных средств и рабочего времени.

Неустанная борьба за повышение качества сельскохозяйственных работ машинно-тракторными станциями является одним из важнейших условий общего подъема всего сельского хозяйства.

Вопрос о возмещении ущерба, причиненного браком в работе МТС, в практике решается самым различным образом и часто с нарушением действующего законодательства; имеют место случаи незаконного привлечения к материальной ответственности, либо неправильного определения объема этой ответственности; иногда на работников тракторных бригад возлагается обязанность возместить нереальный, мнимый ущерб.

Убытки, причиненные браком в работе, могут быть выражены:

а) в излишних затратах на переделку забракованной работы (повторные вспашка, культивация, уборка и т. п.);

б) в затратах на восстановление поврежденных растений, посевного материала и т. п.;

в) в затратах МТС на выплату контрагенту убытков, причиненных недоброкачественным выполнением работ.

Практика МТС по возложению материальной ответственности за переделку работ не отличается каким-либо однообразием даже в пределах одной МТС.

В Харьковской МТС тракторист Петренко произвел культивацию на площади в 15 га с нарушением агротехнических правил. Работа Петренко была забракована, и с заработной платы Петренко было удержано 158 руб. 08 коп., т. е. себестоимость забракованной работы.

Некоторые МТС в аналогичных случаях удерживают лишь стоимость горюче-смазочных материалов и стоимость амортизации

¹ Здесь не затрагивается вопрос об ответственности за брак, причиненный работниками тракторных бригад не в период работы на сельскохозяйственных машинах.

машин, а иногда — только стоимость горючего. Это свидетельствует о неясностях в решении вопроса об ответственности за брак¹.

Себестоимость работ, выполняемых МТС, складывается как из прямых производственных затрат, так и их общепроизводственных расходов, а именно из таких элементов:

- административно-хозяйственные и прочие расходы;
- заработная плата персоналу МТС;
- заработная плата с начислениями производственным рабочим;
- отчисления на ремонт и технические уходы;
- стоимость горюче-смазочных материалов.

Из общей суммы себестоимости административно-хозяйственные расходы не являются прямым результатом брака, они не относятся с ним в непосредственной связи. Административно-хозяйственные расходы это общепроизводственные расходы и имеют место независимо от качества работы того или иного работника бригады. Поэтому они не составляют особых расходов для МТС, вызванных браком, и не могут быть включены в сумму, определяющую размер ущерба.

По тем же причинам не может быть включена в сумму удержаний за брак и заработная плата персоналу, так как она также выплачивается не в связи с фактом брака отдельных работников, а в связи с общепроизводственной деятельностью и, следовательно, также не составляет особых расходов.

Не может удерживаться и сумма, составляющая заработную плату производственным рабочим, т. е. рабочим бригады. Заработная плата работникам тракторной бригады выплачивается только за доброкачественно выполненную работу, брак в работе не оплачивается¹, причем не только работнику, непосредственно причинившему брак, но и другим работникам бригады, оплата труда которых находится в прямой зависимости от результатов работы в целом (бригадиру тракторной бригады, его помощнику, учетчику — заправщику). И в этой части никаких особых расходов в связи с браком МТС не несет.

Перечисленные расходы являются общепроизводственными расходами и не являются прямым следствием брака. Законом же разрешено возложение на рабочих и служащих лишь обязанности возмещения прямых убытков². Следовательно, рабочие и служащие не обязаны возмещать различные косвенные убытки, т. е. убытки, связанные лишь отдаленным образом с причиненным ущербом и являющихся следствием не только действий работника, но и каких-то иных причин³.

¹ См. Типовой договор МТС с колхозом, утвержденный постановлением Совета Министров СССР 20/II—1954 г. В п. «в» ст. 43 договора говорится, что работы, выполненные рабочими МТС недоброкачественно, бракуются и оплате рабочим не подлежат.

² Ст. 3 постановления ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г.

³ См. И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, *Общее учение об обязательствах*, Юриздат, М., 1950 г., стр. 372.

Таким образом, удержание полной себестоимости забракованных работ является неправильным.

Некоторые МТС практикуют удержание только прямых производственных затрат, т. е. стоимости отчисления на ремонт и стоимости горюче-смазочных материалов, затраченных на забракованную работу.

Стоимость ремонта сельскохозяйственных машин и технических уходов за ними доходит до 25 и больше процентов общей себестоимости работ¹. Таким образом, значительная часть себестоимости работ состоит из отчислений на ремонт. Это действительно уменьшение имущества МТС вследствие дополнительных, внеплановых расходов, не компенсируемых соответствующим производственным эффектом.

Под действительным ущербом в смысле ст. I постановления ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 года и ст. 83 КЗоТ следует понимать «всякое действительное умаление по вине работника имущественного блага, принадлежащего предприятию или учреждению...»². С этой точки зрения особые расходы на ремонт и технические уходы, производимые по вине работника, следовало бы отнести к действительному ущербу, подлежащему возмещению со стороны виновного работника. Отсутствие прямого запрещения подобных удержаний в законе также подкрепляет возможность возложения на рабочих и служащих обязанности возместить ущерб, вызванный расходами на ремонт.

Однако вряд ли следует признать правильным удержание расходов на ремонт и технические уходы, так как размеры отчислений на ремонт и технические уходы, положенные в основу для определения размера ущерба, установлены планом, исходя из средних данных в целом по МТС. Конкретно же определить размер тех средств, которые будут затрачены на ремонт, принимая во внимание бесконечно разнообразные и конкретно неопределенные варианты влияния работы машины на ее состояние, невозможно. Таким образом, удерживаются предполагаемые, а не действительные, реально возможные в конкретных условиях расходы.

В нормативных актах нигде не упоминается об обязанности виновных покрыть весь объем ущерба, причиненного браком. Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 декабря 1931 г. «О мероприятиях по упорядочению оплаты простоя и брака на производ-

¹ См., например, С. К. Гусев и И. Т. Кузнецов, Внутренние резервы МТС, Сельхозгиз, М., 1954 г. Авторы приводят данные годовых отчетов МТС Воронежской области. Согласно этим данным затраты на горючее и смазочные материалы составляют 35,3 процента всех затрат, стоимость ремонта и технических уходов — 29,3 процента. Как видно из приведенных данных, расходы на нефтепродукты, ремонт и технический уход составляют 64,6 процента общей себестоимости работ. См. также «Финансы СССР», 1955 г., № 9, стр. 34

² См. С. Каринский. Понятие действительного ущерба по делам о материальной ответственности рабочих и служащих, «Социалистическая законность», 1950 г., № 10, стр. 35.

стве и транспорте», а также постановление НКТ СССР от 25 февраля 1932 г.¹ «о порядке оплаты простоя и брака» не содержат никаких указаний о возможности возложения ответственности за амортизацию машин или оборудования на рабочих и служащих. Однако имеется указание об имущественной ответственности за порчу материалов при изготовлении изделия.

Кроме того, известная доля вины за брак в работе лежит также на предприятии, должностные лица которого не осуществляли достаточного контроля за действиями подчиненных им рабочих, в результате чего произошел брак.

Что же касается удержания стоимости горюче-смазочных материалов, затраченных на забракованную работу, то этот вопрос следует решать положительно. Эти затраты являются прямым убытком, в смысле положительного ущерба (ст. 3 постановления ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 года), с достоверностью определяемым в каждом конкретном случае, поэтому не может возникнуть никакого сомнения в действительности этих убытков, что является обязательным условием для привлечения работника к материальной ответственности.

Поскольку на переделывание работы затраты горючего меньшие, чем на ее первичное выполнение, предусмотрено, что при выполнении тракторных работ с нарушением установленных агротехнических требований удерживается: с тракториста — 50 процентов, с бригадира тракторной бригады и его помощника — по 10 процентов стоимости горючего, израсходованного на недоброкачественно выполненную и забракованную работу.

В практике МТС часто возникает вопрос об ответственности за порчу посевного материала, за повреждение растений при обработке и т. п.

Тракторист Комаровской МТС Лещенко во время пахоты сада в колхозе им. Куйбышева повредил 20 корней яблонь и выпалхал 3 дерева. В связи с тем, что МТС обязана возместить колхозу причиненный ущерб, приказом директора МТС на тракториста Лещенко в свою очередь возложена обязанность покрыть причиненный МТС ущерб². В той же Комаровской МТС при обработке картофеля трактором с культиватором по вине тракториста Задорожного и бригадира тракторной бригады Сызько были подрезаны корни многих кустов картофеля в результате того, что лапы культиватора работали неравномерно. Кроме того, большое количество клубней вытянуто из земли наружу. Приказом по МТС было дано распоряжение все подрезанные кусты картофеля посадить за счет тракториста Задорожного и бригадира тракторной бригады Сызько.

¹ С изменениями и дополнениями от 11 апреля 1932 г. и 1 июня 1932 г.
² Приказ по МТС № 102 от 27 мая 1954 года.

Подобные случаи имеют место и в судебной практике. Тракторист Валюх на вспашке зяби перепахал 0,4 га двухлетней защитной лесополосы. Колхоз предъявил иск о взыскании убытков. Народный суд Синевского района Сумской области удовлетворил иск колхоза в размере 510 руб. согласно исполнительной калькуляции агролесомелиоратора по восстановлению уничтоженной лесополосы.

В приведенных случаях недоброкачественное выполнение работ причиняет колхозу имущественный ущерб. На этом основании колхозы предъявляют иски к МТС о возмещении ущерба, понесенного в результате недоброкачественного выполнения МТС отдельных работ¹.

С своей стороны МТС вправе и обязана привлечь к материальной ответственности в порядке регресса лиц, виновных в причинении ущерба МТС. Типовой договор МТС с колхозом предусматривает не только ответственность сторон в договоре за небрежное причинение вреда имуществу МТС и колхоза, но и ответственность физических лиц — рабочих МТС, а также членов колхоза. Ст. 44 договора устанавливает, что МТС и колхоз обязуются бережно и заботливо обращаться с тракторами, комбайнами, живой тягловой силой, сельскохозяйственным инвентарем, горючим, семенами и прочим имуществом МТС и колхоза, налагая на работников МТС и членов колхоза, виновных в небрежной сохранности государственного и колхозного имущества и небрежном обращении с ним, строгие взыскания вплоть до снятия с работы в МТС, исключения из колхоза и взыскания причиненных убытков.

В ведомственной и судебной практике встречаются случаи предъявления колхозами требований к МТС о возмещении убытков, причиненных недоброкачественным выполнением работ.

Бригада бригадира тракторной бригады Сай произвела посев кукурузы на площади в 40 га с нарушением квадратно-гнездового способа посадки — неровно, в результате чего колхоз вынужден был обработать эту площадь не машинами, а вручную, затратив на это дополнительные средства. По иску колхоза народный суд Синевского района Сумской области взыскал с МТС 1200 руб. и эту же сумму в порядке регресса с бригадира Сай.

В другом случае механик коноплеуборочной машины Радионов был послан в колхоз для уборки конопли. Не отрегулировав

¹ См. Л. Заславская, Н. Коробкова, Всемерно укреплять договорные отношения МТС с колхозами, «Социалистическая законность», 1955 г., № 11. Авторы приводят следующие случаи из судебной практики. Прокурор Тбилисского района, Краснодарского края в интересах колхоза им. Маленкова предъявил в народном суде 1-го участка Тбилисского района иск к Нововладимирской МТС о 2310 руб. за ущерб, причиненный потерей урожая в связи с техническими неполадками комбайна. Прокурор Брюховецкого района Краснодарского края в интересах колхоза «Новый путь» предъявил в народном суде Брюховецкого района иск о 44.982 руб. за ущерб, причиненный потерей урожая из-за недоброкачественной его уборки. Суды удовлетворили иски.

машину, он оставил стерню 25—30 см, в результате чего колхоз сдал тресту с площади в 4 га низшим номером, так как треста была короткая. МТС уплатила колхозу 1000 руб. за причиненный ущерб. Тот же народный суд по иску МТС взыскал эту сумму с Радионова (Радионов к этому моменту прекратил трудовые отношения с МТС).

Ущерб, причиненный недоброкачественным выполнением работ может быть самым различным, и в подобных случаях машинно-тракторные станции непосредственно или через суд в порядке регрессных требований взыскивают с виновных работников тракторных бригад выплаченные колхозу суммы.

Нет оснований признать подобную практику неправильной. Более того, п. «б» ст. 83 КЗоТ дает право администрации привлечь рабочих и служащих к материальной ответственности в случае необходимости для предприятия произвести излишние или штрафные выплаты, что и имеет место в приведенных случаях.

Таким образом, работники тракторных бригад могут быть привлечены к материальной ответственности в различных случаях недоброкачественного выполнения сельскохозяйственных работ, если оно имело место по вине работника и, если убытки действительно и точно определены и МТС обязана в установленном законом порядке возместить эти убытки колхозу.

Ответственность за недоброкачественное выполнение работ не должна превышать $\frac{1}{3}$ тарифной ставки работника (ст. 83 КЗоТ). Поэтому неправильным является удержание с виновных полной стоимости причиненного ущерба. Естественно, что при этом нужно учитывать степень вины работника, обстановку, при которой произошел ущерб, а также его материальное положение.

Следует также иметь в виду, что удержания возможны только после вступления в законную силу решения суда о взыскании в пользу колхоза убытков, а если МТС добровольно возместила убытки, то после оплаты МТС соответствующего счета колхоза, предъявленного в связи с причиненным ущербом.

П. Я. ШУМСКИЙ

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТНИКОВ ТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Трудящиеся нашей страны, руководимые Коммунистической партией, с большим политическим и трудовым подъемом осуществляют величественные планы строительства коммунизма, разработанные Центральным Комитетом и принятые XX съездом партии. Крутой подъем всех отраслей народного хозяйства ведет к росту доходов рабочих, колхозников, интеллигенции. Рост доходов населения сопровождается дальнейшим развертыванием советской торговли. За шестую пятилетку общий подъем розничного товарооборота намечено увеличить на 50 процентов¹. Перед работниками советской торговли XX съезд партии поставил большую и трудную задачу — снизить издержки обращения государственной и кооперативной торговли, примерно на 17 процентов².

Борьба с потерями, вызываемыми имеющимися еще недостатками в работе торговых предприятий, должна выполнить существенную роль в этом деле. Это относится, прежде всего к законодательству о материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими предприятию.

Институт материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими предприятию, призван выполнять двуединую роль. Материальная ответственность является одним из правовых средств защиты социалистической собственности от посягательств расхитителей и от различных потерь, вызываемых иными противоправными деяниями работников³.

¹ См. Н. А. Булганин — Доклад о Директивах XX съезду КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы. Госполитиздат, М., 1956 г., стр. 65.

² См. Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, М., 1956 г., стр. 81.

³ См. С. С. Каринский. О роли советского трудового права в охране социалистической собственности. «Советское государство и право», 1952 г., № 12, стр. 47.

Вместе с тем институт материальной ответственности имеет своей целью содействие делу укрепления сознательной социалистической трудовой дисциплины рабочих и служащих, содействие созданию деловой обстановки и высокой культуры организации труда.

При решении вопросов, связанных с возложением на работников обязанности возместить причиненный ущерб, следует учитывать и не терять из виду двуединую задачу института материальной ответственности.

Так, освобождая рабочих и служащих от материальной ответственности за упущенную выгоду и устанавливая ограниченную ответственность в ряде случаев, законодатель тем самым указывает надлежащему кругу должностных лиц: принимайте все меры, зависящие от вас, чтобы избежать или предотвратить возможный ущерб и не уstraняйте себя от этих обязанностей.

Трудовое законодательство не содержит прямых указаний о том, в чем именно выражается материальная ответственность. Ущерб не всегда имеет денежное выражение. То обстоятельство, что трудовое право в этом случае регулирует имущественные отношения, дает основание пользоваться постановлениями ГК. Ст. 410 ГК гласит: «Возмещение за вред должно состоять в восстановлении прежнего состояния, а поскольку такое восстановление невозможно — в возмещении причиненных убытков». Следовательно, работник, виновный в причинении ущерба, обязан прежде всего, восстановить прежнее положение: отремонтировать инструмент или оборудование в случае поломки, представить такую же вещь в случае ее утери или гибели по вине работника. А если такое невозможно — возместить ущерб. Некоторые считают, что принципы ст. 410 ГК полностью распространяются на трудовые отношения и потому работник, виновный в причинении вреда вправе восстановить прежнее положение: отремонтировать поломанное оборудование, устранить тот или иной недостаток или предоставить такую же вещь, одноименную по названию и равноценную по стоимости и качеству¹. Другие же полагают, что такое решение вопроса как правило невозможно и что такая компенсация ущерба может иметь место только в порядке исключения². Это мнение основано на ст. 4 Постановления ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г.³, которая предусматривает, что возмещение ущерба производится путем вычета нанимателем своей властью соответствующей суммы из заработной платы работника. Но такое указание закона не вступает в противоречие с принци-

¹ См. А. Лесняк, Дела о материальной ответственности рабочих и служащих в судебной практике, «Социалистическая законность», 1951 г., № 9, стр. 43.

² См. С. Каринский, Понятие действительного ущерба по делам о материальной ответственности рабочих и служащих. «Социалистическая законность», 1950 г., № 10, стр. 43.

³ СЗ СССР, 1929 г., № 42, ст. 367.

пами, проводимыми ст. 410 ГК. В данном случае речь идет лишь о порядке возмещения ущерба, когда восстановление прежнего положения либо невозможно, либо в нем нет надобности, либо виновный работник того не желает. Эта статья не содержит ни запрета, ни особых полномочий администрации в деле выбора формы возмещения ущерба.

Советское трудовое право знает и такие нормативные акты, которые проводят принципы ст. 410 ГК в трудовых правоотношениях со всей последовательностью.

В настоящее время директора совхозов обязаны предоставлять лицам, виновным в гибели лошадей, крупного рогатого скота, свиней, овец и коз, возмещать причиненный ущерб путем сдачи в натуре совхозу равноценного скота. Кроме того, они должны списывать с работников совхозов числящуюся за ними задолженность по ранее предъявленным искам в тех случаях, когда эти работники возместили совхозам ущерб от гибели скота путем сдачи в натуре равноценного скота или выплаты его стоимости.

Таким образом, в настоящее время существуют две формы возмещения ущерба — денежная и натуральная.

Очень часто изменение формы возмещения ущерба может повлечь за собой изменение размера долга.

Если работник торгового предприятия по своей вине разбил стекло у пилона или у прилавка, то проще всего в этом случае приобрести стекло и поставить его на место. При таком порядке возмещения ущерба работник оплачивает только стоимость стекла. Если же допустить право администрации отклонять натуральную форму возмещения, то этот же работник кроме стоимости стекла уже должен будет оплатить расходы по заработной плате стекольщика и еще накладные расходы и другие сборы, которые берет соответствующая подрядная организация. Это, не вызывается ни соображениями охраны социалистической собственности, ни интересами дисциплины, ни требованиями соответствующей организации труда. Искусственное увеличение размера компенсации ничем оправдать нельзя. Иное дело, когда работник не может или не желает возместить ущерб в натуре. Тогда денежная форма становится необходимой.

В практике возмещения вреда, причиняемого на автотранспорте торговых организаций по вине шоферов в результате потери или поломки деталей автомобилей, возмещение натурой — доставкой новой детали или ремонт и устранение недостатков — является господствующей формой компенсации за вред.

При возмещении вреда натурой возможны три варианта. В одном случае виновное лицо восстанавливает прежнее положение в буквальном смысле слова: взамен потерянного или поврежденного предмета доставляется предмет одноименный по названию и равный по качеству и стоимости. Во втором случае — работник

компенсирует вред натурой, предоставляя предмет, уступающий по качеству и по его стоимости. Здесь работник обязан уплатить разницу в денежной форме. До тех пор, пока работник не внесет разницу между стоимостью утраченного предмета и стоимостью доставленного, он еще не выполнил своего обязательства по возмещению вреда, так как в этом случае он не восстановил прежнего положения.

Наконец, третий случай, когда в целях восстановления прежнего положения причинитель ущерба предоставляет предприятию одноименный предмет с утраченным или испорченным предметом, но превышающий его по качеству и стоимости. В этом случае происходит улучшение инвентаря предприятия; тут имеет место «неосновательное обогащение» предприятия в размере образовавшейся разницы. Предприятие в этом случае в какой-то мере получает недолжное. Эту разницу причинитель вправе получить согласно ст. 83⁶ КЗоТ.

Такое же положение создается и при предоставлении равноценного оборудования, если испорченное подлежит утилизации.

Нельзя допустить такую практику, когда суды обязывали бы предприятия к передаче поврежденного оборудования виновным работникам взамен возмещения ущерба. Такая практика в литературе уже осуждена¹, и совершенно правильно.

Обязанность утилизации сырья от остатков поврежденного инвентаря лежит только на предприятии и эту обязанность нельзя перекладывать на работника, виновного в порче оборудования.

По общему правилу рабочие и служащие обязаны возмещать вред в размере его действительного ущерба, но не свыше $\frac{1}{3}$ своего месячного оклада (ст. 83 КЗоТ).

Перечень случаев, когда наступает ограниченная материальная ответственность в пределах $\frac{1}{3}$ оклада, либо вовсе не нужен, либо может быть только примерным, но не исчерпывающим. Например, постановление НКТ СССР от 24 августа 1931 года² о том, что работники железнодорожного транспорта и хозорганов — клиентов железных дорог должны нести имущественную ответственность за простой вагонов в размере взысканного штрафа, но не свыше одной трети месячной тарифной ставки работника, если простой произошел по вине работника — нельзя рассматривать как особую или новую норму. В сущности это указание на частный случай, подпадающий под ст. 83 КЗоТ.

Работник обязан возместить вред в размере действительного ущерба, но не более $\frac{2}{3}$ его среднего месячного заработка, если ущерб причинен неосторожной порчей материалов, полуфабрика-

¹ С. Каринский, Понятие действительного ущерба по делам о материальной ответственности рабочих и служащих, «Социалистическая законность», 1950 г., № 10, стр. 39—40.

² «Известия НКТ СССР», 1931 г., № 25.

тов или изделий¹. Полагаем, что к материалам следует относить и сырье.

В торговых предприятиях характер материальных ценностей меняется в зависимости от места, занимаемого ими в общем движении товаров. В одном случае такие предметы, как тара, соль и прянности выступают в качестве материалов, например, в плодово-овощном комбинате, в другом случае они являются товарами. А от этого в ряде случаев изменяется и характер материальной ответственности. Такое же явление наблюдается и при возмещении ущерба, причиненного при транспортировке.

Когда доставку в торговые предприятия молочных продуктов, хлебных, кондитерских изделий и др. осуществляют работники промышленных предприятий, для них эти предметы являются «изделиями». Если эта же функция выполняется работниками торговых предприятий — эти же предметы являются «товарами». Характер материальной ответственности и в этом случае может меняться. И это не формальность, это отражение тех различий, которые имеют место с изменением условий труда при изменении рода предприятий.

Ограниченная материальная ответственность в размере действительного ущерба, но не свыше своего среднего месячного заработка, наступает по пункту 4 Инструкции НКТ СССР от 1 июня 1932 года². Особенности этой нормы заключены в двух признаках. Этот предел ограниченной материальной ответственности установлен только для определенных должностных лиц. К числу таких лиц отнесены административно-технический и административно-хозяйственный персонал. В этом случае предусмотрен особый характер причинения ущерба, который формулируется так:

«За неправильную постановку учета и хранения имущества, находящегося на складе, в магазине, в цеху или непосредственно у рабочих, а также за непринятие необходимых мер по борьбе с хищением, уничтожением или порчей этого имущества»...

Сложность и трудность применения этой нормы состоят в том, что каждый раз следует установить, кто же из всего числа должностных лиц относится к числу административно-технических и административно-хозяйственных работников, ответственных за надлежащую постановку учета и хранения имущества. То же следует сказать и о характере упущений по службе.

Характерным является дело по иску Харьковского Горплодоовощторга к Петрову Е. В. (завмагу № 11) и Грушковскому И. М. (пом. зав. маг) о взыскании 1810 руб. 85 коп. убытков от расхищения бочкотары³.

¹ См. п. 3 Инструкции НКТ СССР от 1 июня 1932 г. «Об имущественной ответственности работников за материалы и изделия и за имущество предприятия или учреждения, выданное в пользование работникам», Известия НКТ СССР, 1932 г., № 17—18.

² «Известия НКТ», 1931 г., № 25.

³ Дело народного суда 3-го участка Дзержинского района гор. Харькова, 1954 год, № 2—80.

Обстоятельства дела таковы: в течение двух месяцев в магазине № 11 Горплодоовощторга, что находится на Салтовском поселке, бочки с квашенными овощами, с тюлькой и камсой, как и порожняя бочкотара, никем не охранялись в нерабочее время.

Объясняется это тем, что работники милиции принимали под свою охрану только закрытые, запертые и опломбированные двери магазина.

Необходимым складским помещением магазин не располагал. И хотя бочки с товарами оставались сохранными и без охраны, пустую бочкотару неизвестные лица забирали. Были случаи, когда эти лица выбрасывали остатки камсы, а бочки забирали. По истечении двух месяцев вопрос был урегулирован, и Горплодоовощторг соорудил дворик. Но за два месяца было похищено 37 бочек на сумму 1810 руб. 85 коп. Народный суд отказал в иске Горплодоовощторга, освободил от ответственности завмага Петрова и его помощника Грушковского, так как они со своей стороны принимали все меры. Но суд не выполнил при этом требований ст. 186 ГПК УССР. Он не заменил ненадлежащих ответчиков надлежащими ответчиками, т. е. лицами, виновными в непринятии мер по борьбе с хищениями. Ведь в данном случае все признаки ограниченной материальной ответственности с пределом до одного месячного заработка налицо. Суду следовало уточнить круг должностных лиц Харьковского Горплодоовощторга, в обязанность которых входит обеспечение мер по охране и сохранности имущества, находящегося в его предприятиях.

Полная материальная ответственность рабочих и служащих за причинение ими ущерба предприятию наступает в четырех случаях причинения ущерба. Все эти случаи перечислены в ст. 83¹ КЗоТ.

Пункт «а» ст. 83¹ КЗОТ гласит, что рабочие и служащие несут имущественную ответственность в полном размере ущерба, когда ущерб причинен действиями работников, содержащими признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке.

В связи с этим в практике возник вопрос о том, кто уполномочен давать суждение и в какой форме должно быть суждение о том, относятся ли данные противоправные действия причинителя вреда к уголовно-наказуемым.

Пленум Верховного суда СССР своим постановлением от 3 февраля 1944 года по иску совхоза «Ароматмасло» к Паничу дал и общие указания, что для суждения о том, содержат ли действия работника, признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке, необходима проверка следственных или судебных органов. При этом не во всех случаях необходимо привлечение работника к уголовной ответственности для применения к нему полной материальной ответственности. Следственные или судебные органы, констатируя наличие признаков уголовно-преследуемого деяния, могут вынести определение о прекращении дела или о

невозбуждении дела ввиду малозначительности или по иным признакам¹.

Суждение о наличии или об отсутствии признаков, преследуемых в уголовном порядке в деяниях лиц, виновных в причинении ущерба, принадлежит только судебным и следственным органам.

Форма этого суждения также определена: обвинительный приговор или определение суда с констатацией наличия уголовно-наказуемого деяния, постановление прокурора о прекращении дела или об отказе в возбуждении дела в виду малозначительности или нецелесообразности.

Может возникнуть вопрос, что же останется на долю гражданского дела в народном суде, если еще до рассмотрения гражданского дела должно быть готовое суждение о наличии деяний, преследуемых в уголовном порядке у лица, причинившего вред?

Народный суд по гражданскому делу о взыскании ущерба в полном его размере по п. «а» ст. 83¹ КЗОТ должен проверить причинную связь с уголовно-наказуемым деянием, а также наличие и размер ущерба.

Так, например, в народном суде 1-го участка Ленинского района г. Харькова рассмотрено дело по иску Харпромторга к Адаменко Г. М. о взыскании 5528 руб. 12 коп. В этом деле имеется копия постановления прокурора Ленинского района от 9 апреля 1954 года о прекращении уголовного дела по ст. ст. 5 и 92 УПК УССР. Этим постановлением установлено, что Адаменко причинил уголовно наказуемыми действиями ущерб Харпромторгу и потому он должен нести полную имущественную ответственность по п. «а» ст. 83¹ КЗОТ. Но значит ли это, что иск подлежит удовлетворению в размере, заявленном истцом? В приведенном деле народный суд иск удовлетворил частично. Суд отказал в той части иска, которая образовалась в результате неправильного учета. У Адаменко были оприходованы излишки на 688 руб. 60 коп. На эту сумму суд уменьшил размер искового требования. Действительный ущерб в данном случае равен 4024 рублям и 77 копейкам, а не 5528 руб. 12 коп. как об этом было указано в исковом заявлении.

В постановлении от 28 мая 1954 года о судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлением, Пленум Верховного суда СССР указал на необходимость различать ущерб в корыстных или не в корыстных целях. Суды должны учитывать при определении размера долга за ущерб без корыстных целей материальное положение работника² не являющегося материально-ответственным лицом.

Пунктом «б» ст. 83¹ КЗОТ предусматривается полная материальная ответственность за причиненный ущерб предприятию

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1944 г., Юриздат, М., 1948 г., стр. 63—64.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1954 г., № 5, стр. 1—4.

его работником, когда специальными законами такая ответственность возлагается на работника.

По этому основанию полную материальную ответственность несут:

а) работники торговых предприятий за мелкую недостачу, происшедшую у них вследствие неопытности, просчета или других действий, не содержащих признаков уголовного преследования (примечание к ст. 5 пост. СНК СССР от 16 февраля 1933 г. в редакции 9 октября 1936 года) ¹.

Отнесение сумм к мелким недостачам должно производиться письменным распоряжением руководителя торгового предприятия. А если он сам является материально-ответственным лицом, то такие распоряжения должны давать руководители вышестоящих организаций (ст. 127 Инструкции, являющейся приложением № 2 к приказу Министерства торговли СССР от 5 августа 1949 года № 680) ²;

б) кассиры — за сохранность всех принятых ими ценностей и за всякий ущерб, причиненный предприятию или учреждению в результате халатных, небрежных, неосторожных или умышленных действий (ст. 42 «Положения о ведении кассовых операций предприятиями, учреждениями и организациями», утвержденного Советом Министров СССР 15 января 1949 года) ³;

в) работники совхозов (как и колхозов), виновные в гибели лошадей, крупного рогатого скота, свиней, овец и коз, принадлежащих совхозам и колхозам.

Пункт «в» ст. 83 ¹ КЗОТ предусматривает полную материальную ответственность, когда между работником и организацией имеется особый письменный договор о принятии на себя работником полной либо повышенной имущественной ответственности за недостачу сверх предусмотренных норм ценностей, переданных под ответственность работника для хранения или для других целей.

Такие договоры могут заключаться с материально-ответственными работниками, по списку, утвержденному постановлением НКТ СССР 29 октября 1930 года № 332 ⁴.

В этом перечне содержатся работники следующих категорий: кассиры всех специальностей во всех предприятиях и учреждениях, в том числе и кассовые счетчики; заведующие складами, их помощники и кладовщики, ведающие отдельными кладовыми; заведующие магазинами и заведующие лавками; заведующие

¹ СЗ СССР, 1936 г., № 55, ст. 433.

² Сборник материалов по охране социалистической собственности, Госторгиздат, 1952 г., стр. 153. Законодательство о труде. Комментарий, Госюриздат, М., 1954 г., стр. 168—169.

³ СП СССР, 1949 г., № 2, ст. 23.

⁴ «Известия НКТ» 1930 г., № 31—32.

отделами, отделениями или секциями магазинов при наличии в этих отделах, отделениях или секциях отдельного учета товаров с самостоятельным штатом; агенты для денежных и товарных поручений, в том числе инкассаторы и экспедиторы; гардеробщики; лотошники, ларечники, продавцы печатных произведений в киосках.

С работниками же, занимающими должности, не предусмотренные этим постановлением НКТ, но связанные с обслуживанием денежных и товарных ценностей, договоры об имущественной ответственности могут заключаться с разрешения органов профсоюзов.

В торговых предприятиях накоплен известный опыт.

Этот опыт дает возможность сделать определенные обобщения. Договоры с работниками, не подпадающими под перечень категорий, указанных в постановлении НКТ СССР от 29 октября 1930 года, заключаются с разрешения профсоюзов только при наличии двух обстоятельств: если работнику торгового предприятия выдаются под отчет товаро-материальные ценности для их реализации или в целях сохранности и если этот работник относится к категории старших продавцов¹. На практике органы профсоюзов и вся общественность в целом, как и органы управления в области торговли — резко осуждают попытку передавать под отчет товаро-материальные ценности неопытным и малоквалифицированным работникам.

Некоторые профорганизации также отвергают стремление хозяйственников заключать договоры о полной материальной ответственности со старшими продавцами, но не получающими под отчет товаро-материальные ценности, с целью установления их солидарной ответственности с подотчетными лицами².

Такую практику следует признать правильной, обеспечивающей точное применение закона.

Какие же категории продавцов относятся к числу старших? В ряде торговых предприятий принадлежность к числу старших продавцов закрепляется коллективными договорами. В коллективных договорах устанавливается также повышенный размер окладов этих работников³.

¹ См. иное у С. С. Каринского, «Материальная ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву». Госюриздат, М., 1955 г., стр. 239.

² Начиная с 1955 г. в государственных торговых предприятиях введена так называемая бригадная материальная ответственность. О сущности бригадной материальной ответственности см. работу Л. Ф. Жуковой. Материальная ответственность работников государственной торговли за ущерб, причиненный ими предприятию. Сб. науч. работ Моск. инст. нар. хоз. им. Г. В. Плеханова, в. IX, М., 1955 г.

³ См. Коллективный договор Харьковского универмага «Главунивермаг» на 1954 г., стр. 30 и Коллективный договор на 1954 г. Амур-Нижне-днепровского Смешторга, г. Днепропетровск, стр. 25.

Но возможны и иные варианты. Существует еще и такая система выделения старших продавцов из числа всех других категорий, при которой к слову «продавец» добавляется еще определенное особое название. Например, с целью обозначения категории продавцов, относящихся к старшим, вместо слова «старший» добавляют слово, характеризующее особенности его условий труда: лоточник, киоскер, кольцевой (работает не на одном месте, а передвигается по кольцевому маршруту), палаточник, павильонщик и др.

В практике встречается стремление к расширению списка категорий работников, с которыми следует заключать договоры о материальной ответственности.

Так, Краснобаварский Смешторг г. Харькова отбирает так называемые «расписки о материальной ответственности» у работников, не относящихся, ни к старшим продавцам, ни к другим приравненным категориям. Это возчики, грузчики и шоферы.

Такая практика не вытекает из требований закона и противоречит закону. Если закон не разрешает заключать особых договоров с ними, то тем более нет оснований отбирать у них расписки.

Характерным в этом отношении является дело по иску Краснобаварского Смешторга г. Харькова к Боровому П. П., рассмотренное Краснобаварским Народным судом 29 мая 1954 г.

Боровой, будучи возчиком Смешторга, не привез ящика крышона на 760 руб. Истец представил расписку о материальной ответственности. Но Народный суд не признал Борового материально-ответственным лицом, тем самым не придал никакого правового значения расписке, которой Смешторг желал заменить договор о материальной ответственности. Возчик Боровой, в этом случае, должен был нести имущественную ответственность на общих основаниях, в зависимости от того, есть ли в его действиях признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке или нет и т. д.

Договоры о принятии работником на себя полной материальной ответственности по своему содержанию должны быть двусторонними. Они должны содержать обязанности обеих сторон, как работника, так и предприятия. В подавляющем большинстве договоров содержатся указания на обязанности обеих сторон, но зачастую в этих договорах не указываются подробно те мероприятия, которые администрация обязана осуществить или осуществила в целях создания условий, благоприятных для обеспечения сохранности товаро-материальных ценностей.

Однако есть и такие отрицательные явления, когда в договорах совершенно отсутствуют указания на обязанности администрации по созданию необходимых условий для хранения ценностей. Это замечено в практике торговых предприятий Харьковского Облпотребсоюза и Райпотребсоюзор области.

Народный суд 1-го участка Харьковского района 11 января 1954 года рассмотрел дело по иску Роганьского СПО к Гниденко Д. А. о взыскании 5278 руб. 02 коп.

По этому делу суд установил, что главной причиной недостачи явилась гибель соли, находившейся долгое время под дождем в буртах и от боя стекло-посуды, также подверженной постоянному бою и растаскиванию, так как элементарно оборудованного места на базе не было. Виновным в таком положении суд признал не подотчетное лицо, а правление Роганьского СПО. Потому из суммы 5278 руб. 02 коп. убытков суд взыскал только 69 руб. 56 коп.

В интересах обеспечения сохранности товаров, торговые организации должны увеличить строительство складов, холодильников и овощехранилищ¹, как того требует XX съезд партии.

Четвертый случай полной материальной ответственности предусмотрен пунктом «г» ст. 83¹ КЗОТ: рабочие и служащие несут полную материальную ответственность в размере действительного ущерба, если ущерб причинен не при исполнении служебных обязанностей.

По вопросу о природе этой ответственности нет единодушного мнения. Одни авторы считают, что отношения о возмещении вреда в случае причинения ущерба не при исполнении обязанностей следует регулировать по трудовому законодательству, как об этом говорит и само законодательство — п. «г» ст. 83¹ КЗОТ.

Другие утверждают что здесь речь идет об общегражданской ответственности по ст. 403 ГК². Но такое мнение основано на ошибочном отождествлении различных понятий. Нельзя ставить знак равенства между трудовой функцией работника и между трудовым правоотношением в целом.

Пункт «г» ст. 83¹ КЗОТ имеет в виду случаи, когда ущерб причиняется не в связи с исполнением обязанностей, но в связи с трудовым правоотношением.

Как провести грань между понятиями исполнения обязанностей и между действиями, не относящимися к трудовой функции.

Народным судом Красноградского района Харьковской области рассмотрено дело по иску Красноградского Смешторга к Пустовойт С. Н. и Судакову А. И. о взыскании 5300 руб. Сущность дела такова: грузчик Судаков, в момент отсутствия шофера Пустовойт и без его разрешения завел автомашину, гружен-

¹ Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, М., 1956 г., стр. 80.

² См. Учебник Трудовое право, 1949 г., стр. 288; Лесняк. Дела о материальной ответственности рабочих и служащих в судебной практике, Социалистическая законность, 1951 г., № 9, стр. 42; С. С. Каринский. Материальная ответственность рабочих и служащих по советскому праву, Юриздат, М., 1955 г., стр. 145.

ную ящиками с водочными изделиями, и откатил автомашину от вагона, чтобы закрыть ее борта. Но в момент движения машины ящики соскользнули на мерзлый грунт и от боя посуды образовался ущерб, равный 5300 рублям. Возникает вопрос, есть ли здесь признак пункта «г» ст. 83¹ КЗОТ или его нет?

Грузчик не обязан водить машину, но он обязан все сделать по погрузке, в том числе и закрыть борта машины. То обстоятельство, что он не имеет права вождения, в данном случае не имеет существенного значения. Так как результат мог быть совершенно одинаковым, если бы он толкал машину собственным плечом, в чем ему отказать трудно, даже при отсутствии у него права на вождение автомашины.

Весь вопрос тут зависит от факта: проявил ли Судаков озорство или он допустил упущение по службе, но при исполнении обязанностей по погрузке или связанных с погрузкой, т. е. с его прямыми обязанностями.

Представляется, что в этом вопросе у суда есть право оценки и усмотрения.

Суд во всех таких случаях должен дать мотивированное суждение о том, что действия, которыми работник причинил ущерб относятся или не относятся к его трудовой функции. В связи с движением за совмещение профессий работниками торговых предприятий¹ вопрос о разграничении трудовых функций работника и действий, не относящихся к его роду работы — осложняется. В таких случаях суду надлежит выяснить, связано ли было вредоносное действие с выполнением обязанностей и по совмещаемому роду работы.

Повышенная имущественная ответственность рабочих и служащих за причинение ущерба предприятию или учреждению может наступить в трех случаях и с различным отношением кратности размера долга к размеру ущерба.

1) Часть I ст. 2 инструкции Наркомтруда СССР от 1 июля 1932 года об имущественной ответственности работников за материалы и изделия и за имущество предприятия или учреждения, выданное в пользование работникам, предусматривает материальную ответственность в 5-кратном размере за хищение, умышленное уничтожение или умышленную порчу материалов, полуфабрикатов и изделий, а также за инструменты, спецодежду и другие предметы, выданные предприятием или учреждением в пользование работникам (измерительные приборы, респираторы, маски, очки и т. д.)².

2) Часть II ст. 2 этой же инструкции предусматривает материальную ответственность до 5-кратного размера за утрату или за порчу по небрежности инструментов, спецодежды и дру-

¹ См. газ. «Советская торговля» от 3 марта 1956 г. № 27. Кор. И. Мальцева, Совмещение профессий.

² «Известия НКТ СССР» 1932 г., № 17—18.

гих предметов, выданных предприятием или учреждением в пользование работникам.

3) Повышенная материальная ответственность в 1½-кратном размере установлена за хищение крупного рогатого скота, свиней, овец, коз и лошадей, принадлежащих колхозам и совхозам.

Повышенную материальную ответственность за хищение скота, принадлежащего совхозам (колхозам), следует обосновывать при этом ссылкой на п. «б» ст. 83¹ КЗОТ, который предусматривает многократную ответственность наряду с ответственностью полной.

Особая, повышенная ответственность за хищение скота наступает только в тех случаях, когда этот скот принадлежал подсобным хозяйствам торговых предприятий (подсобные хозяйства ОРС'ов и др.) или совхозам Министерства торговли. Ответственность же перед всеми другими торговыми предприятиями за хищение скота наступает по п. «а» ст. 83¹ КЗОТ, т. е. по признаку уголовной вины.

Для работников торговых предприятий инструмент и спецодежда являются таковыми только в тех случаях, когда они получают эти инструменты или спецодежду в пользование. В остальных случаях, т. е. когда эти предметы являются объектом торговли, они не выделяются из общей массы товаро-материальных ценностей. А, следовательно, ответственность за их недостачу не будет повышенной.

В практике наблюдаются случаи причинения ущерба торговым предприятиям в результате нарушений или упущений должностных лиц при осуществлении контроля за исполнением поручений по доверенностям на получение товаро-материальных ценностей.

Так, ст. 4 инструкции НКФ СССР от 9 июня 1944 года № 307 о порядке ведения учета и контроля за выданными доверенностями и получением по ним товаров¹, вменяет в обязанность главных (старших) бухгалтеров предприятий (организаций, учреждений), выдавших доверенности: следить за соблюдением правил оформления, выдачи и регистрации доверенности; инструктировать лиц, получающих доверенности, о порядке представления бухгалтерии документов о выполнении поручений; своевременно контролировать, на основе соответствующих документов (приходных ордеров, приемных актов и т. п.), использование доверенностей; следить за соблюдением сроков действия выданных доверенностей и своевременным возвратом их при неиспользовании.

В свою очередь и другие должностные лица обязаны обеспечивать такой порядок, при котором бы исключались какие-либо потери. Так, ст. 5 инструкции обязывает лицо, получившее дове-

¹ «СФХ» 1944 г., № 9, стр. 11.

ренность, не позднее следующего дня после истечения срока действия доверенности представить в бухгалтерию предприятия (организации, учреждения) документы о выполнении поручения, либо вернуть неиспользованную доверенность.

Только там, где допускаются отступления от требования закона, где нет надлежащего контроля за исполнением поручений по доверенностям на получение товаро-материальных ценностей, возможны случаи причинения ущерба.

Краснобаварский народный суд рассмотрел дело по иску хозрасчетного буфета станции Люботин к Краснобаварскому Смешторгу и к Боровому П. П. о взыскании 760 рублей. По доверенности, выданной хозрасчетным буфетом ст. Люботин своему кладовщику Мартыненко, товаро-материальные ценности (крюшон) на 760 рублей получил возчик Боровой. Бухгалтер хозрасчетного буфета ст. Люботин не потребовал отчета по этой доверенности, а через шесть месяцев установить судьбу товаро-материальных ценностей, полученных возчиком Боровым по доверенности на другое лицо, уже было невозможно.

Вопрос о том, кто является причинителем ущерба, и по какому основанию должен отвечать каждый причинитель, представляет значительные трудности.

Кто же относится к числу причинителей в таких делах?

В таких делах бывают, как правило, четыре причинителя вреда: бухгалтер, виновный в отсутствии учета и отчетности по доверенностям; лицо, получившее доверенность, но утратившее ее или передавшее третьему лицу; лицо, получившее товаро-материальные ценности по похищенной, найденной или незаконно-полученной доверенности и кладовщик, отпустивший товаро-материальные ценности по доверенности ненадлежащему лицу.

Как следует обосновать материальную ответственность всех и каждого причинителя вреда? При наличии в их деяниях уголовной вины, все лица, состоящие в трудовом правоотношении с предприятием, потерпевшим ущерб, обязаны возместить его по п. «а» ст. 83¹ КЗОТ. При отсутствии трудового правоотношения — эти причинители должны нести имущественную ответственность по ст. 403 ГК. Такой вывод следует из п. 3 руководящих указаний Пленума Верховного суда СССР (постановление № 6 от 28 мая 1954 г.) о судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлением¹.

При отсутствии у этих причинителей ущерба уголовной вины, обоснование их материальной ответственности дифференцируется. Каждый из них должен нести материальную ответственность по различному основанию. Бухгалтер, виновный в ненадлежащей постановке учета и отчетности, должен нести материальную ответственность в размере ущерба, но не более месячного заработка по

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1954 г., № 6, стр. 2—3.

п. 4 инструкции НКТ СССР от 1 июня 1932 года; лицо, утратившее доверенность — по ст. 83 КЗОТ, в пределах до 1/3 оклада; лицо, получившее товаро-материальные ценности по доверенности на другое лицо — должно возместить ущерб полностью по п. «г» ст. 83¹ КЗОТ, так как в этом случае оно причиняет ущерб не при исполнении обязанностей, ибо ни получение товаро-материальных ценностей, ни подпись в получении таковых, не входит в его функции; кладовщик, выдавший товаро-материальные ценности ненадлежащему лицу, несет полную материальную ответственность по п. «в» ст. 83¹ КЗОТ, т. е. как за недостачу, образовавшуюся по его вине.

В указанных случаях привлекаются прежде всего материально-ответственные лица, а все остальные отвечают субсидиарно.

Часто возникает вопрос о применении закона или об обосновании материальной ответственности за ущерб, возникающий в связи со взысканием штрафа за просрочку или невозврат мешкотары.

Если просрочка или невозврат мешков, как и другой тары, является результатом упущений по службе, то все лица, виновные в таком упущении обязаны возместить ущерб, но в пределах до 1/3 оклада по ст. 83 КЗОТ или в пределах до одного месячного заработка, по п. 4 инструкции НКТ СССР от 1 июня 1932 года.

Когда же невозврат мешкотары является результатом их порчи по вине материально-ответственного лица, то это лицо обязано возместить ущерб полностью по п. «в» ст. 83¹ КЗОТ, так как это лицо обязано обеспечить не только цельность, но и сохранность вверенного ему имущества.

Так, например, народный суд 2-го участка Змиевского района Харьковской области рассмотрел дело по иску Тарановского СПО к Стеценко Б. И. о взыскании 4868 руб. 22 коп. В эту сумму входит и штраф за невозврат мешкотары, равный 3132 рублям. Народный суд отказал в этой части иска только на том основании, что мешки к нужному сроку не могли быть возвращены, так как они еще были заняты под мукой.

Но в этом должностные лица виновны. Они обязаны принять меры к высвобождению и возврату тары.

Народный суд 1-го участка Балаклейского района 24 апреля 1954 года рассмотрел дело по иску Балаклейского РПС к Овруцкому М. А. о взыскании 489 руб.

Ответчик Овруцкий доказал, что просрочка в возврате тары имела место от того, что руководители РПС не разрешали ему предпринимать каких-либо мер к разгрузке тары. В данном случае разгрузка мыслима только путем реализации муки. Народный суд удовлетворил иск в размере ущерба на том основании, что ответчик Овруцкий является материально-ответственным лицом. И такое решение является неверным. Полную материальную ответственность материально-ответственные лица должны нести только за недостачу, как и за порчу, тех товаро-материальных

ценностей, которые им переданы для реализации, хранения или на экспедицию.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в своем определении по иску Горпищеторга к Давыдовой, указывает, что в соответствии со ст. 83¹ КЗОТ Давыдова, как материально-ответственное лицо, должна нести полную материальную ответственность только за недостачу вверенных ей материальных ценностей. В данном же деле речь идет о возмещении ущерба от уплаты Горпищеторгом штрафа за несвоевременный возврат тары. Имущественная ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный в результате необходимости для предприятия или учреждения произвести излишние или штрафные выплаты, в соответствии со ст. 83 КЗОТ может иметь место в размере действительного ущерба, но не свыше 1/3 части тарифной ставки¹.

Так следует решать вопрос о материальной ответственности за ущерб от уплаты штрафа за просрочку в возврате тары материально-ответственными лицами.

Но за этот ущерб, если он не покрывается взысканием с лиц непосредственно виновных, ответственность должны нести и должностные лица, если они виновны в плохой постановке учета и отчетности или в нераспорядительности, следствием чего была просрочка в возврате тары и уплата за это штрафа. А должностные лица обязаны возмещать этот ущерб не по ст. 83 КЗОТ и не в пределах 1/3 части тарифной ставки, а по п. 4 инструкции НКТ СССР от 1 июня 1932 года и в пределах до одного месячного заработка.

В судебной практике возникают также дела, в которых ставится вопрос об ответственности за ущерб, возникающий в связи с увольнением работника с того предприятия или учреждения, за счет которого этот работник обучался в торговой школе или торгово-кулинарном училище.

В ряде случаев суды такие иски удовлетворяют. В частности, об этом говорит в своей статье народный судья г. Орла В. Чепегин². Он выступает с предложением, чтобы такие дела разрешались в зависимости от того, был ли договор об определенном сроке работы после учебы, или такого договора не было. Он считает, что при наличии договора об определенном сроке работы после учебы — работник обязан возместить ущерб, в случае прекращения трудового договора до истечения этого срока. В противном случае, по его мнению, администрация не вправе требовать возмещения ущерба, причиненного выплатой средств за обучение работника.

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР, 1954 г., № 2, стр. 36.

² В. Чепегин, Спорные вопросы по гражданским трудовым делам, «Социалистическая законность», 1954 г., № 11, стр. 51.

Следует, прежде всего, обратить внимание на то обстоятельство, что ни одно решение суда, да и мнение, выраженное т. Чепегиним в его статье, не содержат ссылки на норму закона, не содержат обоснование возложения материальной ответственности за расходы по обучению. Дело в том, что в этом случае вообще нет никакого ущерба. Расходы по профессиональному обучению планируются и осуществляются правомерно. Для наступления материальной ответственности нет оснований, так как издержки по повышению деловой квалификации не связаны с противоправностью в действиях кого бы то ни было.

Порядок и правовые последствия увольнения по собственному желанию работника одинаковы, независимо от того, имело ли место обучение работника за счет предприятия или нет.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>А. А. Пушкин</i> — Правовое положение предприятий и организаций розничной торговли	3
<i>П. Н. Подпальный</i> — Правовое положение совхозов, как землепользователей	24
<i>М. И. Бару</i> — План и договор.....	35
<i>В. В. Овсиенко</i> — Некоторые вопросы структуры обязательственных отношений по поставке металлопродукции	53
<i>Н. М. Васильченко</i> — Нотариальная практика по делам о наследовании и выморочном имуществе	75
<i>С. И. Вильнянский</i> — Судебная практика по делам об установлении фактов.....	89
<i>А. М. Смецкая</i> — Судебная практика по делам о разделе домовладения в городах	107
<i>А. А. Сергиенко</i> — Некоторые вопросы теории и практики возмещения вреда в связи с причинением увечья рабочим и служащим	121
<i>З. А. Подопрigorа</i> — Защита колхозной собственности в договорных отношениях колхозов.....	142
<i>А. Т. Барабаш</i> — Некоторые вопросы материальной ответственности рабочих тракторных бригад за ущерб, причиненный машинотракторной станции	158
<i>П. Я. Шумский</i> — Материальная ответственность работников торговых предприятий	171

Ответственный за выпуск *А. И. Рогожин*

Технический редактор *М. И. Лиманова*

Сдано в набор 28/I 1957 г. Подписано к печати 27/V 1957 г. БЦ 08208.
Формат 60×92¹/₁₆. Объем 5,87 бум. л. 11,75 п. л. 12 учет.-изд. лист. Зак. 345.
Тираж 500. Бесплатно

Книжная фабрика им. Фрунзе Главиздата Министерства культуры УССР,
Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.